

**Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики**

**ГОУ ВПО ЛНР „Луганский государственный
университет имени Тараса Шевченко”**

Филологический факультет

**СБОРНИК
МАТЕРИАЛОВ
Республиканской
научно-практической конференции
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНСКОЙ И
РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ»**

14 апреля 2016 г.

**Луганск
2016**

УДК [811.11+811/13] (06)
ББК 81/43я 43+81.47я43
А 43

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
ГЕРМАНСКОЙ И РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ** : Сборник
материалов Республиканской научно-практической
конференции. 14 апреля 2016 года. – Луганск: Изд-во ЛГУ,
2016. – 395 с.

Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции состоит из разных тематических направлений: актуальные проблемы исследования романской и германской филологии; приоритетные направления развития литературного процесса; проблемы современного переводоведения и преподавания перевода; новейшие технологии преподавания иностранных языков; компаративная лингвистика.

Сборник материалов предназначен для педагогической общественности, представителей науки и культуры, а также для всех заинтересованных лиц. Статьи напечатаны в авторской редакции.

*Рекомендовано к печати Учёным советом филологического факультета ГОУ ВПО ЛНР „Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко”
(протокол № 10 от 26 мая 2016 г.)*

Ответственный за выпуск: Н.В. Грицкова

Редакционная коллегия: Н.В. Скляр
Е.Н. Санченко
Е.А. Ткачева

*Редакция не несёт ответственность за авторский стиль работ,
опубликованных в сборнике.*

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Материалы докладов и сообщений, включённые в сборник,
печатаются на языке оригинала.*

СОДЕРЖАНИЕ

Ахмадуллин Д.Р. Заимствования как один из способов обогащения французского словаря в ходе развития языка.....	6
Апухтина Е.В. Прозвище как объект лингвистических исследований (на примере немецкого языка).....	15
Барыбина М.Е. Антропоморфная метафора в экономических текстах испаноязычной прессы	26
Безверхая И.В. Система символических образов в романтической сказке.....	34
Бондаренко В.Р. Характерные черты и лингвостилистические особенности газетно-публицистического стиля.....	42
Борзых Е.А. Перевод как одно из основных средств общения в сфере межкультурной коммуникации.....	51
Васильева О.О. Англійські лексичні одиниці на позначення кольору в сучасній автомобільній промисловості.....	60
Гайдаш Г.В. Молодёжный сленг как своеобразный способ вербализации бытия современной Франции....	73
Грицкова Н.В. Проблемы перевода интернационализмов с немецкого языка на русский язык.....	81
Дворцевая А.В., Мирошниченко Ю.С. Изучение английского языка с использованием мультимедийных технологий.....	90
Донцова Е.Г. Императивные композиты в английском языке и способы их перевода.....	98
Иващенко Е.В., Калиновская Е.А. Достижение адекватности передачи грамматических категорий при переводе английских текстов.....	108
Калюжная В.Ю., Кубракова М.В. О некоторых	

способах перевода слов-реалий с немецкого языка на русский.....	119
Кисель В.С., Некрутенко Е.Б. Роль культурных ценностей в межкультурной коммуникации.....	127
Колесник Т.И. Интернет-коммуникация как предмет лингвистического исследования.....	135
Конарева А.А. К вопросу о формировании немецкого молодёжного сленга.....	146
Коршко Т.А. Особенности немецких фразеологических единиц с цветовым компонентом...	156
Криничная Т.В. Языковые средства выражения национально-культурной специфики и проблема передачи их в художественном тексте.....	164
Ляшенко Н.А. Антропоцентризм в английской филологии.....	174
Медяник Е.А. Учёт фонетических особенностей французских скороговорок при обучении произношению на уроках французского языка.....	192
Нежебовская Я.Е. Проблема перевода художественных произведений.....	203
Некрутенко Е.Б., Кисель В.С. Structural-semantic features of the name formation of British place names.....	214
Остапенко Ю.О. Особенности перевода заголовков в немецком языке.....	225
Пантыкина Н.И. Специфика концепта „ДРУЖБА” в русской и английской лингвокультурах.....	233
Рубашка А.А. Фэнтези как вид жанра.....	246
Санченко Е.Н. Повтор в англоязычном художественном тексте: переводческий аспект.....	254
Скляр Н.В. Роль бинарных понятий в сюжетной линии немецкоязычной автобиографии.....	264
Скоков И.В. Проблема перевода окказионализмов на русский язык (на материале эссе J.Clarkson „The World According To Clarkson”).....	277
Старикова М.В., Тертычная Н.Н. Межкультурный	

компонент в процессе преподавания иностранных языков в вузах.....	286
Стасевич Ю.Ю. Метафоры воспоминаний и памяти в автобиографическом романе Гюнтера Грасса „Луковица памяти”.....	296
Тамбовцева Д.А. Особенности лингвокультурологического концепта „ЛЮБОВЬ” в немецком и русском языках.....	304
Тимошенко Е.С. Gestures as a constituent part of non-verbal communication in Chinese and Japanese cultures...	312
Ткачева Ю.Г. Трансформация концептов текста при переводе.....	324
Токмачёва М.А. Сложности перевода глаголов перемещения „идти”, „вернуться” с русского языка на французский.....	337
Шавва Т.Ю. Место телескопии в словообразовательной системе современного французского языка.....	345
Шамхалян А.А. Английский заимствования в современной немецкой прессе.....	359
Шинкаренко Я.В. Формирование готовности будущих экономистов к профессиональному общению в процессе изучения английского языка профессиональной направленности.....	371
Юрина Н.А. О некоторых особенностях передачи имён собственных при переводе с французского языка.....	380
Сведения об авторах.....	389

УДК 811.133.1'343.45

Ахмадуллин Д. Р.

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБОГАЩЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО СЛОВАРЯ В ХОДЕ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Словарный состав любого языка является самым подвижным компонентом, находящимся в процессе постоянного изменения. Изменяясь и обогащаясь, он отражает в своем развитии условия определенного исторического периода в развитии общества. Нельзя полагать, что язык пассивно усваивает чужие лексические единицы, наоборот, слова, проникшие из другого языка, усваиваются не механически, а меняются в соответствии с его фонетическими, морфологическими и лексическими закономерностями, становясь частью языковой системы данного языка. Другими словами, заимствованная лексика подвергается процессу усвоения или ассимиляции. Ряд лингвистов и методистов исследовали вопрос способов обогащения словаря. Среди них Левит З. Н., Гак В. Г., Андреева В. Н., Лопатникова Н. Н.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть влияние заимствований на французский словарь в ходе развития языка.

Актуальность данной темы заключается в том, что в настоящее время французские лингвисты с новым интересом подходят к данному вопросу и выделяют этот вид обогащения словаря, как наиболее продуктивный среди остального множества путей его обогащения. Их влияние на язык различно с течением времени, каждая эпоха вносит свою лепту и свою лексику в копилку нации, заставляя язык развиваться также, как и человеческое

общество постоянно находится в развитии. Ни одна культура, ни один язык не развиваются изолированно. Любая национальная культура и язык – это результат внутреннего взаимодействия в самом языке, а вместе с тем взаимодействия культуры данного языка с культурой других стран.

Известно, что вплоть до XVI века во Франции все ведущие позиции удерживал за собой латинский язык. Он являлся, прежде всего, административным языком, представленным в области судопроизводства и международных отношений. Все акты, прошения, постановления, издаваемые королевской канцелярией, составлялись строго на латыни. И, несмотря на то, что, начиная уже с XIII века, встречались редкие случаи использования французского языка в деловых письмах, это явление носило, по свидетельству ученых, скорее фактический, а не юридический характер [4]. Ситуация усугублялась тем, что большинство придворных поэтов неуклонно продолжали писать свои произведения на латинском языке, богатом и совершенном, за неимением подобных средств в родном языке. По мнению Ю.Б. Виппера, именно в этот важный по своему значению момент в идеологической жизни страны, сложилось гуманистическое литературное объединение «Плеяда» [2, с. 4]. В своем трактате «Защита и прославление французского языка», один из главных теоретиков литературного объединения «Плеяда», Жоашен Дю Белле привел четыре способа обогащения французского словаря:

1. Создание неологизмов согласно существующим словообразовательным моделям. Дю Белле призывал молодых поэтов не бояться изобретать новые слова, так как это делали греки, и смело употреблять их в своих произведениях, даже если в этом иногда не было особой надобности [3].

2. Заимствование малоизвестных, но ярких слов из народной речи, в частности, из профессиональной сферы. Поэт утверждал, что представители различных профессий и люди труда не смогли бы сохранить своего ремесла, если бы они не использовали специальных слов, известных и распространенных только в их среде. [8].

3. Использование архаизмов. Для возвращения в обиход незаслуженно забытых слов он предлагал молодым поэтам обратиться к произведениям старофранцузской литературы, чтобы найти там тысячи прекрасных слов, которые были утеряны в результате небрежности их соотечественников. В качестве примера Дю Белле приводил такие слова, как *faire jouir* и его древний аналог *ajourner*, а также советовал использовать забытые слова *anuicter* вместо *faire nuict*, *assener* вместо *frapper*, а также *isner* вместо *leger* [9].

4. И наконец последний, четвертый способ обогащения словаря французского языка Дю Белле видел в заимствованиях. При этом в его позиции обращает на себя внимание призыв именно к осторожным заимствованиям, причем исключительно из древних языков [5].

Эта программа имела немало сторонников и вне литературного кружка. Наиболее убедительным подтверждением этому является творчество Ф. Рабле. Как известно, свой знаменитый роман он опубликовал задолго до появления «Плеяды»: «Пантагрюэль» был опубликован им в 1532 г., а «Гаргантюа» в 1534 г. Как отмечает М.В. Сергиевский, созданная Рабле эпопея требовала от писателя богатого арсенала языковых средств. Поэтому, как бы предвосхищая программу Дю Белле по обогащению французского словаря, Рабле безгранично прибегал к образованию новых слов, многие из которых удержались и в последствии во французской литературе [4].

Говоря о заимствовании, мы должны отметить, что заимствовать можно не только значение или части слова,

но и внутреннюю форму лексической единицы иностранного языка, а также звук или комбинацию звуков. Первый тип называется «калька». Примерами могут служить слова из немецкого языка *surhomme-Ubermensch*, из английского *gratte-ciel-sky-scraper* и т.д. Ко второму типу, когда мы заимствуем звуки, относятся слова германского происхождения, которые во французском языке графически начинаются с *h* придыхательного (*hache, hareng, haricot* и т.д.)

По пути проникновения заимствования делятся на прямые или не прямые.

Прямыми называются те заимствования которые проникают в язык непосредственно, напрямую (из английского: *clown, boxe, ticket* и т.д.). Непрямые же попадают посредством другого языка (венгерское слово *hussard* через немецкий язык; персидские слова *azug, caravane, orange* посредством арабского языка и т.д.).

Большинство лингвистов выделяют две основные группы заимствований по их уровню ассимиляции:

- ксенизмы (гр. *Xenos*- чужой). Как видно из этимологии, эта группа слов слабо адаптировалась к структуре данного языка и рассматривается в нем, как иностранная лексика.

Они принадлежат к специальной или экзотической лексике и почти не употребляются в разговорном языке. (ит.: *condotierre, vendetta*; рус.: *izba, samovar* и т.д.).

- заимствования, которые полностью ассимилировались в результате фонетических и морфологических изменений. Свободно употребляются в разговорной речи. (*fauteuil*<*falstuol* (germ.) *mantilla*<*mantilla* (esp.) *baroque*<*baracca* (it.)) [5].

Что же касается вопроса ассимиляции заимствований в соответствии с внутренними законами развития языка, то на этом уровне существует 4 основные категории: фонетическая, орфографическая, морфологическая и семантическая адаптации.

В своей работе по заимствованиям, L. Deroo, выделяет 4 способа адаптирования произношения иностранного слова.

1. Не принимать во внимание неизвестные или непронизносимые фонемы языка из которого происходит заимствование. (франкское слово *laubja* дало французское *loge*)

2. Замещать иностранные фонемы фонемами, характерными для заимствующего языка. (*waterproof* [oua-*teur-prouf*], *rockingchair* [roc-kinng-tcherr])

3. Вводить новые фонемы, чтобы придать слову разговорный вид. (*slido*>*esclaon*).

4. Изменение ударения в соответствии с правилами заимствующего языка. Так, например, в англицизмах: *reporter*, *leader*, *gentleman*; и русизмах: *spoutnik*, *toundra* под ударением оказывается последний слог.

Иногда заимствованное слово, попадая в новый язык, может приобретать совсем новое написание. Здесь речь идет о следующем типе адаптации заимствованной лексики – орфографической ассимиляции. В основном такой вид ассимиляции происходит в результате контакта между данным языком и языками других народов, в которых письменность исходного языка отличается от письменности заимствующего языка. В случае, если речь идет о языках с одинаковой структурой письменности, мы говорим о устных заимствованиях, которые получают новую орфографическую форму. В настоящее время заимствования, которые попали в данный язык относительно недавно сохраняют свое первоначальное орфографическое написание (*angl. shopping*, *sweater*, *interview*, *week-end*, *jeep*; *all. ersatz*, *feldspath*, *potasse*).

Следующий вид ассимиляции – это морфологическая ассимиляция. Здесь мы можем выделить следующие особенности.

1. Замена иностранных форм соответствующими французскими формами: *penser*<lat. *pensare*, *exister*<lat. *existere*, и т.д.

2. Замена суффиксов: *-ata*(ital.), *-ada*(esp.), *er*(angl.) заменяются соответствующими французскими суффиксами – *-ade*, *-eur* (it. *embassade*<*ambasciata*, *mascarade*<*mascherata* и т.д.).

3. Замена приставки: итальянские слова с приставкой *-in* во французском имеют *-en*, *-em* в качестве приставки (*imboscare*>*embusquer*, *incastrare*>*encastrer*) [6].

4. Образование производных слов от заимствованного часто сопровождается отбрасыванием суффикса в исходном варианте (*sportif*-*sportsman*, *sportivite*, *footballleur*, *skieur*).

5. Адаптация рода. Если заимствование было сделано из языка, который не принимает во внимание такую грамматическую категорию как род, то по общему правилу во французском данное слово становится мужского рода (*un building*, *un week-end*, *un interview*).

Последним видом ассимиляции заимствований, который мы рассмотрим, является семантическая ассимиляция. Было бы неправильно полагать, что иностранные слова, проникая в заимствующий язык, сохраняют все свои значения. Обычно они заимствуются лишь с одним, иногда с несколькими значениями из всех возможных. Говоря о семантической адаптации, нельзя не отметить ее особое влияние в некоторых случаях:

1. В течение определенного времени заимствованное слово, под влиянием иностранного слова-прототипа, может приобрести новое значение, которого нет в родном языке (*angl. heler* в XVI веке использовался как морской термин (*appeler un navir*) впоследствии расширил свое значение под влиянием глагола *to hail*;

2. Существует множество примеров, когда заимствованная единица имеет значение, которого нет в

родном языке (angl. box сначала loge de theatre, затем stalle d’ecurie, во французском имеет смысл compartiment d’un garage.)

3. При переходе из одного языка в другой, слово может полностью поменять свое семантическое содержание. Например, так называемые «ложные англицизмы» (footing во французском обозначает exercice de marche; le speaker во фр. annonceur a la radio, в англ. имеет смысл le president de la Chambre des Commune или un conferencier, orateur d’occasion a quelque reunion) [7].

4. Семантические изменения могут затрагивать не только смысл слова, но и его описание. Так арабские слова, проникшие в XIX веке во французский язык, могут приобрести разговорный или даже арготический характер (clebs – pop. chien, kif-kif – fam. pareil, la meme chose; maboul – pop. fou, toubib – fam. medecin).

Из выше сказанного можно сделать вывод, что пути обогащения словарного состава французского языка богаты и разнообразны. Они имеют различное функционально-грамматическое и социально-стилистическое назначение. Для каждой части речи используются специфические для неё словообразовательные средства. Отдельные словообразовательные средства как бы специализируются для определённых функциональных и социальных разновидностей лексики. Так, книжная аффиксация и основосложение широко практикуется в самых различных областях научной и технической терминологии, некоторые суффиксы характерны для просторечия и арго; фонетическое словообразование используется в различных разновидностях разговорной речи, буквенные сокращения чаще всего употребляются в периодической печати и научно-технической литературе, усечённые слова – в различных арго и т.п.

Заемствования из других языков оказали большое влияние на обогащение словарного состава французского языка. В процессе длительной истории своего развития французский язык воспринял значительное количество иностранных слов, тем или иным путем проникших в словарь. Процесс заимствования новых слов продолжается и сейчас.

Французский язык в настоящее время переживает «неологический бум». Создание неологизмов представляется наиболее богатым и интересным путём обогащения словарного состава французского языка.

Пополнение французского языка новыми словами происходит постоянно, так как словарный состав — наиболее проницаемая, изменчивая и подвижная сторона языка, которая «непосредственно реагирует на то, что происходит в мире реальных», в ней непосредственно отражаются наши представления о различных явлениях внеязыковой деятельности».

Список использованной литературы

- 1. Андреева В. Н.** Лексикология современного французского языка. – М.: «Учпедгиз», 2014.
- 2. Виппер Ю.Б.** Поэзия Плеяды. Становление литературной школы. – М.: Наука, 2014.
- 3. Гак В.Г.** О современной французской неологии. - Новые слова и словари новых слов. – М., «Наука», 2015.
- 4. Катагощина Н.А.,** Гурычева М.С., Аллендорф К.С. История французского языка. - М., 2014.
- 5. Левит З.Н.** Лексикология французского языка. М., «Высшая школа», 2014.
- 6. Левит З. Н.** Курс лексикологии французского языка. – Минск, 2014.
- 7. Маслов Ю.С.** Введение в языкознание. - М, 2013.
- 8. Михайлов А.Д.** Поэзия Плеяды // История всемирной литературы: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 3. - М.: Наука, 2014.
- 9. Тархова В. А.** Хрестоматия по

лексикологии французского языка. – М.: «Посвещение», 2015.

Ахмадуллин Д. Р. Заимствования как один из способов обогащения французского словаря в ходе развития языка.

Статья посвящена исследованию обогащения французского словаря в ходе развития языка и место заимствования в этом процессе. Рассматриваются также и другие средства обогащения лексики, их востребованность на протяжении становления французского языка, а также, оценивается наиболее актуальный способ пополнения лексики на данный момент.

Ключевые слова: французский язык, лексика французского языка, обогащение словаря, заимствование.

Akhmadullin D. R. Borrowing as one of the ways of enrichment of French vocabulary throughout the evolution of the language.

This article is dedicated to research of enrichment of French vocabulary throughout the evolution of the language and the place of borrowing in this process. Other ways of adjunction of the lexis, their popularity throughout the history of development of the French language are viewed as well, and also the most popular way of replenishment of the vocabulary for today is estimated.

Key words: French language, lexis of French language, enrichment of vocabulary, borrowing.

УДК 811.112.2'373.232.1

Апухтина Е.В.

ПРОЗВИЩЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Актуальность исследования обусловлена интересом ученых к прозвищным номинациям, категории, которая постоянно модифицируется, обогащается и потому заслуживает детального лингвистического изучения.

Анализ последних исследований и публикаций.

Большой вклад в изучение проблем связанных с изучением прозвища внесли лингвисты Суперанская А.В., Блягоз З. У., Потапова С.Ю. Исследование показало, что чаще всего анализируются индивидуальные и групповые системы прозвища. Значительное количество работ посвящено классификации прозвищ определенной территории, среди них работы И. Линдемана, И. Чайкиной, В. Тагуновой, И. Карташевой. Исследования В. Флейшера, Г. Тифенбаха, О. Леоновича служат доказательством первичности прозвищ на этапе становления личных имен. В немецкой антропонимике не решена проблема терминологии, авторами используются различные термины в синонимичном значении и, напротив, один термин наполняется различным дефиниционным содержанием. Кроме того, к настоящему времени недостаточно изучена специфика прозвищных именовании в отдельных социальных группах. В частности, основное внимание уделялось только прозвищам учителей и учеников. В настоящее время отсутствует комплексное исследование, охватывающее мотивационные особенности немецких прозвищных номинаций в группах, дифференцирующихся по возрастным критериям, социальному статусу и профессиональной принадлежности.

Целью данной работы является рассмотрение прозвища как объекта лингвистических исследований на примере немецкого языка, выявление специфики номинации прозвищными именованиями индивидов в отдельных социолектах немецкоязычного ареала, а также построение научной классификации прозвищ.

Ономастика - раздел языкознания, изучающий собственные имена. Ономастика есть часть лингвистики. А. Суперанская сравнивает имена собственные с терминами, а ономастику как науку - с терминологией.

Объектом исследования ономастики является история возникновения имен и мотивы номинации, их становление в каком-либо классе онимов, различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой, территориальное и языковое распределение, функционирование в речи, использование и создание собственных имен в художественном тексте [3, с. 230].

Ономастика имеет ряд разделов, которые выделяются в соответствии с категориями собственных имен и в соответствии с характером называемых объектов.

Топонимика изучает собственные имена географических объектов (*Erfurt, Frankfurt, Bayern*), закономерности их возникновения, изменения, функционирования;

Антропонимика исследует собственные имена людей (*Angela Merkel, Karl der Große, Klatschpeter*);

Космонимика анализирует наименования зон космического пространства - созвездий, галактик (*Milchstraße, Waage*);

Астронимика изучает названия отдельных небесных тел (*der Mond, die Venus, der Jupiter*);

Зоонимика занимается собственными именами животных, их кличками (*Wolf, Bruno, Rex*);

Хремотонимика является объектом изучения собственных имён предметов материальной культуры («*Don Giovanni*», «*Zauberflöte*»);

Теонимика изучает собственные имена богов и божеств любого пантеона (*Zeus*, *Themis*);

Карабонимика изучает собственные имена кораблей, судов и катеров («*Seeadler*», «*Bismarck*»).

Этнонимика - изучает происхождение и функционирование названий наций, народов, народностей, племён (*Alemannen*, *die Deutschen*).

Эргонимика изучает наименования деловых объединений людей. Например, эмпоронимы - названия магазинов, фирмонимы - названия фирм; названия парикмахерских, баров, кафе, бильярдных клубов, благотворительных организаций и др. («*Robert Bosch GmbH*», «*Hard Rock Cafe*», «*Haus der 100 Biere*»).

Прагматонимика изучает наименования товаров и других результатов практической деятельности людей. Например, парфюмонимы - названия парфюмерной продукции, ароматов («*Escada*», «*Hugo Boss*», «*Bruno Banani*»), чоконимы - названия шоколадной продукции («*Ritter Sport*», «*Günthart*»).

Ономастическое пространство можно определить как «сумму имен собственных, употребляющихся в языке данного народа в определенный исторический период для именованя реальных, гипотетических и фантастических объектов с учетом ограничения объема этого пространства заданными исследователем рамками отбора фактического материала» [5, с. 11].

Центральное место в ономастическом пространстве занимают антропонимы.

Онимическую лексику рассматривают как самостоятельную систему. Под антропонимической системой понимают совокупность именованя людей в

языковом и национальном своеобразии. Особое место в антропонимических системах занимают прозвища. В структуре антропонимического субполя прозвища относят к периферийной зоне, и среди антропонимов эта периферия поддерживается наибольшей близостью к апеллятивной лексике. Несмотря на то, что прозвища опираются на прямые значения апеллятивов, они всё же выступают как слова «со вторым художественным планом», как носители ассоциативного фона, вызывающего в сознании коммуникантов определённые образы и представления.

Прозвища ярко эмоциональны и экспрессивны, так как обладают эмоционально-оценочной функцией. Они наглядно демонстрируют процесс перехода познанных и отобранных фактов объективной реальности в эмоционально-оценочные художественные образы. В прозвищах постоянно осуществляется движение от конкретного к абстрактному и через него вновь к чувственно-конкретному, предметно зримому [2, с. 143].

Семантика прозвищных наименований всегда хорошо «читаема», понятна окружающим - ведь прозвища для того и даются, чтобы обозначить и официально закрепить существующие качества, особенности человека, сделать их своеобразными «метками». Вместе с этим «метки» идентифицируют лицо лишь в определенном коллективе, иногда очень узком, за пределами которого они перестают действовать. Именно в коллективе «прозвищное самосознание» реализуется личностью наиболее ярко и активно; за пределами сообщества прозвище обычно уходит в пассив [2, с. 144].

Системы прозвищ классифицируются учеными по различным параметрам, чаще всего по соотношению с денотатом, мотивированным признаком.

По характеру экстенционала выделяют следующие виды прозвищ: индивидуальные, групповые,

профессиональные, возрастные, территориальные, социально-групповые [6, с. 127].

В зависимости от критерия мотивированности мы можем выделять такие группы прозвищных номинаций, как:

1) формально мотивированные прозвищные именованья, образованные от личного имени, от фамилии, от личного и фамильного онима, по фонетической и семантической ассоциации;

2) семантически мотивированные прозвища, указывающие на внешний вид и физические особенности лица, его манеру поведения, черты характера, интеллект, деятельность, социальное положение, элемент биографии, родственные связи, происхождение, конфессиональную принадлежность.

В большинстве исследований анализируются индивидуальные и групповые системы прозвища.

Прозвище не оглашается прямо, в отличие от имён, отчеств и фамилий. Прозвища являются вторым именем, происхождение их мотивировано, а сами они представляют собой систему, не менее сложную, чем система имен.

В отличие от имени, прозвище, как правило, отражает реальные свойства и качества носителя, его происхождение и прочее, а также фиксирует особый смысл, который имели эти свойства и качества для окружающих, в то время как имя собственное имеет общее значение и не указывает на отличительный признак людей, носящих одно и то же имя. В отличие от имени, прозвище может являться обзывательством с целью оскорбления независимо от смысла.

Очень важно, что, получая прозвище, человек обретает «ближайшее и наиболее очевидное для других и для себя самого средство постижения своей качественной определенности в мире. Оно выступает в роли того

«прямого» и «точного» зеркала, благодаря которому лицо обретает возможность наконец-то увидеть себя так, как его видят все окружающие, и утвердиться в соответствующем качестве» [1, с. 31].

Ономатологи утверждают, что большинство немецких фамилий появились из прозвищ, позволявших однозначно указать на называемого сородича или соплеменника. Первоначальные истоки такой конкретизации личности встречаются как «генеалогические маркеры», указывающие на родственные связи между индивидами: *Hiltibrant*, *Heribrantes sunu* - *Hiltibrant*, *Sohn des Heribrant*.

Прозвища были призваны подчеркнуть индивидуальность предка: имена часто повторялись, а потому не всегда были удобны для обозначения отдельного человека. Прозвища с большей точностью позволяли выделить из сообщества людей конкретного человека, указывая на какой-либо его отличительный признак. В качестве идентифицирующих маркеров могли выступать также названия профессий, происхождения или места проживания носителя имени, особенности внешности, характера, а также поведение, манера одеваться и разговаривать: *magister Wilhelmus Cleuius*, *Dietrich von Berne*, *Friedrich Rotbart*, *Heinrich der Löwe*.

В старые времена слово прозвище было равнозначно современному слову фамилия. Но со временем понятие прозвище воспринимается уже как некоторое второстепенное дополнительное именование. Однако различение подлинных фамильных онимов от дополнительных случайных прозвищ практически невозможно вплоть до XIV–XV вв. Лишь с наследованием прозвищ в двух-трех поколениях и с переносом прозвищного онима на всю семью можно говорить о становлении подлинной фамилии. В. Флейшер аргументирует это развитие следующим образом: если

20

прозвище *Fett* «жирный» с отца-толстяка переносилось на худосочного сына, если сына так же, как и отца, именовали *Schmidt* «кузнец», хотя он, в отличие от отца, не был кузнецом, а пекарем, то мы можем сказать, что их прозвища стали наследственными [7, с. 185-212]. Одним из основных факторов, способствовавших переходу прозвища в фамилию, как указывает О. Леонович, «была потеря его мотивировки, утрата информации о причинах его возникновения» [4, с. 21].

Современные фамилии сохранили свои прежние значения, часто связанные с определенным родом деятельности (*Müller* - мельник, *Fischer* - рыбак, *Koch* - повар).

Сегодня в лингвистических работах немецких авторов мы находим обилие терминов с похожим значением для обозначения понятия «прозвище». Такие немецкие эквиваленты, соответствующие русскому «прозвище», как *Beiname* («прозвище»), *Übername* («прозвище»), *Spitzname* («прозвище»), *Scherzname* («шутливое прозвище»), *Neckname* («дразнящее прозвище»), *Spottname* («насмешливое прозвище»), *Schimpfname* («ругательное, оскорбительное прозвище»), *Scheltname* («бранное имя, ругательство»), *Ehrenname* («почитающее, возвеличивающее прозвище»), *Kosename* («ласкательное прозвище») включают в себя различные коннотации, однако все выражают понятие «прозвище». Использование немецкими лингвистами различных терминов в отношении одного и того же явления не имеет под собой четко сформулированной и обоснованной понятийной базы.

В ходе исследования мы проанализировали 3268 прозвищных антропонимических именовании, полученных из различных лексикографических источников. Нам удалось выявить специфику номинации прозвищными

именованиями индивидов в отдельных социолектах немецкоязычного ареала.

Наше исследование показало, что большая часть прозвищ детей дошкольного и младшего школьного возраста основана на модификациях личных имен и фамилий (*Crisse - Christian*). К основным формам прозвищ относятся коверканье личного, реже фамильного имени, ассоциативные образования, прозвища-дразнилки, рифмовки, являющиеся неотъемлемыми элементами игры, присущей детскому возрасту.

Молодежный микросоциум, к которому относят подростков-школьников и молодых людей до 30 лет, также имеет свою специфику. Характерным для этого возраста является образование молодежного сленга, который при помощи прозвищных номинаций подчеркивает социальные роли членов этого микросоциума, а также выделяет «своих» и «чужих». Мы выяснили, что среди молодежи доминируют семантически мотивированные прозвища. Среди подростков чаще всего встречаются прозвища, характеризующие внешность и физические особенности (*Puppi, Leuchtturm*), а также поведение и черты характера (*Träumer, Vollgas-Pepe*). Среди изученных нами прозвищных именований молодых людей доминируют те, которые преимущественно указывают на особенности поведения и характера (*Staubkanone, Matrazenwärter*).

Проанализировав мотивационный критерий присвоения прозвищ учителям, мы пришли к выводу, что большинство прозвищных именований этой группы мотивированы семантически. Самыми многочисленными оказались прозвища, указывающие на поведение педагога (*Dr. Dubious Doll, Henker*) и на его внешний вид или физические особенности (*Napoleon, Kugelblitz*). Прозвища учителей отличаются от других прозвищ анонимностью и окказиональностью объектов.

В ходе проведенного нами исследования прозвищных именовании политических деятелей в немецком языке мы определили, что по частотности доминируют семантически мотивированные прозвища. Самыми распространенными оказались номинации, в основе которых лежит та или иная деятельность политика (*Zensurula* - Ursula von der Leyen, министр по делам семьи ФРГ).

Среди деревенских прозвищ доминируют семантически мотивированные прозвища, отражающие бытовой уклад, социальный и профессиональный статус носителя онима. Самыми многочисленными оказались прозвища, указывающие на профессию, занятие жителя деревни (*Konsum-Pötrich*, *Wolfförstel*).

Семантически мотивированные именовании охватывают 80% прозвищ в семейно-интимной сфере. Ласкательные имена из мира животных образуют самое многочисленное сообщество - 450 примеров (*Mausebär(chen)*, *Mäusepups*).

Ономастика - комплексная научная лингвистическая дисциплина, оснащенная своим терминологическим аппаратом, своим кругом проблем. К периферийной зоне в структуре ономастического поля относят прозвища.

Прозвища - развивающаяся, весьма активная сегодня антропонимическая категория, имеющая глубокие корни в истории языка, давние традиции употребления в речи, являющаяся отражением народной культуры. В ходе работы выяснилось, что происхождение прозвищ мотивировано, а сами они представляют собой не менее сложную систему, чем система имен. Прозвища зачастую прямо и непосредственно характеризуют человека, при этом они отягощены различными коннотациями, обладают эмоционально-оценочной функцией, поэтому неформальны, личностны.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что немецкие прозвища появились более тысячи лет назад. Позже они стали основой для образования многих немецких фамилий.

В нашем исследовании мы описали использование прозвищ в различных возрастных и социально-профессиональных группах населения немецкоязычного пространства, а также предложили формально-семантическую классификацию прозвищных единиц.

Представленный в данной работе анализ показал многогранность, исследования и позволил наметить дальнейшие пути изучения прозвищ, в частности, перспективным, на наш взгляд, является изучение прозвищных номинаций в гендерном плане, анализ прозвищ в иных микросоциумах (прозвища медработников, спортсменов и т.д.).

Список использованных источников

- 1. Берестнев, Г. И.** Прозвище как фактор самосознания / Г. И. Берестнев // Семантические единицы и категории русского языка в диахронии: сб. науч. трудов. - Калининград: КГУ, 1997. - 31 с.
- 2. Блягоз З. У., Кириллова А. А.** Социальное функционирование прозвищ / З.У. Блягоз, А. А. Кириллова // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы VI Всероссийской научной конференции. Майкоп: АГУ, 2008. - С. 143-145.
- 3. Караулов Ю.Н.** Энциклопедия «Русский язык». Ю.Н. Караулов. - М., 1998. - С. 230-279.
- 4. Леонович О.А.** В мире английских имен./ О. А. Леонович. - М.: ООО "Издательство АСТ": ООО "Издательство Астрель", 2002. - 160 с.
- 5. Фролов, Н. К.** Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Т. 1. Антропонимика. Русский язык и культура речи / Н. К. Фролов. Тюмень, 2005. - 11 с.
- 6. Чичагов В. К.** Из истории русских имен, отчеств и фамилий./ В. К. Чичагов. - М.: Учпедгиз, 1959. - 127 с.
- 7.**

Ehmann, H. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache Text. / H. Ehmann. - München: Verlag C/H/Beck, 2005. - 180 s.

Апухтина Е.В. Прозвище как объект лингвистических исследований (на примере немецкого языка)

Рассмотрено прозвище как объект лингвистических исследований на примере немецкого языка. Проанализированы мотивационные критерии возникновения современных прозвищ в отдельных социальных стратах немецкоязычного общества; определено место прозвища в ономастическом пространстве, изучены его лингвистические особенности, принципы номинации, пути и основные способы возникновения, сфера и формы употребления;

Ключевые слова: антропоним, мотивация, микросоциум, номинация, ономастика, прозвище.

Apukhtina E. V. Nickname as an object of the linguistic researches (for example German language)

Nickname as an object of the linguistic researches for example German language is examined in this article. The author analyses the motivational criteria of the origin of modern nicknames in different social striations of the German-speaking society. A place of nickname in the onomastic space is estimated; it's linguistic features, principles of nomination, the basic ways of it's upspringing, the field and forms of use are examined.

Keywords: anthroponym, motivation, micro-society, nomination, onomastics, nickname.

Барыбина М.Е.

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ИСПАНСКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ

Толчком для исследования данной темы стали различные факторы. В первую очередь, широкое использование метафор в текстах испаноязычной прессы экономического направления послужило основой для написания данной статьи. Экономические тексты являются текстами, направленными на узкий круг читателей, только на специалистов в этой конкретной области. Но сложная экономическая ситуация в мире, сложившаяся на протяжении нескольких лет, поспособствовала развитию популярности текстов социально-экономического направления среди читателей, не имеющих экономического образования. Тем самым, переосмысление сложившейся ситуации в мире дает начало изменению и обновлению языка, появлению новых реалий и абстрактных понятий, в частности в языке экономики. Метафоры являются неотъемлемой частью языка и также обогащают его. Антропоморфная метафора является ключевой в тексте экономического направления, так как она основана на сходстве предметов окружающего мира с человеком.

Целью данной статья является выявление роли метафоры в испаноязычной прессе экономического направления, благодаря чему возможно познать современную экономическую ситуацию в Испании.

Объектом исследования является антропоморфная метафора испаноязычного экономического текста как один

из способов познать картину мира испаноязычного общества.

Предметом исследования являются метафоры, содержащие компонент связи с человеком, которые функционируют в испаноязычной прессе экономического направления, которые служат для понимания современных явлений и тенденций испаноязычного общества.

Материалом исследования для данной статьи послужили тексты экономического содержания испаноязычной прессы, а именно таких изданий как «El Mundo», «El País», «El Economista», «ABC».

Использование метафор обогащает и украшает язык. И текст на экономическую тематику не является исключением.

Метафора - слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего признака. Принято считать, что экономический текст прессы находится на пересечении двух важнейших дискурсов – экономического и публицистического. Основной целью публицистического текста является влияние на читателя, влияние на формирования его мнения по тому или иному поводу, а метафора является мощным средством воздействия на сознание человека, с целью формирования у него эмоционального состояния нужного автору.

В современном языкознании с активным развитием когнитивной лингвистики метафора занимает центральное место. Сегодня метафору рассматривают как ментальную операцию для познания окружающего мира. М. Джонсон и Дж. Лакофф, ученые, которые являются авторами теории когнитивной метафоры, считают ее способом «структурирования нашего восприятия, нашего мышления и наших действий» [1, с. 27].

Одной из ключевых метафор экономического текста испаноязычной прессы является антропоморфная метафора, которая заимствует понятия из сферы «человек» - его тело, физиология и психология. Широкое использование антропоморфной метафоры в экономических текстах прессы поясняется особенностью человеческого мышления, его попыткой разъяснить абстрактные явления, трудные для понимания, с помощью конкретных понятных всем понятий с хорошо структурированной сферы «человек».

Исследовав антропоморфную метафору в текстах испанских газет экономического направления, были выделены следующие типы метафор: человек как живой организм, части тела человека, родственные отношения. Данные типы метафор переносятся в экономический текст для более глубокого понимания его содержания людьми, не связанными с экономикой. Метафоры переносятся в сферу экономики с целью актуализации концептов экономика, кризис, банк, предприятие. Например,

1. физиологические органы человека отвечают за определенные сферы жизнедеятельности организма, выполняют определенную функцию. Так, например, глаза - это орган зрения. Его функцией является наблюдение, выявление внимания на то, что обусловлено заинтересованностью объектом речи. Появление метафоры, связанной с органом зрения, в экономических текстах, характеризует действия объекта экономической деятельности в определенной ситуации, олицетворяя его. К примеру: «Grandes fondos internacionales ponen sus ojos en 'resorts "del sur de Europa». [2, с. 12]. В приведенном примере автор дает оценку действиям международных фондов с помощью использования предиката «положить глаз на что-то». Международные фонды положили глаз на курорты юга Европы.

2. Также, важнейшим компонентом антропоморфной метафоры является психологическое состояние человека. Указанные физиологические метафоры придают объектам экономической деятельности определенное психологическое состояние, олицетворяя их с помощью глаголов. Например: «El mercado teme que los clientes se vayan a refugios más seguros en cuanto vean el menor signo de debilidad en un banco» [2, с. 15] (рынок боится, что уйдут клиенты, заметив наименьшие признаки слабости банков).

3. Наиболее распространёнными лексемами в использовании метафор, связанными с частями тела, являются голова, лицо, руки и ноги. Части тела не только персонифицируют экономические понятия, но и несут некоторую функциональную нагрузку. Главным образом, они используются в соматических фразеологизмах. оборот «не терять голову» означает быть рассудительным. «Los bancos españoles no van a perder la cabeza a la hora de reducir los intereses de las hipotecas» [3, с. 21]., - испанские банки не будут терять голову в момент снижения интересов по ипотеке. оборот «показать лицо» означает заявить о своем присутствии «...antes de que la Gran Recesión diera la cara» [3, с. 21]. – до того, как великий кризис заявил о себе. оборот «начинать с правой ноги» означает начинать что-то удачно «las tiendas minoristas inician 2015 con el pie derecho» [3, с. 7]. – магазины розничной торговли начали удачно 2015 год.

4. Умственная деятельность человека. Этот тип метафор представлен в основном сказуемыми, которые обозначают умственную деятельность человека, которая выполняется банками и другими экономическими учреждениями. Например, банки пытаются убедить покупателей изменить своим привычкам. Los bancos españoles están tratando de convencer a los compradores de cambiar sus costumbres. [4, с. 11]. Сберкассы осознают

необходимость объединения. Las cajas se dan cuenta de que tienen que ir a la integración [4, с. 14].

5. Поведение человека. Этот тип физиологической метафоры является самым распространенным. Он частично пересекается с социоморфными метафорами, поскольку поведение человека неразрывно связано с обществом и профессиональной деятельностью человека. Например, банк готов действовать и помогать кредитному рынку. El banco está listo para actuar y ayudar al mercado de crédito si es necesario [4, с. 18]. Объяснение экономических процессов и деятельности экономических предприятий при помощи сказуемых, которые показывают поведение человека, придает больше экспрессивности экономическим текстам испаноязычной прессы.

6. Типы метафор, представляющих физиологические процессы:

а) пищеварение:

основная функция пищеварение – присвоение. Согласно возрастианию аппетита – появляется желание присвоения. Например: Падение рынка гостиничного бизнеса, особенно в городском сегменте, «усиливает инвестиционный аппетит» в этом секторе. Инвесторы пытаются скупить по низким ценам недвижимость гостиничного бизнеса. La caída del mercado hotelero en tiempos de crisis, especialmente el de segmento urbano, continúa alimentando el apetito inversor dentro del sector [4, с. 9].

б) сон:

Обычно функция сна – это отдых. Метафорично сон обозначает отсутствие активных действий, усилий. В экономических текстах испаноязычной прессы присутствие метафоры с компонентом сон – упадок экономики, замедление темпов экономического развития. Abe, que goza de una ola de popularidad gracias a políticas que comenzaron a sacar a la tercer mayor economía del mundo de

años de letargo, anunciará un alza del impuesto al valor agregado (IVA) a 8% de 5% actual a partir de abril, según un borrador del plan económico del gobierno. [4, с. 9] . В данном примере, давая оценку деятельности японского премьер – министра, автор сравнивает результаты уменьшения внешнего долго страны с «пробуждением» экономики стран третьего мира от летаргического сна.

в) рождение и смерть:

Главная функция этой метафорической модели – это констатация возникновения и исчезновения некоторых экономических явлений, объектов и предприятий. Например, период появления общей валюты ЕС сравнивается с ее рождением – el nacimiento del euro. Персонифицируя бизнес, автор сравнивает его исчезновение со смертью, которая порождает безработицу. : La muerte de un negocio genera paro, con posterior recesión por la caída del consumo y más morosidad bancaria [5, с. 21] .

Понятийная субсфера «Родственные отношения» представлена менее широко в испаноязычных экономических статьях. Например, отношения между родителями и детьми. Метафорическая модель «кризис – ребенок»: La crisis tiene muchos padres, pero su duración y profundidad en Europa - sin comparación con las de otros grandes bloques económicos — tiene dos culpables: Alemania y sobre todo el Banco Central Europeo [5, с. 13]. Более продуктивными оказались метафоры из сферы «муж – жена». Главным образом, понятие «развод» активно используется адресантом экономических текстов испаноязычной прессы для обозначения разногласий в работе некоторых объектов экономической деятельности. Также, для разногласий так называемой Тройки, в которую входят Европейская Комиссия, МВФ и Центральный Европейский Банк. Используются такие лексемы как separación, divorcio. El trío va camino de una separación gradual, ... La incógnita no es ya si habrá o no habrá divorcio:

la única incógnita es cuándo llegará la separación, y en qué condiciones [5, с. 15]. Функция этого метафорического переноса – придать эмоциональной окраски данной адресантом информации.

Вывод. Таким образом, широкое использование антропоморфной метафоры в экономических текстах испаноязычной прессы не является случайным. Поскольку тексты по экономической тематике пересекаются с публицистическими статьями, одной из функций которых является воздействие на адресата, автор выстраивает модель сообщения, подсознательно выбирая устоявшиеся языковые выражения и руководствуясь при этом антропоцентрическими принципами построения модели мира, которые заложены в глубинах нашего сознания, а потому они подсознательно понятны и более действенны на адресата.

Список использованных источников

1. **Лакофф Дж.** Метафоры, которыми мы живем / Джорж Лакофф, Марк Джонсон. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. **Махницкая Е. Ю.** О современном экономическом дискурсе / Елена Юрьевна Махницкая // Речевая деятельность. Текст: сб. науч. тр. – Таганрог, 2002. – С.158-161.
3. **El Mundo** [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.elmundo.es/elmundo/economia.html>.
4. **El Economista** [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.economista.es/economia/>.
5. **ABC** [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://abc-economia.com/>

Барыбина М.Е. Антропоморфная метафора в экономических текстах испаноязычной прессы

В данной статье проанализированы несколько испаноязычных журналов экономического содержания и были выявлены закономерности использования

антропоморфных метафор в них. Автор дает определение понятиям «метафора», «антропоцентризм». Внимание акцентированно на выявление основных антропоморфных метафорических моделей, которые использует испаноязычная пресса для отображения современной экономической ситуации в мире.

Ключевые слова: метафора, антропоцентризм, метафорическая модель, экономический текст.

Barybina M.E. The usage of an anthropomorphic metaphor in Spanish economical articles.

At the given article some of the Spanish economical magazines were analyzed and the regularities of the usage of an anthropomorphic metaphor were revealed. The author gives the definitions of the concepts “metaphor” and “anthropocentrism”. The main focus of the article is on the identification of the basic metaphorical models of anthropomorphic metaphor used in the Spanish media texts devoted to the actual economic situation.

Key words: metaphor, anthropocentrism, metaphorical model, economical text.

Безверхая И.В.

СИСТЕМА СИМВОЛИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНТИЧЕСКОЙ СКАЗКЕ

Романтизм в Германии остается главным предметом научных поисков автора. Для ученых привлекательной является загадка фантастического в романтизме, романтическая ирония, игра и взаимодействие повествовательных форм, а также вопрос о литературных и культурных взаимосвязях и взаимодействиях. Известный исследователь романтизма Н.Я. Берковский писал: «Романтизм складывался как целая культура, многообразно разработанная, и именно в этом был подобен своим предшественникам — Ренессансу, классицизму, Просвещению» [1, с. 19]. Иными словами, период романтизма был не просто литературным направлением — он составил целую культурную эпоху.

Как известно, поэтическая речь — разновидность языка, специально сформированного для художественных задач, с главным стремлением к достижению высокой степени экспрессии. По мнению Аристотеля, поэтическая речь отличается от повседневной особым словоупотреблением и произношением.

Теоретическую базу работы составляют научные достижения таких учёных как В.Я. Пропп [4], С.В. Тураев [5], Д. Чавчанидзе [6], А.Б. Ботникова, М.П. Брандес, Е.И. Шендельс, А.И. Никифоров, которые исследовали сказку, её признаки, задачи, функции и проблемы исследования языка в когнитивном и семиотическом аспектах. Стремление найти и классифицировать наиболее характерные для большинства романтических сказок лингвистические аспекты определило проблему нашего

исследования. Таким образом, актуальность данной темы определяется тем, что исследование языковых средств в художественном произведении является одной из ведущих проблем современной филологии. Изучаемая нами проблема недостаточно исследована в концептуальном и знаковом аспектах, что и позволяет изучать некоторые общие и особенные черты немецких литературных сказок, опираясь на современные работы в области лингвистики.

При изучении творчества Новалиса (1772-1801) – яркого представителя иенского романтизма – невозможно не уделить самого пристального внимания его отношению к природе.

В результате нашего исследования приведём в качестве примера сказку «*Hyazinth und Rosenblüte*» («Гиацинт и Розочка»). В сказке речь идет о поисках сути природы и путях её познания, при этом природа оказывается равной всей совокупности духовных сил человека.

Смысл любого слова определяется исключительно в контексте. Так, например, *Rosenblütchen* (Розочка) предстаёт в сказке следующим образом:

«*Rosenblütchen ist mein Schätzchen!*» – «Розочка – моё сокровище!» [2, с. 36].

«*Rosenblütchen hat recht zum Erbarmen um ihn getan...*» – «Розочка очень мучилась из-за него...» [2, с. 38].

«*Und Rosenblütchen sank in seine Arme.*» – «Розочка бросилась в его объятия» [2, с. 40].

«*Wer sie sah, hätte mögen vergehn, so lieblich war sie.*» – «Кто видел ее хоть раз, готов был бы умереть, такая милая была она» [2, с. 36].

«*Rosenblütchen, das gute Kind...*» – «Розочка, доброе дитя...» [2, с. 36].

Более того, автор прибегает к описанию телесной красоты героини: «*Unter den Mädchen war eine, ein*»

köstliches, bildschönes Kind, sah aus wie Wachs, Haare wie goldne Seide, kirschrote Lippen...» – «Меж девушек была одна, прелестное, прекрасное дитя и казалось, что была она из воска, волосы, что золотой шелк, вишнево-алые губы...» [2, с. 36].

Душа Розочки полна любви к Гиацинту настолько, что девушка ослеплена ею: «*Damals war Rosenblüte, so hieß sie, dem bildschönen Hyazinth, so hieß er, von Herzen gut...*» – «В то самое время Розоцветик, так звали ее, была всем сердцем предана прекрасному Гиацинту [2, с. 36].

Таким образом, в вышеупомянутых примерах, автор охарактеризовывает нам образ Розочки как прелестное, милое и прекрасное дитя, выражая его положительными чертами характера, как преданность, доброта, великодушие, искренность и т.д. Любовь героини в сказке представлена искренними чувствами.

В то же время, автор неслучайно упоминает в сказке животных и птиц: *das Eichhörnchen, die Meerkatze, der Papagei und der Gimpel*. Все они являются обитателями древесных крон. В сказке они – символы божественной сущности, проявление верха, духа неба, свободы, жизни. Не разумея их совету, герой проходит путь, полный испытаний.

«*...Nebel und Wolken warfen sich ihm in den Weg, es stürmte immerfort...*» В данном примере Новалис описывает путь героя как восхождение, путь к высшей реальности и совершенству, переход от тьмы к свету и свободе. Таким образом, чем яснее становились мысли и чувства героя, тем «ровнее» становился путь его исканий. «*Nun wurde ... der Weg ebener...*» Кроме того, восхождение героя, возвышение его души, переход от земли к небу подсказывают Quelle как символ жизненной силы, бессмертия, Духа Божьего и Blumen как символ духовного совершенства, красоты. «*Gehe nur aufwärts, wo wirherkommen, so wirst du schon mehr erfahren*».

В нижеприведённом примере «мать всех вещей» – многозначный символ. Это – смысл жизни, истина, мудрость, счастье, искомый идеал.

«...*wo die Mutter der Dinge wohnt, die verschleierte Jungfrau*» [2, с. 36].

Главная роль символа в сказке – воссоздать образы природы, любви, искусства. В некоторых случаях весь текст сказки символически многозначный. Символическому переосмыслению подвергаются народные предания величие мира мечты, смысл жизни, истина, мудрость, счастье.

«*Vor langen Zeiten lebte weit gegen Abend ein blutjunger Mensch*» [3, с. 135]. «*Mensch*» – это человек, представляемый автором, прежде всего, как творческая личность, духовный мир которой намного богаче только природного или социального. Он – идеал романтического поэта, в котором есть стремление охватить окружающий мир во всем его многообразии.

«*Unter den Mädchen war eine, ein köstliches, bildschönes Kind, sah aus wie Wachs, Haare wie goldene Seide, kirschrote Lippen, wie ein Püppchen gewachsen, brandrabenschwarze Augen*» [3, с. 135]. «*Mädchen*» – великолепное, ослепительной красоты дитя. Она появляется в сказке как символ чистоты, доброты («*von Herzen gut*», «*das gute Kind*»), красоты, невинности.

«*Im Anfange kam er durch raues, wildes Land, Nebel und Wolken warfen sich ihm in den Weg, es stürmte immerfort; dann fand er unansehnliche Sandwüsten, glühenden Staub, und wie er wandelte, so veränderte sich auch sein Gemüt, die Zeit wurde ihm lang und die innere Unruhe legte sich, er wurde sanfter und das gewaltige Treiben in ihm allgemach zu einem leisen, aber starken Zuge, in den sein ganzes Gemüt sich auflöste*» [3, с. 135]. «*Land*» – страна, мир, куда должен отправиться Гиацинт по совету старицы, и где он найдет свое исцеление.

«*Seine Eltern wehklagten und vergossen Tränen, Rosenblütchen blieb in ihrer Kammer und weinte bitterlich*» [3, с. 135]. «*Eltern*» – родители, родные, те, кто переживает и искренне любит свое дитя. В сказке автор неоднократно упоминает о родителях. Новалис употребляет общий термин для обозначения отца и матери, указывая тем самым на их первостепенную роль в жизни героя.

«*...die Zeit ging immer schneller, als sähe sie sich nahe am Ziele*» [3, с. 135]. «*Zeit*» – для Новалиса становится актуальной временная триада (утрата Золотого века, его поиск, возвращение).

«*Sein Herz klopfte in unendlicher Sehnsucht, und die süßeste Bangigkeit durchdrang ihn in dieser Behausung der ewigen Jahreszeiten*» [3, с. 135]. «*Herz*» – сердце, душа человека, «на пути познания которой можно разгадать тайну природы», замечает Новалис. Потому что наше мироздание можно созерцать не только во внешнем мире, но и в мире внутреннем – в нашем духе.

«*Er blieb aber immer mürrisch und ernsthaft, ungeachtet sich das Eichhörnchen, die Meerkatze, der Papagei und der Gimpel alle Mühe gaben ihn zu zerstreuen, und ihn auf den richtigen Weg zu weisen*» [3, с. 135]. «*Weg*» – путь, дорога, по которой идет герой к достижению своей цели – обретению себя и нахождению богини Изиды, Матери всех Вещей и Святой Девы.

«*die alte wunderliche Frau im Walde hat mir erzählt, wie ich gesund werden müßte, das Buch hat sie ins Feuer geworfen, und hat mich getrieben, zu euch zu Gen und euch um euren Segen zu bitten*» [3, с. 135]. «*Frau*» – старлица как символ чувственного познания указывает Гиацинту путь и цель его исканий.

«*die Luft lau und blau, der Weg ebener...*», «*wärmer die Luft, und heißer seine Liebe, die Zeit ging immer schneller...*» [3, с. 135]. «*Luft*» – воздух, дух, атмосфера, в

которую попадает герой во время своих странствий. В герое постепенно возрастало ощущение присутствия духа.

«Immer höher wuchs jene süße Sehnsucht in ihm, und immer breiter und saftiger wurden die Blätter...» [3, с. 135].

«*Sehnsucht*» – тоска, томление по неизведанному, по тождеству двух миров (внешнего и внутреннего). По мере приближений героя к объекту своих исканий в нем всё сильнее возрастала тоска как стремление к совершенству, истинной реальности.

«Höhlen und Wälder waren sein liebster Aufenthalt...» [3, с. 135]. «*Wald*» – лес, где любил бывать Гиацинт, чтобы побыть наедине с самим собой и природой. Но одновременно это тьма, влекущая за собой смерть.

«Höhlen und Wälder waren sein liebster Aufenthalt, und dann sprach er immerfort mit Tieren und Vögeln, mit Bäumen und Felsen»...» [3, с. 135]. «*Tier*» – часть мира природы, зверь, язык которого в сказке Новалиса понятен Гиацинту.

«Eines Tages begegnete er einem kristallinen Quell und einer Menge Blumen, die kamen in ein Tal herunter zwischen schwarzen himmelhohen Säulen» [17, с. 135].

«*Blumen*» – цветы, растения, которые представлены в сказке как символ жизни и красоты. В сказке цветы являются воплощением всего живого, прекрасного, радостного.

Более того, автор огромное внимание уделяет употреблению уменьшительно-ласкательному суффиксу -chen по отношению к героине «*Rosenblütchen*» (Розочка), «*Schätzchen*» (сокровище), «*Püppchen*» (куколка) получает тонкое психологическое обоснование с оттенком положительного смысла.

Таким образом, в конце сказки героиня появляется перед нами в лице юной Святой Девы, явившейся герою во сне. Она и была целью его исканий, его исцелением. В результате анализа сказки можно сказать, что Новалис в 14 апреля 2016 года, город Луганск,

лице героини представляет и Мать всех Вещей, и Святую Деву, и Богиню Изиду, и земную возлюбленную героя. Новалис упоминает в сказке имя великой богини Изиды, так как именно она являлась олицетворением красоты и нежности, материнской любви, супружеской верности, плодovitости и женской красоты. В сказке она представляет собой женскую часть природы или же воплощает в себе качество, позволяющее ей быть причиной зарождения всех прочих живых существ. Как принцип она не имеет ни имени, ни формы (Mutter der Dinge – Мать всех Вещей, verschleierte Jungfrau – заколдованная Юная Дева, heilige Göttin – Святая Богиня), как сущность она имеет имя и форму (Rosenblüte – Розочка, Rüprrchen – куколка), так как живет внутри всех вещей и является создательницей каждой из них.

Опираясь на проведенные исследования практического материала, стоит отметить, что система символических образов в сказке Новалиса очень многообразна. Символично представлены природа, растительный мир, животный мир, а также с помощью символа раскрываются позитивные и негативные качества персонажей. Huazinth и Rosenblüte – имена героев и, одновременно, названия цветов, символы слияния человека и природы, восприятия любви как периода цветения, причастности к божественному творению.

Список использованных источников

- 1. Берковский Н.Я.** Романтизм в Германии / Берковский Н.Я. – Л., 1973. – 568 с.
- 2. Карельский А.В.** Драма немецкого романтизма / Карельский А.В. – М., 1992. – 336 с.
- 3. Крайнова Л. Е.** Хрестоматия по немецкой литературе / Л.Е. Крайнова. – СПб.: КОРОНА – Век, 2009. – 352 с.
- 4. Пропп В. Я.** Морфология сказки / В. Пропп –

Л.: Академия, 1928. – 248 с. **5.Тураев С. В.** От Просвещения к романтизму / С. Тураев. – М.: Наука, 1983. – 256 с. **6. Чавчанидзе Д.** Романтический мир Эрнста Теодора Амадея Гофмана / Д. Чавчанидзе. – М.: Детская литература, 1981. – С. 384

Безверхая И.В. Система символических образов в романтической сказке

Данная статья посвящена теоретическим основам поэтической речи немецких романтических сказок, а также роли языковых средств выразительности в сказках немецких романтиков. Особое внимание уделено символике природы в немецкой романтической сказке Новалиса «Гиацинт и розочка». Язык романтизма является литературным, с тенденцией к усложнению языковых конструкций. Большое внимание уделяется образованию сложных метафорических и символических образов.

Ключевые слова: Литературная сказка, поэтическая речь, символика, природа, образ

Bezverhaya I.V. The system of symbolic images in a romantic fairy tale

This article devoted to the theoretical foundations of poetic speech of German romantic tales, as well as the role of language means of expression in the tales of the German Romantics. Particular attention is given to the symbolism of nature in the German Romantic Novalis fairy tale «Hyacinth and rosette». Romanticism is a literary language, with a tendency to complicate the language constructs. Much attention is paid to the formation of complex metaphorical and symbolic images.

Keywords: literary tale, poetic language, symbolism, nature, figure

УДК: 070.41:82-92

Бондаренко В.Р.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Язык – это живая материя, которая находится в постоянном движении и изменении. Язык – это отражение современных интересов, нравов, обычаев, культуры. Благодаря подвижности языка, изменению лексики и стилистики в его употреблении, исследователи имеют возможность проследить не только внутреннюю мораль общества, волнующие проблемы, но также развитие различных технологий. Напечатанное и написанное слово уже продолжительное время позволяет филологам исследовать и получать новую информацию о прошлых веках. Публицистика – (отрасль, относительно недавно сформировавшаяся, но уже далеко зашедшая в своем развитии) в последнее время стала наиболее актуальным отражением развития языка, культуры, интересов, морали и проблем современного общества.

Следует отметить, что публицистический язык – это язык СМИ (по большей мере) и что существует несколько разновидностей публицистического стиля: устный и письменный. В данной работе анализируется письменная разновидность, а именно газетно-публицистический стиль.

В последнее время исследования на тему лингвостилистических особенностей стиля публицистического языка становятся все актуальнее, и одной из причин такого процесса является стремительный прогресс и глобализация в мире. Среди ученых, занимающихся изучением проблемы функциональной стилистики в общем, и публицистического стиля, в частности, можно назвать: В. Виноградова, Т. Воронцову, Т. Ленкову, Р. Четет, М. Володину, Г. Солганика, Н. 42

14 апреля 2016 года, город Луганск

Клушину, Т. Дроняеву, А. Сквородникова, Г. Копнина и многих других.

Многие учёные рассматривают проблематику публицистического стиля с различных сторон: как в общем (стиль, речь, характерные черты), так и в частности (употребление фразеологизмов, конкретных частей речи и т.д.).

Цель нашего исследования – это проанализировать и выявить характерные черты и лингвостилистические особенности газетно-публицистического стиля.

Как уже упоминалось выше, в последнее время исследование публицистического стиля становится все более популярным среди ученых. Одной из важных причин данного явления становится бескрайность еще нерешенных вопросов и проблем в публицистическом стиле, так как в зависимости от темы, направленности и цели, публицистический текст может носить характер художественного, научного, официально-делового и разговорного стилей, для каждого из которых характерен свой особый набор стилистических черт и лексических единиц. К этому можно добавить также, что публицистический стиль находится в постоянном изменении и развитии, так как именно язык СМИ отражает уровень культуры в мире и отдельных странах.

Приступая к выявлению характерных черт газетно-публицистического стиля, отметим, что слово «публицистический» образовано от латинского слова *publicus*, что значит «общественный, государственный». Целью публицистического стиля речи является информирование, передача общественно значимой информации с одновременным воздействием на читателя, убеждением его в чем-то, внушением ему определенных идей, взглядов, побуждением его к определенным поступкам, действиям. Как следствие, из цели вытекают основные его функции – информационная и

14 апреля 2016 года, город Луганск

воздействующая. Как наглядное подтверждение того, насколько публицистика может иметь влияние на общество является эксперимент читателей газет, проведенный в 1975г. Суть эксперимента заключалось в том, что испытуемому предъявлялось слово, и он должен был включить его в словосочетание. Оказалось, что для каждого третьего испытуемого газетная ассоциация была не только первой, но и единственной. Таким образом, получалось «волна протеста», «вносят рацпредложения», «трудовая вахта» [1, с. 471].

Однако, в последние десятилетия ситуация кардинально изменилась. Современные исследования показывают ослабление силы воздействия и значимости газетного слова на читателя. На сегодняшний момент, на первый план по масштабу воздействия на общество, выходят телевидение и Интернет, ввиду их оперативности. Следует также отметить, что именно молодое поколение в большей степени использует современные технологии для более оперативного получения нужной информации.

Функционирование публицистического стиля (осуществление информационной и воздействующей функций) происходит при помощи чередования экспрессивности и стандарта в тексте. Суть этого принципа заключается в том, что в публицистических текстах происходит обязательное и прямолинейно-постоянное соотнесение стандартизированных и экспрессивных сегментов речевой цепи, их чередование и контрастирование.

Экспрессивная функция, обусловленная воздействующей направленностью на адресата, проявляется в следующих стилевых чертах:

- *Оценочность* (открытая и скрытая) - открытая оценочность это в первую очередь мнение самого адресанта по поводу чего-либо;

- скрытая оценочность это в первую очередь то, что проф. Ю. Рождественский называет признаваемым и отвергаемым, т.е. позитивным, или негативным в обществе.

Таким образом можно обозначить, что Russland, EU в немецких СМИ в последнее время носит чаще отвергаемый характер, хотя автор может не высказывать какую-либо оценку по этому поводу, в обществе она уже сложилась сама по себе.

• *Стилевой «эффект новизны»* - использование необычных словосочетаний, языковая игра, использование экспрессивных разговорных речевых средств, неожиданных сравнений, метафор. Например: Der beste Theater Schauspieler aller Zeiten: Christiano Ronaldo... Театральная метафора служит для негативной оценочной категоризации.

• *«Рекламность»* - использование экспрессивной лексики, гиперболизации, проблемные и риторические вопросы, восклицательные предложения и т.д. для привлечения внимания (Katastrophe!, Sein oder Nichtsein..., Weltuntergang).

• *Персонафикация и интимизация изложения* - это стилевая черта, призванная обеспечить более высокий уровень доверия адресата. Характерной чертой является идентификация с читателем и употребление местоимений 1-го лица: wir, unsere [2, с. 68].

Информационная функция осуществляется через принцип стандарта и не имеет, в отличие от воздействующей (экспрессивной) функции никакой эмоциональной окраски, а лексика носит сугубо

уточняющий характер. Эта функция воплощается в следующих стилевых чертах:

- *Документально-фотографическая точность* – место, время, участники и т.д. (Am Montag... Um sechs Uhr...).

- *Официальность и нейтральность изложения* (Fast 20.000 Menschen starben in den Fluten. Die Fluten verursachten auch den fatalen Stromausfall im Kernkraftwerk Fukushima Daiichi.)

- *Аргументированность* (denn, deshalb, doch) [2, с. 69].

Проанализировав вышеизложенное можно заключить, что у публицистического стиля достаточно разнообразные стилевые черты и лексикостилистические особенности, а также, что эти два понятия неразделимы и тесно взаимосвязаны. Р.Чечет в своем исследовании «Основы стилистики и культуры речи» выделяет такие особенности лексики в публицистическом стиле:

- Оценочная лексика обладает сильной эмоционально-экспрессивной окраской;
- Употребление слов в переносном значении;
- Употребление жаргонизмов;
- Употребление лексики пассивного запаса – историзмы, архаизмы, термины и т.д.;
- Изобретение новых фраз, слов, клише;
- Заимствование из других языков [3].

Как мы видим, у современного публицистического стиля есть в сравнении с другими функциональными стилями больше свободы в подборе лексических единиц. А также следовало бы заметить, что сегодняшние СМИ имеют гораздо большую свободу слова, чем в прошлые столетия. Анализ немецких СМИ позволил нам сделать вывод, что история становления публицистики в Германии проходила через сложный процесс избавления от

довлеющей цензуры. СМИ Германии вплоть до сегодняшнего дня почти не имели возможности выражаться свободно – это не было закреплено на уровне закона. Как показывает исторический анализ только лишь на краткие отрезки времени Германия освобождалась от жесткой цензуры. Вплоть до революции 1848г. было невозможно закрепить законодательно свободу слова, ввиду раздробленности Германии, однако закон 1874г. допускал возможность ее ограничения. В 1918г. после крушения Германской империи на 14 лет немецкая пресса получила свободу, однако после захвата Гитлером власти началась нацистская цензура и пропаганда. После окончания Второй Мировой Войны и разделения Германии, лишь на территории ФРГ законодательно было установлена свобода слова, на территории ГДР цензура распространялась на все, что имело отношение к правящему режиму. И лишь после объединения двух частей, СМИ Германии получили свободу выражать свои мысли и мнения. И сегодня Германия занимает 7 место (из 138) в международном индексе свободы печати.

С началом нового свободного века газетной публицистике Германии отмечается обновление языка – появляется языковая, стилевая, содержательная и идеологическая пестрота. А так же, как следствие активного международного сотрудничества, резкое увеличение заимствованных слов и выражений в текстах статей, что в какой-то мере привело к смешению культур речи. Многие ученые сейчас отмечают сильный упадок в правильности грамматических и лексических построений [4, с. 7-11].

Г. Солганик подразделяет современную лексику газетно-публицистического стиля на общественно-политическую, оценочную и неоценочную лексику. Общественно-политическая лексика характерна использованием политической терминологии и

характерной для рассматриваемого жанра эмоционально-оценочной окраски, а также лексики, обозначающей понятия морали, этики, медицины, экономики, культуры, слов из области психологии, слов, обозначающих внутреннее состояние, переживание человека. Оценочная лексика – это в первую очередь слова и фразы, отражающие яркую эмоциональную окраску. Неоценочная лексика – это названия, имена, время, место и т.д., все то, что уточняет, но носит исключительно информационный характер [5, с. 5-9].

Стоит отметить, что преобладание той или иной лексики в публицистических текстах зависит от используемого жанра, так, например, в очерке и репортаже будет преобладать неоценочная лексика, носящая в большей степени информационный характер. В статье (в особенности если это политическая статья) характерной будет общественно-политическая и оценочная лексика. А для интервью, в большей степени, будет использоваться оценочная лексика.

Анализируя название статьи о фильме „Batman v Superman“: „Zwei super Männer - und doch kein guter Film“ мы приходим к выводу, что стилистика и лексика данного заголовка явно указывает на воздействующую функцию, на которую указывает слово „doch“. Настоящее заглавие носит негативную стилевую черту и уже с первого взгляда воздействует на читателя негативным образом.

Название „Vibrationsalarm“ не носит абсолютно никакой эмоциональной нагрузки и в данном случае только сообщает информацию о том, что в статье пойдет речь о сигнале вибрации на телефонах, соответственно можно сделать вывод, что данное заглавие выполняет информационную функцию.

„Erstmals gibt es Hoffnung auf Heilung“ – данное заглавие не выполняет почти никакой информационной функции, кроме той, что адресат понимает, что речь в

статье будет идти о медицине и ее открытиях. Но в нем ясно и четко прослеживается оценка адресанта к тому, о чем пишется в публицистическом тексте и эта оценка позитивная, на что нам указывают слова „Hoffnung“ и „Heilung“. „Erstmals“ добавляет еще больше экспрессии, от чего стилистика данного названия становится еще более ярко выраженной.

Данный анализ позволяет нам сделать вывод, что мнение некоторых лингвистов, которые находят язык газет несерьезным из-за употребления в нем современных слов и выражений, ошибочным. Газетно-публицистический стиль является огромным кладом неисследованных вопросов и нерешенных проблем, исчерпать который невозможно, так как язык публицистики развивается также стремительно, как и все мировое сообщество. К сожалению, вследствие активного взаимодействия межнациональных культур многие ученые отмечают падение культуры речи во многих странах. В статьях много грамматических и лексических ошибок, чрезмерное употребление не к месту вставленных слов (паразитов), перегруженность жаргонизмами, или словами-заимствованиями. Но введу того, что публицистическая речь находится в постоянном развитии, мы можем предположить, что это определенный этап ее развития и вскоре будет другой этап, который тоже будет нуждаться в тщательном и глубоком рассмотрении.

Список использованных источников

- 1. Володина М. Н.** О языке и стиле газеты / М. Н. Володина // Язык средств массовой информации : учеб. пособ. для вузов. – М. : Академический проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.
 - 2. Воронцова Т. А.** Элементарная стилистика : учеб. - метод. пособ. УдГУ / Т. А. Воронцова. – Ижевск : Изд-во «Удмурский университет», 2008. – 130 с.
 - 3. Чечет Р. Г.** Основы стилистики и культуры речи. Публицистический стиль. Акцентологические нормы [Электронный ресурс] : учебн. изд. / Раиса Григорьевна
- 14 апреля 2016 года, город Луганск*

Четверг. – Режим доступа:
<http://www.bsu.by/Cache/pdf/198133.pdf>. – Назв. с экрана. **4.**
Орехова О. Е. Печатные СМИ Германии в условиях
социально расколотого общества / О. Е. Орехова . – М. :
МГИМО-Университет, 2008. – 158 с. **5.** **Солганик Г. Я.**
Лексика газеты (функциональный аспект) : учеб. пособ.
для вузов / Г. Я. Солганик . – М. : Высш. шк., 1981. – 121 с.

**Бондаренко В.Р. Характерные черты и
лингвостилистические особенности газетно-
публицистического стиля**

В статье исследованы характерные черты и
лингвостилистические особенности газетно-
публицистического стиля, проанализированы основные
функции публицистического стиля. Освящены основные
стилевые черты и характерные лексико-стилистические
единицы. Охарактеризованы основные особенности
газетно-публицистического стиля на примере печатных
изданий Германии.

Ключевые слова: публицистический стиль, газетно-
публицистическая речь, стилистические черты,
лексические особенности, воздействующая функция,
информационная функция.

**Bondarenko V.R. Characteristic features and
linguistic stylistic particular qualities of expository writing
style**

Characteristic features and linguistic stylistic particular
qualities of newspaper journalistic style are examined in the
article. The author analyses main functions of journalistic style,
describes main stylistic features and linguistic stylistic ones,
characterizes main peculiarities of newspaper journalistic style
by the example of German printed matters.

Keywords: journalistic style, newspaper journalistic
speech, stylistic features, lexical peculiarities, impacting
function, informative function.

Борzych Е. А.

ПЕРЕВОД КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Характерной чертой современного мира являются устойчивые глобализационные процессы. Важным признаком глобализации выступает общение, как между народами, так и между отдельными носителями культуры. Специфическое значение приобретает коммуникация между цивилизациями, а фундаментом всех этих отношений выступает рост международных контактов.

На рубеже XX и XXI вв. обострились проблемы речевой коммуникации, углубилось изучение средств коммуникативного воздействия. Изменился «языковой вкус эпохи»: на смену «тоталитарному языку» пришел «свободный» язык средств массовой информации, возросла роль языковой личности [7].

Актуальность исследования обусловлена тем, что вопросы культуры как универсального контекста, а также коммуникации и перевода как главных и фундаментальных видов взаимодействия между людьми вышли на первый план. Признание ценности и разнообразия мировых культур, отказ от колонизаторской культурной политики обусловили бурное развитие соответствующих отраслей знания с опорой на новый в истории человечества феномен - интерес народов Земли друг к другу.

Вопросы межкультурной коммуникации рассматриваются в различных областях знаний, в частности, в теории перевода, лингвострановедении,

этнолингвистике, культурной антропологии, этнопсихологии и др. Однако анализ межкультурной коммуникации именно во взаимосвязи с наукой о переводе позволяет рассмотреть вопрос о роли перевода в установлении адекватного восприятия иноязычными индивидами друг друга и той информации, которую необходимо донести, сохраняя при этом национальную и культурную идентичность.

Понятие межкультурной коммуникации возникает в середине XX века и связано с именами таких ученых как Э. Холл, К. Клакхон, А. Крёбер, Р. Портер, Д. Трагер, Л. Самовар. Теории межкультурной коммуникации, которые стремились объяснить данный феномен с разных точек зрения, разрабатывали такие западные исследователи, как К. Бергер, С. Хантингтон, Э. Гирш, Э. Холл, Г. Хофстеде, С. Даль.

Важный вклад в изучение проблемы межкультурной коммуникации как социального феномена внесли такие российские ученые как: Е. Верещагин, Т. Грушевицкая, Б. Ерасов, Н. Иконникова, В. Костомаров, В. Попков, А. Садохина, С. Тер-Минасова, Н. Шамне. В контексте межкультурной коммуникации также рассматриваются вопросы глобализации культуры и взаимодействия цивилизаций. Поле исследования в последнее время значительно расширяется в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции.

Однако существует еще целый ряд теоретических и практических вопросов, требующих исследования. В частности, о влиянии межкультурного общения, как на развитие современного общества, так и на отдельного индивида, его связь с теорией и практикой перевода и роль последнего в этом процессе.

Цель статьи заключается в разностороннем изучении вопроса межкультурной коммуникации в ее

связи с теорией перевода, уделяя особое внимание переводу как одному из основных средств общения.

Задача статьи - раскрыть сущность понятия «межкультурная коммуникация» и рассмотреть место и значение перевода как ее непосредственного инструмента в ее структуре.

В рамках исследования необходимо решить следующие задачи:

- изучить развитие понятия «межкультурная коммуникация»;
- раскрыть сущность понятия «перевод» в контексте межъязыкового общения;
- проанализировать связь и влияние перевода на конечный результат в процессе межкультурной коммуникации.

Процесс межкультурной коммуникации начинается с признания самого факта существования культурных различий между представителями различных цивилизаций, что является одной из важнейших причин недопонимания. Главным субъектом коммуникации является человек, который для обеспечения своей жизнедеятельности вступает во взаимосвязь с другими людьми. 70% своего времени человек тратит именно на коммуникацию. Система человеческих отношений опосредуется культурой, которая определяет характер и эффективность человеческого общения. Осуществление межкультурной коммуникации возможно, когда коммуниканты понимают друг друга, и перевод в этом процессе выступает общим кодом для достижения взаимопонимания.

Термин «межкультурная коммуникация» в определенной степени соотносится с понятием «диалог культур». Наиболее исчерпывающий анализ этого явления представлен в трудах В. Библера, который подчеркивает формирование нового социума культуры - формы свободного общения людей в ее силовом поле [1, с. 32].

Диалог культур - это потребность во взаимодействии, взаимном обогащении, которое предполагает взаимопонимание, а значит тождественность.

Межкультурная коммуникация - это социальный феномен, сущность которого заключается в конструктивном или деструктивном взаимодействии между представителями различных культур (национальных и этнических), субкультурами в пределах четко определенного пространственно-временного континуума. В центре межкультурных взаимодействий находится человек как носитель общечеловеческих универсалий и культурных особенностей. Этот человек действует и взаимодействует с другими на основе этих универсалий и особенностей в большом количестве контекстов общения.

Датой рождения межкультурной коммуникации как академической дисциплины можно считать 1954 год, когда была издана книга Э. Холла и Д. Трагера «Culture as Communication» («Культура как коммуникация»). В данной работе авторы впервые предложили для широкого применения термин «межкультурная коммуникация», которая отражала, по их мнению, особую отрасль человеческих отношений. Позже основные положения и идеи межкультурной коммуникации были более подробно развиты в известной работе Э. Холла "The Silent Language» («Немой язык»), где автор продемонстрировал тесную связь между культурой и коммуникацией. Считается, что Э. Холл является основателем межкультурной коммуникации как отдельной дисциплины.

Важным актом межкультурной коммуникации является перевод, поскольку он предполагает преодоление культурной дистанции между коммуникантами и направлен на обеспечение их взаимопонимания. Он разрушает межъязыковой и межкультурный барьеры. Переводчики являются представителями одного

национально-лингвокультурного сообщества и, соответственно, должны иметь определенную когнитивную базу, то есть определенным образом структурированную совокупность необходимых обязательных знаний как своей, так и другой национально-культурной общности (так называемые фоновые знания), ведь ими владеют носители этих языков и эти знания формируют специфический национально-культурный менталитет.

Перевод в современном мире выступает важным средством общения между индивидами, которые говорят на разных языках и являются представителями различных лингвокультурных ареалов. В подобном контексте перевод рассматривают как особый вид межкультурной коммуникации.

Лингвистическая наука о переводе еще сравнительно молодая. До сих пор она даже не имеет общепринятого названия. В разных источниках можно найти такие термины как «переводоведение», «транслатология», «теория перевода» и др. Только с начала второй половины двадцатого века исследования особого вида речевой деятельности, которую называют «переводом», начали формироваться в самостоятельную лингвистическую дисциплину.

Включение перевода в парадигму межкультурной коммуникации ведет к осознанию того, что перевод является видом языкового посредничества, которое определяется В. Н. Комиссаровым как «превращение исходного сообщения в такую языковую форму, которая может быть воспринята реципиентом ... Языковой посредник должен извлекать информацию из текста исходного сообщения («оригинала») и передавать ее нам на другом языке» [3, с. 3-19].

Согласно В. Н. Комиссарову, перевод - это вид языкового посредничества, который целиком

ориентирован на оригинал. Перевод является иноязычной формой существования сообщения, которое содержит оригинал. Задача перевода - обеспечить такой уровень межкультурной коммуникации, при котором создаваемый текст на языке реципиента мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться реципиентами перевода с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношениях [4].

Коммуникативная концепция перевода учитывает особенности перевода как акта межкультурной коммуникации. Такой подход заложен в трудах немецких исследователей А. Каде и А. Нойберта, а также российских ученых В. Н. Комиссарова и А. Д. Швейцера. Основой для сопоставления в переводе являются элементы коммуникативного процесса.

С точки зрения теории межкультурной коммуникации, при переводе сопоставляются не только два языка, но и две культуры в широком смысле этого слова. Из-за межкультурных различий то, что понятно носителям одной языковой культуры может вызвать непонимание у иноязычного реципиента. Поэтому задача перевода включает не только поиск эквивалентных соответствий для передачи коммуникативной установки отправителя, но и предоставление получателю необходимых для понимания объяснений, чтобы реакция иноязычного получателя отвечала реакции получателя сообщения на исходном языке [2, с. 7-9]. Только тогда перевод будет тождественным или эквивалентным.

При этом необходимо учитывать тот факт, что процесс межкультурной коммуникации имеет сложную структуру и включает множество факторов, которые влияют на условия ее протекания и финальный успех. Как отмечает Р. К. Миньяр-Белоручев, «науке о переводе приходится изучать и условия порождения исходного

текста, и условия восприятия переводимого текста, и социальный статус коммуникантов, и языковую ситуацию, и различные сопутствующие явления, которые входят в сложное понятие коммуникации с использованием двух языков, и которая и представляет собой объект науки о переводе» [6, с. 7].

Известный российский переводовед А. Д. Швейцер определяет перевод, как «однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (переводческому) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде; процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируется различиями между двумя языками, между двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [7, с. 75].

Итак, перевод удовлетворяет общественную потребность в межкультурной коммуникации. Как указывает К. Л. Латышев, перевод имеет целью удовлетворить потребность общества в двуязычной коммуникации, которая в максимальной степени приближена к естественной, одноязычной коммуникации [5, с. 10].

Таким образом, межкультурная коммуникация, как особый вид понимания, предполагает общение между носителями разных языков и разных культур. Сопоставление языков и культур выявляет не только общее, универсальное, но и специфическое, национальное, самобытное, что обусловлено различиями в истории развития народов. Как отмечает В. Н. Комиссаров, в процессе межкультурной коммуникации функционируют две языковые системы, и они функционируют не независимо друг от друга, а в тесном взаимодействии с

14 апреля 2016 года, город Луганск

параллельным использованием коммуникативно-равноценных единиц [3].

В этом контексте, перевод является очень важным и необходимым средством межкультурной коммуникации и имеет чрезвычайное значение для поддержания непосредственных связей между коммуникантами, которые принадлежат к разным лингвокультурным ареалам.

Проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов вопроса о роли перевода в процессе межкультурного общения. Дальнейшего изучения требуют средства и методы совершенствования уровня квалификационной подготовки и компетентности переводчиков в сфере осуществления межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

- 1. Библер В. С.** Культура. Диалог культур (опыт определения) / В. С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
- 2. Бреус Е. В.** Теория и практика перевода с английского на русский. М.: Высшая школа, 1990. – 103с.
- 3. Комиссаров В. Н.** Общая теория перевода: учебное пособие / В. Н. Комиссаров. - М.: ЧеРо, 1999.-136 с.
- 4. Комиссаров В. Н.** Современное переводоведение: курс лекций / В. Н. Комиссаров; Ред. Б. А. - М.: ЭТС, 1999. - 192 с.
- 5. Латышев Л. К.** Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. – 160 с.
- 6. Миньяр-Белоручев Р. К.** Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. — 237 с.
- 7. Швейцер А. Д.** Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М, 1988. – 216 с.

Борzych Е.А. Перевод как одно из основных средств общения в сфере межкультурной коммуникации

В статье исследуется развитие понятия «межкультурная коммуникация» и ее влияние на развитие современного общества, также раскрыта сущность понятия «перевод» в ее структуре и продемонстрирована связь и влияние перевода на конечный результат в процессе межкультурного общения. Осуществление межкультурной коммуникации возможно, когда коммуниканты понимают друг друга, и перевод в этом процессе помогает достичь взаимопонимания и имеет чрезвычайное значение для поддержания непосредственных связей между теми, кто общается, но принадлежит к разным лингвокультурным ареалам.

Ключевые слова: Межкультурная коммуникация, перевод, лингвистическая наука коммуниканты, языковые системы, общественное взаимодействие, языковая ситуация.

Borzykh E. A. Translation as one of the primary means of interaction in the field of cross-cultural communication

The development of “cross-cultural communication” concept and its influence on the life of modern society are considered, the essence of the notion “translation” in its structure is revealed, and the impact of communication and translation on the final result in the process of cross-cultural communication is shown. Cross-cultural communication is possible when the communicants understand each other, and translation in this process helps to achieve understanding and has extraordinary importance in supporting direct links between those who communicate, but belong to different linguistic-cultural areas.

Key words: Cross-cultural communication, translation, linguistic science, communicants, language systems, social interaction, language situation.

УДК 811.111'373.46:629.33

Васильєва О.О.

АНГЛІЙСЬКІ ЛЕКСИЧНІ ОДИНИЦІ НА ПОЗНАЧЕННЯ КОЛЬОРУ В СУЧАСНІЙ АВТОМОБІЛЬНІЙ ПРОМИСЛОВОСТІ

Світ у якому живе людина, – це світ кольору. Людське око може підмічати все навколо: середовище, яке оточує людину, розмаїтість природних або штучних предметів; навіть людина більш-менш вирізняється за кольором обличчя [8, р. 57]. Природна (сама природа, унікальні природні явища) й штучно створена кольорова палітра (текстильна, косметологічна, поліграфічна, автомобільна промисловість) роблять навколишнє середовище яскравим і колоритним для людського ока. Світ кольорів і відтінків настільки повний і різноманітний, що з'являється не тільки потреба, а й бажання їх вербально оформити, що впродовж часу може стати невід'ємною "константою" під час опису об'єкта або предмета, бо існують широкі можливості для поповнення колірною словника новими лексичними одиницями [3, с. 57]. У сучасній автомобільній мові існують свої невід'ємні "константи", що виникають як розпізнавальні кольорові символи майже кожної автомобільної марки. Актуальність наукової статті зумовлена антропологічною парадигмою сучасної лінгвістики, а саме необхідністю дослідження номінативних механізмів і нових лексичних одиниць, що створюються людиною у процесі когніції в межах різних комунікативних стратегій (брендингу) і відображають розвиток різних фрагментів цивілізації. Головна мета дослідження полягає в з'ясуванні основних шляхів поповнення колірних номінацій для сучасних автомобілів відповідно до тенденцій сучасного англійського

словотворення, когнітивних особливостей словотвору, сучасного комунікативного простору. Основним матеріалом дослідження є лексичні одиниці, виокремлені методом суцільної вибірки з каталогів, рекламних матеріалів сучасних автомобілів, офіційних інтернет-сторінок автомобільних компаній, англійських автомобільних журналів, спеціалізованих англійських словників.

Яскравим прикладом брендингу є штучно створена кольорова політра кожної автомобільної фірми. Фірмовий колір екстер'єру марки Maserati – синій, Ferrari та Alfa Romeo – червоний, а Lamborghini – жовтий. Кольоровий символ екстер'єру автомобільної марки Bugatti – поєднання жовтого та чорного, а символ BMW – чорний колір. Автовиробники створюють брендинг, мета якого – стійкі асоціації споживачів марки автомобіля з певним кольором, а отже, забезпечення його індивідуальності. Це дозволяє говорити про оригінальність і сильний бік автомобільної марки, що є конкурентною перевагою на ринку. А.Д.Белова зазначає, що особливого значення кольоросимволізм набуває в рекламі, упаковці товарів: саме в цих галузях відбувається народження нових одиниць колірної семантики, виникають свої стратегії позначення кольору [1, с. 4]. А.П.Василевич, С.Н.Кузнецова, С.С.Міщенко вважають, що назва кольору товару є своєрідною частиною його упаковки: назвати авто "червоним", "білим" або "сріблястим" – зовсім не те саме, що дати такі яскраві назви його кольору, як "монте-карло", "корейка", "сафарі" або "авантюрин" [2]. Так, автомобільні дизайнери, які створюють колірні гами, тонко помічають відтінки базисних кольорів і створюють їх унікальні позначення. Одним зі шляхів вибору потенційного автомобіля є брошури, які можна придбати в автосалоні або через Інтернет. Якщо брати до уваги те, що автомобільні брошури – це візуальна реклама, то згадка

14 апреля 2016 года, город Луганск

про колірне позначення в них є не тільки засобом залучення потенційних покупців, але і своєрідною "грою уяви", тобто "грою" на розшифровку кольору. Вдало вибране колірне позначення упаковки товару (у нашому випадку – колір автомобіля) повинно нести певне інформативне навантаження, за яке може зачепитися покупець. Так, Андерсен Фейснер зазначає, що найбільш важлива функція кольору – це надання візуальної і психологічної інформації [7, р. 120].

Крім візуального уявлення кольору, під час вибору відтінку важливим є співвідношення кольору з характером потенційного автовласника. Вдало створене колірне позначення впливає на емоційний настрій покупця, тим самим інтригуючи його своєю назвою. Емоційне враження справляє не тільки сам колір, а й його назва [9, р. 156]. Основна мета створення колірних позначень автомобіля – це підкреслення його неповторності. "У сучасному бізнесі разом із суб'єктивним чинником, емоційно-чуттєвим сприйняттям, під час створення нових лексем для позначення вторинних кольорів не менш значущим є фактор конкуренції, що полягає в неповторності кольору і кольоропозначенні" [19, с. 5]. Назви кольору дають зрозуміти якість або винятковість продукту [1, р. 153]. Наприклад, тільки автовиробники марки Fiat для колірного позначення використовують назви різноманітних стилів рок-н-ролу: Hillbilly Azure, Rockabilly Black, Rock'n'Roll Blue.

Автомобільна промисловість використовує складні екстер'єрні та інтер'єрні колірні позначення, хоча останні дещо поступаються в різноманітті колірної гами. Слід звернути увагу, що всі екстер'єрні кольори автомобіля поділяють на кольори металік (metallic exterior colour), неметалік (non-metallic exterior colour) і матовий колір (solid exterior colour, matt), наприклад, Dark Blue Metallic (Jaguar), Ebony Metallic (Peugeot), Gold Metallic (Honda).

Для кольору металік характерні блискучі вкраплення, які в деяких марках автомобілів, наприклад, Audio, дістають номінацію pearl effect (Black Cherry, pearl effect; Aqua Blue, pearl effect; Night Blue, pearl effect). Автомобілі марки Skoda та Citroen використовують для позначення цього поняття pearlescent: Cherry Red, pearlescent. В автомобілях марки Range Rover застосовують номінацію Micatellіc, представлену поєднанням двох лексем mica й metallic, що указує на змішування частинок слюди й металіку.

Кольоропозначення сучасних автомобілів відрізняється широким діапазоном різних відтінків базисного кольору. Структура кольоропозначення може складатися з таких компонентів:

- прості прикметники, що позначають основні кольори: White (Mercedes-Benz), Black (BMW), Red Metallic (Ford);

- прості відіменникові прикметники, утворені шляхом прямого перенесення кольору з об'єкта (похідні від основної семантики): Orange (Bugatti), Lemon (Bugatti), Sand (BMW);

- прості відіменникові прикметники, утворені шляхом асоціативного перенесення кольору з об'єкта: Salsa (Jaguar), Flamenco (Jaguar);

- складні прикметники, що складаються з модифікатора (у вигляді відповідного об'єкта) та основного кольору: Mocca Brown Metallic (Skoda), Space Gray Metallic (BMW), Majestic Black Metallic (Mercedes-Benz), Moonlight Blue Metallic (Audi), Barolo Red (Nissan);

- складні прикметники, що складаються з двох назв об'єктів: Desert Sand Metallic (Toyota), Emerald Fire (Jaguar), Hampton Sand Metallic (Mercedes-Benz);

- складні прикметники, що складаються з модифікатора (поданого у вигляді основного кольору) та кольору об'єкта: Black Magic (Mercedes-Benz), Black Sapphire (BMW), White Pearl (Mercedes-Benz);

- прикметники, що мають дериваційні лексеми: Greenish-Black (Mercedes-Benz), Off-Black (Volvo), Sandy Beach Metallic (Toyota).

Крім того, модифікатори основних кольорів можуть передавати такі їхні характеристики:

1. Насиченість (низький ступінь насиченості, високий ступінь насиченості).

1.1. Низький ступінь насиченості в автомобільній колірній палітрі позначається за допомогою прикметника light: Light Blue Green Metallic (Volvo), Light Red Metallic (Bugatti), Light Gold Metallic (Bugatti).

1.2. Високий ступінь насиченості в сучасній автомобільній гамі передається за допомогою прикметника, який позначає соковитість і колоритність основних кольорів deep, active, dark, black: Deep Red Metallic (Bugatti), Deep Sea Blue Metallic (BMW), Dark Blue Metallic (Bugatti), Black Sapphire Metallic (BMW), Sonora Gold Pearl Metallic (Lexus). Найвищий ступінь насиченості позначається за допомогою лексем super, hyper і ultimate, що вказують на посилення відтінку кольору: Super Black (Nissan), Super White (Toyota), Hyper Blue Metallic (Mini Cooper), Ultimate Black (Jaguar).

2. Інтенсивність (яскравість і приглушеність).

2.1. Яскравість (блиск) екстер'єру автомобіля позначається прикметниками bright, brilliant: Bright Silver Metallic (Mercedes-Benz), Brilliant Black (Audi), Brilliant Silver Metallic (Ford), Diamond Graphite Metallic (Infiniti), Gloss Trim Black (Lexus);

2.2. Приглушеність (тьмяність) основного кольору екстер'єру автомобіля виражена шляхом позначення теплих відтінків кольору: Autumn Cooper Metallic (Infiniti), Soft Silver Metallic (Volvo), Sleek Ecu Metallic (Lexus), Mellow Yellow (Ferrari);

3. Однорідність основного кольору: Classic Silver Metallic (Toyota), Classic Red (Mazda), Solid Black

(Toyota), Absolutely Red (Lexus), Crystal Black Pearl (Honda). До цієї групи можна віднести й імпліцитний модифікатор Neoclassical Bordeaux (Fiat), для якого характерні суворі канони бордового кольору. Однорідність кольору підкреслюється і прикметником sheer, наприклад, у кольоропозначенні Sheer Platinum Metallic (Infiniti). Неоднорідність колірною позначення передають за допомогою прислівника hardly: Hardly Green (Aston Martin).

Для вербалізації кольоропозначень автодизайнери використовують безмежну кількість вторинних найменувань, значення яких асоціюється зі значенням предметів Chocolate Metallic (Nissan), Red Brick (Volvo). Автовиробники також позначають колір назвами каміння, мінералів та елементів: Amethyst Metallic (Porsche), Charcoal (Mercedes-Benz), Stone (Mercedes-Benz), Calcite (Mercedes-Benz), Malachite Green Metallic (Porsche), використовують назви неорганічних речовин, зокрема притаманного їм кольору: Carbon Black (Honda), Carbon Gray Metallic (Porsche), Mineral Silver Metallic (BMW), Vermillion Red Metallic (Mercedes-Benz), Titanium Gray Metallic (Mercedes-Benz), Basalt Black Metallic (Porsche), Obsidian Black Metallic (Mercedes-Benz), Palladium Silver Metallic (Mercedes-Benz), Indium Gray Metallic (Mercedes-Benz). В окремих автовиробників спостерігається активне функціонування колірних позначень, взятих з геології (Mercedes-Benz). Значна частина колірних позначень автомобілів марки Mercedes, яким притаманна ознака блиску й іскріння (металік), представлена назвами мінералів і каміння.

Поширення набувають екстер'єрні колірні гами із застосуванням назв коштовних металів. Коштовне каміння має статус престижності, багатства й успішності. Використання відповідних назв як модифікаторів кольору передає блиск і глянс колірної палітри автомобіля (Emerald

Green Metallic (Audi), Brilliant Silver Metallic (Nissan), Ruby Red Metallic (Ford), Sapphire Black Pearl (BMW), Diamond White Metallic (Mercedes-Benz)) або підкреслює чистоту основного кольору авто (Pearl White Metallic (BMW)).

Престижності надають і кольоропозначення, взяті з галузі елітних курортів чи міст: Monte Carlo Blue Metallic (BMW), Monaco Blue Metallic (BMW), Barcelona Red Metallic (BMW), Milano Red (BMW), Venetian Red Metallic (Volvo, Hyundai). У кольоровій палітрі автомобільної марки BMW часто засвідчено позначення, що мають топоніми. Для значної частини колірних позначень, які семантично асоціюються з назвами міст, основними компонентами є blue і red. На думку О.В.Деменчука, становлення англійської колоративної композити здійснюється на основі сформованої лексичної бази англійських кольоронайменувань [4, с. 7]. Отже, автомобільні дизайнери передають почуття пристрасті та відпочинку під блакитним небом через згадування назв елітних курортів та міст.

Автомобільні колірні позначення марки BMW, здебільшого позначення відтінків червоного кольору, ототожнюються з назвами міст, які мають свою історію. Так, наприклад, місто Імола (Imola) – це автодром марки Ferrari, фірмовий колір якого червоний. Колорадо (Colorado) – місто, яке стоїть на ріці Колорадо, яка має червоно-коричневий іл. Отже, автомобільна компанія BMW назвами кольорів стимулює покупку автомобіля марки BMW, ототожнюючи високий рівень життя з назвами розкішних міст.

Ще одним із поширених джерел метафоричного переносу є їжа: Bla-ckberry Metallic (Dodge), Oyster Gray Metallic (Audi), Black Cherry (BMW), Cream White (Porsche). Автовиробники марки Bugatti для позначення кольорів авто знаходять відповідну асоціацію з продуктами соковитих кольорів, наприклад, Lemon і

Orange Metallic. Цікавим позначенням кольору є Bitter Chocolate Pearl (Nissan), у якому прямо не вказується відтінок кольору, а тільки семантика словосполучення bitter chocolate дає змогу визначити, що йдеться про колір чорного шоколаду.

Деякі кольоропозначення виникають на основі подібності світла з природними явищами: Frost Blue (Jaguar), Seafrost (Jaguar), Lakeshore (Infiniti), Sand Beige (BMW), Sand Beige Metallic (Mercedes-Benz), Storm Red Metallic (Mercedes-Benz), Ice White (VW), Tuscan Sun Metallic (Nissan), Desert Sand Mica (Toyota). Серед модифікаторів основного кольору засвідчено й лексеми, пов'язані з різними музичними жанрами Twist Red (VW), Rock'n'Roll Blue (Fiat), Salsa Red Pearl (Toyota), Flamenko Red (Volvo). Найширший діапазон відтінків зі значенням музичних жанрів представлено в марках Fiat: Hillbilly Azure, Cool Jazz Blue, Rockabilly Black, Twist Red, Rock'n'Roll Blue.

Слід відзначити, що трапляються і семантичні опозиції кольорів Bugatti Dark Blue і Bugatti Light Blue (Bugatti). Семантична опозиція в концептуалізації кольору здійснюється завдяки використанню назв модифікаторів світла (light) і кольору темного відтінку (dark).

У сучасній автомобільній палітрі активно функціонують і колірні позначення, які мають темпоральне навантаження: Spring Green (Chevrolet), Night Blue, pearl effect (Audi), Winter Frost Pearl (Nissan). Прикметники, які означають пори року або будь-який час доби, наштовхують покупця на інтенсивність кольору.

В основу деяких кольоропозначень покладено не тільки прототипний колір використаного об'єкта, але і його прототипні характеристики. Наприклад, кольоропозначення автомобільного екстер'єру Chilli може вказувати і на спортивний автомобіль, що заводиться з півоберта. Серед одинадцяти основних кольорів (white,
14 апреля 2016 года, город Луганск

black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, grey) [6, p. 2] активними для створення кольору вважаються: red, black, gray, white, blue.

Red

У мові сучасних автомобілів позначення червоного кольору створюються за асоціацією з пристрастю та коханням, наприклад, Passion Red Pearl (Mazda). У першій позиції можуть вживатися іменники, які прямо не називають, але мають значення пристрасті, наприклад, танець пристрасті (Salsa (Jaguar), Salsa Red Metallic (Chevrolet)).

Вербалізація колірною відтінку здійснюється завдяки практичному досвіду всього людства, який як наочна картинка виникає у свідомості людини. Так, наприклад, позначення відтінку червоного кольору реалізується за рахунок поняття "обережно – загроза" (сюди можна віднести несприятливі природні явища): перед очима людини з'являється червоний сигнал тривоги: Storm Red (Mercedes), Tornado Red (VW), Red Alert Metallic (Nissan). Під час утворення колірною позначення автоколеристи використовують асоціації червоного кольору з ягодами Dark Currant Metallic (Infiniti), Black Cherry (Nissan). Червоний колір в автомобільній колірній палітрі пов'язується також зі швидкістю та агресивністю, наприклад Racing Red (Kia), Velocity Red Mica Tricoat (Mazda), Italian Racing Red Pearl (Jaguar).

Blue

Серед кольоропозначень, утворених шляхом називання відтінків за асоціацією, виокремлюють і кольори, що мають модифікатор або основний колір зі значенням "вода": Blue Water Metallic (BMW), Liquid Platinum (Infiniti), Aqua Blue Metallic (Porsche Carrera), Aquamarine Blue (Lexus), Vortex Blue Pearl (Acura). Особливо активно діють у кольоропозначеннях назви морів: Barents Blue Metallic (Volvo), Caribbean Blue Pearl

Metallic (Nissan), Pacific Blue Metallic (VW, Toyota). Цікаво відзначити, що в деяких кольоропозначеннях уживаються слова sea або ocean, а замість нього – асоціативний колір блакитний. До морського кольору апелюють спостерігається і позначення Nautic Blue Metallic (Volvo) і Navy Blue Metallic (Chevrolet). Блакитний колір концептуалізується з небом: Azure Blue (Nissan).

Green

У сучасній автомобільній мові викорчовують також і назви рослин: Green Metallic (BMW), Aloe Green Metallic (Toyota), Botanical Green Metallic (Jaguar), Caper Green Metallic (Volvo), Papyrus (Toyota), Silver Spruce Metallic (Toyota), Jungle Green (Mercedes-Benz). Крім наведених кольоропозначень, фігурують і позначення за кольором каміння, якому притаманний зелений колір: Malachite Green Metallic (BMW), Emerald Green (Audi), Mineral Green Metallic (BMW).

Yellow

Менш продуктивною відтінковою палітрою відрізняються автомобілі жовтого кольору (Lemon (Ferrari), Speed Yellow (BMW, Porsche)). Одним із прототипів колірної відтінку в автомобілях марки Aston Martin є сонце, наприклад, Sunburst Yellow (Aston Martin).

Кольоропозначення Winter Gold (Jaguar), Gray Gold (Acura), Light Gold (Kia), Nordic Gold Metallic (Porsche), Gold Metallic (Porsche) указують на різні відтінки жовтого кольору, наприклад, золотої монети. Тому автомобілям з таким кольоропозначенням притаманний золотистий колір. Механізм впливу колірної образу на емоційну сферу людини, що створюється завдяки мовним засобам, ґрунтується на здатності людини штучно викликати в себе відчуття кольору, а також весь комплекс інших пов'язаних з ним відчуттів та емоцій [5].

А ось для позначення бежевої палітри інтер'єру й екстер'єру автомобіля використовують подібність до

кольору піску (Sand (Mazda), Sand Beige (Toyota), Sandy Beach Metallic (Toyota)), пустелі (Sonoran Sand Metallic (Nissan), Desert Sand Mica (Toyota)) й карамелі (Caramel (Jaguar)).

White

Білий колір викликає асоціацію передусім з білим снігом і холодним льодом: Alpine White (BMW), Ice White (Ford), Arctic White (Hyundai, Mer-cedes-Benz), Glacier White (Toyota). З відтінком кольору місяця пов'язане позначення Moonlight White (Infiniti), а ось серед жовтувато-білих відтінків фігурує Alabaster White (Audi), Cream White (Honda, Acura) і Marble White (Mazda). Поширеною є асоціація білого кольору з ранковим морозом (Morning Frost White (Honda)) або з білою хмарою (Stratus White (Dodge)). Роль денотата ранкової зорі виконує богиня Аврора, що дає змогу утворити колірне позначення Aurora White Pearl (Lexus).

Брендинг позначився на колористиці автомобіля, створивши унікальні і привабливі колірні позначення екстер'єру автомобіля. Уся розмаїтість колірних позначень представлена в автомобільних брошурах, що є засобом візуальної реклами. Розкодування автомобільного колірного позначення є "грою уяви" споживача.

Список використаних джерел

- 1. Белова А. Д.** Цветообозначение в современном английском языке : концептуализация цвета для различных товаров / А. Д. Белова // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2006. – № 471. –С.3–9.
- 2. Василевич А. П.** Цвет и его название. Развитие лексики цветообозначения / А. П. Василевич, С. С. Мищенко, С. Н. Кузнецова [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.rfbr.ru/default.asp?doc id=4778>.
- 3. Венкель Т. В.** Синтагматичні, парадигматичні та епідигматичні характеристики прикметників на позначення кольору в

- англійській мові : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Венкель Тетяна Василівна. – Чернівці, 2004. – 282 с. **4. Деменчук О. В.** Колоративна композита в англійській мові : когнітивно-ономасіологічний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 „Германські мови” / О. В. Деменчук. – К., 2003. – 19 с. **5. Пастушенко Т. В.** Колірна номінація як елемент вторинної мовної картини світу (на матеріалі сучасної англійської мови) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 „Германські мови” / Т. В. Пастушенко. – К., 1998. – 16 с. **6. Brent Berlin and Paul Kay** Basic Colour Terms / Berlin Brent, Kay Paul – Leland Stanford Junior University: CSLI Publications, 1999. – 196 p. **7. Edith Anderson Feisner** Colour: how to use colour in art and design / Feisner Edith Anderson – London : Fairchild Publication, 2006. – 183 p. **8. Marion Matschi** Colour terms in English. Onomasiological and semasiological aspects / Matschi Marion//Onomasiology Online 5.– 2004. – P. 56–139. – Режим доступу : <http://www1.kuichstaett.de/SLF/EngluVglSW/matschi1041.pdf> **9. Siegfried Wyler** Colour terms in the crowd : colour terms in use / Wyler Siegfried – Nehren, Germany : Laupp and Glöbel, 2006. – 214 p.

Васильєва О.О. Англійські лексичні одиниці на позначення кольору в сучасній автомобільній промисловості

Наукову статтю присвячено дослідженню номінативного простору кольоропозначень у сфері виробництва автомобілів, які утворюються під впливом екстралінгвальних чинників, а саме брендінгу. Виявлено номінативні способи вербальної фіксації сучасних автомобільних колірних позначень.

Ключові слова: брендінг, колірне позначення, лексична одиниця, номінація, прототип

Vasylieva Olga O. English Colour Naming within Automobile Industry

The paper is devoted to a multifaceted research of modern nominative process of colour naming which has appeared due to the extralinguistics factors, namely branding. Color names used in modern automobile advertising and marketing are analyzed.

Key words: branding, color naming, naming, prototype, word.

Гайдаш Г.В.

МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ КАК СВОЕОБРАЗНЫЙ СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ БЫТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Культуры обладают языками, посредством которых они выражают себя, свою уникальность или самобытность. Однако, будучи развивающимся образованием конкретных культурно-исторических эпох, эти языки оказываются настолько различными и непонятными для потомков, что они более походят на иностранные, нежели на языки собственной культуры. Ведь как трудно нам, людям начала XXI века, читать *La Chanson de Roland* или *La Cantilène de sainte Eulalie*. Нам порой непонятны и литературные произведения, написанные в XIX или первой половине XX столетия, настолько непонятны, что при их чтении без толкового словаря не обойтись: одни слова с течением времени стали мало, либо вообще неупотребляемыми, а другие «обросли» новыми смыслами, которые мы знаем, а о предшествующих им значениях даже не догадываемся. С этой точки зрения, очень интересно читать толковые словари *Petit Robert* или же *Larousse*: в них вроде бы и слова знакомые нам приводятся, но вот трактуются они совсем иначе, а в результате целая малознакомая культурно-историческая эпоха приоткрывает свою завесу перед нами [1, с. 24].

Цель данной статьи обобщить особенности вербализации реалий общества способами сленгизированной лексики, используя французскую молодежь.

Актуальность данной статьи определяется новым ракурсом изучения молодежной лексики — исследованием прагматического аспекта гиперболических номинаций.

Данный вопрос рассматривался в работах таких лингвистов как Бондалетов В. Д., Подюков И. А., Толстых А. В.

Каждая культурно-историческая эпоха обладает собственным языком, полностью понятным только людям, жившим в эту эпоху. Для этого языка, с одной стороны, характерна относительная стабильность в смысле поддержания незыблемости грамматических законов построения языка, и, с этой точки зрения, язык сохраняет традицию данной культуры, а, с другой стороны, характерна способность быстро реагировать на происходящие в обществе изменения появлением новых слов, или старых смыслов, а также забвением не соответствующих времени, потерявших актуальность слов. И со второй точки зрения, язык открыт для инноваций и модернизаций. Однако скорости инновационных процессов, а также уровни этих процессов в различных культурно-исторических эпохах зависят, в первую очередь, от того, с какими обществами мы имеем дело (статичными или динамичными), а, во вторую, – какова структура конкретного общества (какие слой-страты, субкультуры имеются в данном обществе) [2, с. 19].

Современные индустриально-развитые общества относятся к динамичным, быстро изменяющимся, а потому и язык, вернее его словесная оболочка, в подобных обществах очень подвижна. В результате этого за период жизни одного поколения его словарный запас претерпевает серьезные изменения не только в смысле увеличения или уменьшения объема, но и в смысле смены целых блоков слов и выражений на другие, возможно, даже близкие по значению, но иные по звучанию. Кроме того, общества современной культурно-исторической эпохи представляют собой подвижную систему, включающую в себя множества субкультурных образований (профессиональных, территориальных, статусных и т.д.),

каждое из которых обладает собственной специфической лексикой, собственным сленгом. При этом следует отметить, что субкультуры не являются абсолютно замкнутыми, изолированными образованиями, и любой современный человек принадлежит одновременно сразу к нескольким субкультурам. Это приводит к тому, что субкультурные сленговые языки не являются «закрытыми», используемыми и понятными лишь узкому кругу людей, входящих в конкретную культуру, а проникают и взаимодействуют с так называемым литературным языком, либо обогащая, либо засоряя последний.

Характерной особенностью современной культурно-исторической эпохи явилось наличие в ней такой социально-демографической группы как молодежь, которой не было ни в одной из предшествующих эпох. Сказанное не означает, что хронологически более ранние исторические эпохи не было молодых людей. Однако молодежи, действительно, не было, поскольку молодежь представляет собой группу людей, уже не детей, но еще не взрослых, основным занятием которых является получение образования, подготовка к будущей профессиональной деятельности. Отличительной особенностью данной социальной страты является то, что ее представители еще свободны от обязанностей взрослых людей (у них, как правило, нет собственных семей, т.е. жены/мужа и детей, о которых необходимо заботиться) и при этом у них есть много свободного времени (которое, как предполагает общество, они должны тратить на собственное обучение, но не всегда это бывает так).

Двойственное социальное положение молодежи, – когда они детьми уже быть не хотят, а «во взрослые» их еще «не пускают», – приводит, с одной стороны, к образованию ими молодежных субкультур, как социальных пространств, на которых собираются равные

14 апреля 2016 года, город Луганск

по возрасту, статусу, социальному положению, роду занятий и т.д.; пространств, где молодые люди имеют возможность самореализоваться и отработать социальные роли, а, с другой стороны, к выработке ими своего собственного языка, на котором говорят они все. Этот особый, молодежный язык, молодежный сленг, нацелен в первую очередь на то, чтобы «свои» стали ближе, а «чужие» – дальше. При этом молодежный сленг, используемый как представителями молодежных субкультур, так и иными, несубкультурными молодыми по возрасту людьми, полностью отражает и вербализует бытие его носителей [3, с. 46 – 58].

Французская Республика – одна из самых высокоразвитых стран современного мира, постоянный член Совета Безопасности ООН, центр мировой и европейской культуры. Франция имеет богатейшую историю и высокоразвитую культуру, отразить все аспекты истории, политики, экономики и культуры Франции практически не возможно. Поэтому остановимся лишь на тех этапах, которые актуальны для данного исследования.

Франция – республика в Западной Европе, граница которой лежит на побережье Атлантики, Северного и Средиземного морей, которые являются одними из самых судоходных мест на планете. Кроме того Франция окружена одними из самых высокоразвитых государств в мире: Великобритания, Испания, Германия, Швейцария, Швеция, Люксембург, Италия. На протяжении многих веков Франция была и есть самым транзитным государством мира. Что и способствует формированию иноязычных слов, среди которых множество сленгизмов [1, с. 47].

В настоящее время политика Франции в отношении Африки начала увеличиваться не только за границей, но и дома. В то время как Французское правительство утверждает, что продолжает держать свои вооруженные

отряды в некоторых африканских странах только лишь для продвижения справедливой демократии в регионе, некоторые критики полагают, что эти отряды являются частью политики правительства, направленной на сохранение французских политических и финансовых интересов в Африке.

Критика африканской политики Франции была еще более усилена в январе 1997, когда французские отряды приняли ответные меры против мятежников в Центральноафриканской Республике, прежней французской колонии. Таким образом, Франция, несмотря на все свои обещания покинуть Африканский континент, пока не желает отпускать полностью африканцев и арабов. В свою очередь, последние активно переселяются во Францию, под видом беженцев или, требуя разрешение на проживание во Франции как компенсацию за то, что когда-то Франция эксплуатировала их земли и народ как захватчики-колонизаторы [1, с. 46-58].

Иммиграция и отношение к ней французам приобрела статус серьезной проблемы во Франции в 1990-ых годах. Высокий уровень безработицы и несколько неприятных инцидентов в бедных общинах усилило враждебность к иммигрантам, особенно чернокожим и арабам с севера Африки.

В марте 1997 Французское Национальное собрание одобрило законодательство, направленное на борьбу с незаконной иммиграцией. Этот законопроект пробудил многотысячные протесты французских граждан в Париже и других городах, включая Лион и Марсель. В основном эмигрантами являются молодые жители юга из слаборазвитых стран Африки и Азии. И именно эти люди являются подавляющим большинством «молодежи пригородов», где сосредоточены малолетние бандиты, которые занимаются мелкими разбоями и хулиганством.

Это и является сердцем образования «Французского аргю» [5, с. 46].

Молодежь ищет собственную нишу среди тусовок и разборок, проявляя скорее «прагматичный пофигизм» или «младенческий паразитизм» по отношению к той инфраструктуре отношений, которая создалась во Франции. Они в подавляющем большинстве своем принимают те условия игры, которые предлагают им сегодня взрослые. Приличествующие любому молодежному сленгу депрециативность – критическое, ироническое отношение ко всякому официозу, противопоставленность старшему поколению – также вряд ли прослеживается в молодежном сленге Франции. Виртуальность современной французской действительности, когда и дети, и родители достаточно смутно представляют себе, что надо делать в этой жизни, чтобы преуспеть, усиливает чисто игровую функцию сленга. Практическая не востребованность молодых сублимируется в сленге в виде карнавального словотворчества – изобретения новых слов, англизированной, заимствований из других языков и подсистем французского языка. Одним словом, сленг это игра, еще неисследованный до конца лингвистический феномен, который нельзя четко перечислить к определенным нелитературным и неофициальным группам слов, а рассматривается как явление, которому присущи явления каждой из этих групп. Это и позволяет определить термин молодежный сленг, как слова, употребляющиеся только людьми определенной возрастной категории, заменяющие обыденную лексику часто ироничной, а иногда и грубо-фамильярной окраской [6, с. 172].

На основании вышеизложенного, вероятно, именно невозможность определить единственно возможную стилистическую помету заставляет авторов современных словарей разговорной лексики (при их

желании быть максимально объективными) избежать использования стилистических помет как таковых. Традиционно, рассматривая функциональную нагрузку сниженной лексики, функции связывают со стилистическим маркером лексемы.

Молодежный сленг во Франции, в отличие от других развитых стран, таких как Германии, Англии, Испании, США и других в настоящее время находится на пике своей употребительности. Власти Франции иногда даже задумывались: «Стоит ли запрещать сленг?». Многие ученые и специалисты относятся к запретам отрицательно, как к педагогическому приему вообще. Кроме того, развитие языка и речи запретить невозможно. Язык – это живой организм, он не подвержен никаким регламентациям. И все, что можно сделать, для того, чтобы хотя бы минимизировать развитие и употребление сленга среди молодежи, это на уроках в школе, лекциях в вузах давать какие-то рекомендации. Особое внимание надо уделить молодежным передачам, поскольку именно СМИ формируют человека, когда он, смотрит ТВ и при этом думает, что все должны разговаривать так, как разговаривают его любимые герои: и на аргоне, и на сленге, и на жаргоне.

Список использованных источников

- 1. Хорошева Н.В.** Общее аргоне как промежуточная форма существования современного французского языка. // Н.В. Хорошева Социоллингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции. – М, 1996. – 428с.
 - 2. Анохина-Московченко В.О.** Шарль де Голль./ В. О. Анохина-Московченко – М.: 1991. – 357 с.
 - 3. Толстых А. В.** Подросток в неформальной группе // А. В. Толстых Новое в жизни, науке, технике. Педагогика и психология – М.: 4.
 - 4. Бобахо В. А.** Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность
- 14 апреля 2016 года, город Луганск*

поколений? // В. А. Бобахо, С. И. Левикова // Общественные науки и современность. – 1996. - № 3. – С. 56 – 60. **5. Подюков И. А.** Народная фразеология в зеркале народной культуры. Учебное пособие. – Пермь: ПГПИ, 1991. – 123 с. **6. Славенов В.П.** Очерки внешней политики Франции (1961-1986 гг.). – М.: Международные отношения, 1986. – 210с. Знание, 1991. – №2, стр. 46 – 58.

Гайдаш Г.В. Молодёжный сленг как своеобразный способ вербализации бытия современной Франции

В данной статье рассматривается вопрос об особенностях вербализации реалий общества способами сленгизированной лексики, используя французскую молодежь, исследуется прагматический аспект гиперболических номинаций. Здесь также исследуются причины появления сленга и его популярности среди молодого поколения Франции.

Ключевые слова: молодежный сленг, сниженная лексика, субкультура, вербализация, возрастная категория, аргот.

Gaydash G. V. Youth slang as a unique way of life of modern France verbalization

This article discusses the features of the realities of society verbalization ways slang vocabulary, using French youth, studied the pragmatic aspect of hyperbolic nominations. This article examines the causes of slang and its popularity among the young generation in France.

Keywords: youth slang, reduced vocabulary, subculture, verbalization, age category, argot.

Грицкова Н. В.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

К интернациональной лексике (интернационализмам) относят существующие во многих неродственных языках слова, имеющие общее происхождение, сходную звуко-буквенную форму и полностью или частично совпадающее значение.

Этот класс слов образовался в результате взаимовлияния языков, в процессе культурно-исторического и научно-технического развития человечества. Многие интернационализмы имеют латинские либо греческие корни, однако, в целом, это чрезвычайно разнородный по происхождению и составу слой лексики.

Развитие науки и техники, социально-политические и культурно-эстетические процессы, постоянно происходящие в обществе, приводят к появлению новых слов, а международный обмен информацией и неравномерность в темпах развития являются предпосылкой возникновения всё новых интернационализмов. Если первоначально интернационализмы возникали на основе латинского и греческого языков, то затем „дающим” становился язык страны, опережающей в определённой области: социальной, научно-технической, культурной.

Так, в XVIII в. из революционной Франции в другие языки пришли такие слова, как *Reaktion* – реакция, *Komitee* – комитет, *Monarchist* – монархист; из развитой в промышленно-финансовом отношении Англии XVIII-XIX

вв. Patent – патент, Scheck – чек, Budget – бюджет, Kolonisation – колонизация; из революционной России Duma, Bolschewik, Gulag; из японского языка пришли интернационализмы Judo – дзюдо, Aikido – айкидо, Ikebana – икебана, Bonsai – бонсай, Karate – карате, Karateka – каратист.

В последние десятилетия возникли и пришли в немецкий и русский языки такие интернационализмы, как Computer (англ.) – компьютер, File (англ.) – файл, Server (англ.) – сервер, Modem (англ.) – модем, User (англ.) – юзер, Internet (англ.) – интернет, Marketing (англ.) – маркетинг, Manager (англ.) – менеджер, Jogging (англ.) – джоггинг [1, с. 408], Bob (сокращ. в нем. яз. от англ. bobsleigh) – бобслей, Profi (англ.; сокращ. от professional – profy) – профи, Popstar (англ.) – поп-звезда, Popmusik (англ.) – поп-музыка, Rockoper (англ.) – рок-опера, Klip (англ.) – клип, Stress (англ.; сокращ. от distress) – стресс, Killer (англ.) – киллер.

В процессе борьбы с терроризмом стали интернационализмами Ajatollah (персид.) – аятолла, Mudschached (араб.) – моджахед.

Как и слова любого развитого языка, интернационализмы претерпевают с течением времени изменение значения. Так, словом Chip – чип в английском и немецком языках первоначально обозначался жетон для игры, сейчас это слово используется в немецком, английском и русском языках в электронике: оно обозначает полупроводниковый кристалл с интегральной схемой в микропроцессоре; во множественном числе Chips – чипсы обозначает определенным образом приготовленный картофель. Термин Logistik (англ. logistics) – логистика первоначально был связан с разделом математики, занимающимся обоснованием логики математическими методами – сейчас и с возможностями её в конструировании, информатике и др.

Интернационализм *Alternative* (франц. *alternative* от лат. *alter* – один из двух) – альтернатива первоначально обозначал необходимость выбора из двух взаимоисключающих возможностей. В настоящее время слово видоизменило, расширило значение и употребляется для обозначения единственного возможного варианта чего-либо, а также в значении множества (больше двух) вариантов. Прилагательное *alternativ* – альтернативный также расширило значение. В немецком языке оно связывается со средой обитания – *alternative Lebensweise* – естественный (здоровый) образ жизни: ср.: *Alternativpartei* – одно из названий партии „зеленых” в ФРГ. В русском языке широкое распространение получили словосочетания альтернативная медицина, альтернативная военная служба.

Большой массив интернационализмов образует терминология. Термины по происхождению и назначению в языке должны быть однозначными, они фиксируются в словарях по определённым отраслям знаний и техники. При этом следует знать, что отклонение от установившихся эквивалентов недопустимо. Например: *Relativitätstheorie* – теория относительности, *konventionelle Waffen* – обычные вооружения, *Software* – программное обеспечение (по компонентам термина возможен и другой перевод).

Во многих случаях в одинаковом значении может употребляться интернационализм и слово национального языка, например, *Akupunktur* – акупунктура или иглоукалывание, *Laser* – лазер или оптический квантовый генератор (ОКГ), *Absorption* – абсорбция и поглощение, *Genesis* – генезис и происхождение, процесс образования и т. д.

Интернационализмы – термины, как правило, не должны вызывать трудности при переводе, т. к. помощь переводчику оказывают словари по соответствующим отраслям знаний и справочники. Что касается другой

14 апреля 2016 года, город Луганск

группы интернационализмов – нетерминов, т. е. лексики общеупотребительной, то здесь в процессе перевода могут обнаруживаться значительные трудности.

Дело в том, что знакомый по родному языку звуко-буквенный образ слова создаёт у изучающих иностранный язык либо у начинающих переводчиков иллюзию правильного понимания значения слова-интернационализма. Однако при одинаковом или сходном графическом оформлении интернационализмы в разных языках часто расходятся по значению, либо могут иметь место случайные совпадения графо-фонетического образа интернационализма и слова национального языка. Такие слова вводят переводящих в заблуждение и являются источником переводческих ошибок, поэтому их называют „ложными друзьями переводчика”. „Ложные друзья переводчика” могут полностью расойдаться по значению в ИЯ и ПЯ, совпадать в одном значении и расойдаться в других, иметь различную частотность употребления, стилистическую окраску и морфологические категории, например рода и числа, при этом морфологические различия часто выполняют смысло-различительную функцию. Это объясняется тем, что часто путь слова из одного языка в другой проходит через ряд языков, которые оказывают влияние на развитие его значений, а также и тем обстоятельством, что попадая в комплексную фоно-графо-морфологическую систему языка, слово испытывает её влияние и в какой-то степени ассимилируется в системе данного конкретного языка.

Рассмотрим несколько примеров несовпадения семантики интернационализмов при полном графическом сходстве.

Intendant, m (лат.→франц.) 1. Leiter eines Theaters oder Rundfunksenders; 2. mit weitgehenden Vollmachten versehener Beamter des absolutistischen französischen Königtums. Ср.: „Ich muss eben mal eine alte Freundin aus

Köln begrüßen – die Mutter unseres *Staatstheaterintendanten*, Sie wissen doch, des großen Hendrik Höfgen.” – „Мне надо поздороваться с моей старинной приятельницей из Кёльна – матерью *директора государственных театров*, вы же знаете великого Хендрика Хефгена”.

интендант – военнослужащий офицерского состава, ведающий вопросами интендантской службы в воинских частях и учреждениях, снабжающих войска продовольствием, обмундированием и проч.

Слово *Parterre*, n (лат. → франц.) в немецком языке имеет значения: 1. Erdgeschoss (первый этаж дома), Hochparterre (бельэтаж); 2. Gartenbau: ebener Gartenteil im französischen Stil; geometrisch geformtes Blumenbeet; 3. theatr. Plätze hinter dem Parkett. В русском языке слово *партер* имеет значения: 1. в садоводстве – то же что и в немецком языке (*Parterre*); 2. спорт. – „партер” в спортивной борьбе – положение, когда борец стоит на коленях, упираясь руками в пол; 3. театр. – места в нижнем этаже зрительного зала, расположенные параллельно сцене.

Слово *Parkett*, n обозначает: 1. getäfelter Fußboden aus Holz; 2. Bankwesen: der für die Makler bestimmte Raum an der Börse; 3. theatr. die vorderen Saalplätze. Ср.: (1) *Ein sternförmiges Parkett* aus hellen und dunklen Hölzern bildete den Fußboden; (2) Die Sinfonie war zu Ende... *Das Parkett* brandete und toste.

В первом примере слово *Parkett* имеет то же значение, что и в русском языке „паркет, пол”, во втором – первые ряды партера.

В настоящее время слово *Parkett* расширило в немецком языке значение и входит в словосочетания *internationales Parkett*, *sich auf dem politischen Parkett bewegen* в переносном, метонимическом значении: сфера, пространство, область деятельности. Ср.: ...wozu brauchen

wir dann heute den Hut? Menschen *auf politischem Parkett* brauchen ihn, um protokolarischen Vorschriften genüge zu tun.

Значение слова *паркет* в русском языке: пол, выложенный дощечками в определённом порядке, и дощечки, которыми такой пол выкладывают.

Существуют следующие способы передачи интернационализмов.

Транслитерация: Animator – аниматор, Atom – атом, Moped – мопед, Stress – стресс.

Транскрипция является одним из важных способов передачи интернационализмов, особенно в тех случаях, когда языком-источником являются английский и французский языки: Rendezvous – рандеву, Manager – менеджер, Trainer – тренер, Musikal – мюзикл, Meeting – митинг, Design – дизайн [4].

В ряде случаев используется уточняющий, описательный перевод: Dramaturg – заведующий репертуарной частью театра; Parkett – первые ряды партера; Parterre – задние ряды партера; либо в другом значении – открытая часть сада, украшенная клумбами геометрической формы во французском стиле; либо – клумба геометрической формы во французском стиле; die Passion – страдания и смерть Христа. Иногда сочетаются два способа передачи, например, транслитерация и перевод: Popstar – поп-звезда, Rockoper – рок-опера.

Распространённым видом соответствий являются т.н. гибридные формы, состоящие из интернационального корня/основы и аффикса/аффиксов национального языка: sympatisieren – симпатизировать, Sympatie – симпатия, Passion – пассива, global – глобальный, familiär – фамильярный, Pomp – помпа; возможно отсечение суффикса: Protese – протез, Methode – метод, Etappe – этап, Virtuose – виртуоз, Anekdote – анекдот, Adresse – адрес, Romanze – романс, Fassade – фасад.

Источником ошибок при передаче интернационализмов часто бывает завышенная оценка переводчиком своих знаний. Рассмотрим пример переводческой ошибки.

Некоторые интернационализмы являются обозначениями мер веса, длины, объёма, имея при этом различные реальные значения. Это следует знать и учитывать не только в тех случаях, когда нужно передать соответствующие точные данные, но и при переводе художественной прозы; ср. пример из романа Гюнтера де Бройна „Preisverleihung”: ...ein Mann groß, schwer, haarig. Seinem Gewicht wird *zu zwei Zentnern* nicht fehlen. – ...мужчина толстый, волосатый. Он весит не менее *двух центнеров*. На самом деле герой романа не такой огромный; дело в том, что немецкий центнер равен пятидесяти килограммам, а не ста, как в России [3, с. 108]. В данном случае, используя интернационализм, переводчик допустил ошибку – следовало перевести два немецких центнера в килограммы. Напомним, что в Германии мерой веса человека, а также продуктов выступает и фунт (das Pfund), реальный вес которого 500 г (русский фунт равен 409,5 г). Переводчик в каждом случае должен решить, можно ли использовать интернационализм такого рода или следует передать реальный вес.

Здесь необходимо отметить, что лингвостилистическая категория „идиолект” имеет в области перевода два значения: индивидуальный стиль переводчика как художника (то есть набор средств и приёмов для создания текста) и индивидуальный стиль переводчика как собственно переводчика (то есть набор средств и приёмов для решения переводческих проблем) [2, с. 378]. Если вспомнить при этом, что единственная цель перевода – это сохранение индивидуального стиля автора оригинала, то становится понятным, насколько сложными выступают здесь индивидуально-

14 апреля 2016 года, город Луганск

стилистические трудности перевода. Среди указанной содержательной триады идиолекта в переводоведении (индивидуальный стиль автора – индивидуальный стиль переводчика как художника – индивидуальный стиль переводчика как переводчика) наиболее переводчески весомыми будут два последних компонента, ибо первый порождает общие проблемы и выступает объективным фактором, который не зависит от переводчика и поэтому должен оставаться и в переводе.

Другое дело – две ипостаси в одном лице переводчика: эти факторы имеют субъективно-объективный характер: субъективны они потому, что, по логической сути перевода как переоформление иноязычного оригинала, их не должно быть в переводе; объективны, потому что не могут не влиять на переоформление и не оставлять своего бросающегося в глаза отиска на переводе. Следовательно, категория „индивидуальный стиль переводчика” – это не только неизбежная, но и необходимая составная часть перевода. Конечно, она чувствуется в любом функционально-стилевом переводе, но отчетливо выявить её можно только на значительном текстовом материале. На нём активнее будет действовать переводческая ипостась переводчика, а не писателя.

Список использованных источников

1. Карабан В.І. Переклад англійської наукової і технічної літератури. Граматичні труднощі, лексичні, термінологічні та жанрово-стилістичні проблеми. – Вінниця, Нова Книга, 2004. – 576 с. **2. Кияк Т.Р.,** Огуй О.Д., Науменко А.М. Теорія та практика перекладу (німецька мова). Підручник для студентів вищих навчальних закладів. – Вінниця: Нова Книга, 2006. – 592 с. **3. Саприкін С.С.,** Чужакін А.П. Світ усного перекладу: навчальний посібник / Сергій Саприкін, Андрій Чужакін. – Вінниця: Нова Книга, 2011. – 224 с. **4.**

Jean-Paul Vinay, Jean Darbelnet. Stylistique comparée du français et de l'anglais: méthode de traduction. – Beauchemin, 1966. – 331 p.

Грицкова Н.В. Проблемы перевода интернационализмов с немецкого языка на русский язык

В данной статье рассматриваются основные приёмы перевода интернационализмов. Автор приводит примеры из разных иностранных языков. Аргументируется роль идиолекта переводчика в процессе его профессиональной деятельности.

Ключевые слова: интернационализм, идиолект, транслитерация, транскрипция, описательный перевод.

Gritskova N.V. Translation problems of internationalisms from German into Russian

Translation ways of internationalisms are examined in this article. The author gives examples from the different foreign languages. The role of translator's idiolect in the process of his occupational activity is argued.

Key words: internationalism, idiolect, transliteration, transcription, descriptive translation.

УДК 372.811.111.1:004

Дворцевая А.В., Мирошниченко Ю.С.

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими задачами. Современный период развития цивилизованного общества характеризуется процессом информатизации. Это глобальный социальный процесс, при котором сбор, накопление, обработка, хранение, передача и использование информации осуществляется на основе современных средств коммуникации. Внедрение средств современных информационных технологий в систему образования дает возможность совершенствовать механизмы управления системой образования на основе использования коммуникационных сетей, совершенствовать методы, формы и содержание в соответствии с задачами развития личности обучаемого в современных условиях информатизации общества. Это помогает формировать умения самостоятельно приобретать знания и вести исследовательскую деятельность, использовать компьютерные системы для диагностики, тестирования и контроля знаний.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых положено начало решению проблемы и на которые опирается автор. Проблему применения компьютерных технологий при обучении иностранным языкам изучали Абасов З.А., Писаренко В.И., Сорокина Н.Д., Спасская Е.Б. и др.. Роль инновационных методов обучения в учебной деятельности студентов

рассматривали Волочков А.А., Кулюткин Ю.Н., Зорина Т.Е., Масленникова А.В., Ксензова Г.Ю.

Формулировка целей статьи (постановка задач).

Цель данной статьи — проанализировать основные мотивы применения компьютерных технологий в учебном процессе высшей школы.

Изложение основного материала исследования с определенным обоснованием полученных научных результатов. В настоящее время обучение иностранному языку в высшей школе претерпевает большие изменения. Более интенсивно стали внедряться в учебный процесс новые информационные технологии, такие как Интернет, аудио- и видеокомплексы, мультимедийные обучающие компьютерные программы.

Мультимедийные технологии являются совокупностью различных способов обучения: текстов, графических изображений, музыки, видео и мультимедийности в интерактивном режиме. Новая учебная среда создает дополнительные возможности для развития креативности студентов, стимулирует их любознательность, прививает интерес к научной деятельности.

Современные мультимедийные программы представляют собой эффективное средство оптимизации условий умственного труда. Формы работы с компьютерными обучающими программами на занятиях иностранных языков включают изучение лексики, отработку произношения, обучение монологической и диалогической речи, обучение письму, обучение грамматике. На занятиях по английскому языку можно решить целый ряд дидактических задач, используя материалы Интернет, пополнять словарный запас студентов и формировать навыки и умения чтения; совершенствовать умения письменной речи; создавать устойчивую мотивацию для изучения иностранного языка.

Для студентов мультимедийные технологии являются способом, при помощи которого они расширяют свои представления об окружающем мире. Использование мультимедийных технологий обеспечивает более полную и точную информацию об изучаемых явлениях и объектах. Это повышает качество обучения, позволяет удовлетворять и развивать познавательные интересы студентов, повышает наглядность обучения, позволяя использовать тяжело доступный материал или тот, который нельзя использовать без компьютера. Работа студентов становится более интенсивной, что позволяет повысить темп изучения учебного материала и увеличить объем самостоятельной работы на занятиях и после них [2].

Мультимедийные технологии привлекательны и эффективны, прежде всего для занятий по иностранному языку, так как с их помощью можно легко объяснить не только языковые, но и культурные феномены. Кроме того, они располагают неограниченным количеством аутентичной информации, которую невозможно получить из традиционных средств массовой информации, и которую можно успешно использовать на занятиях. Важно отметить, что вся информация может быть сохранена в цифровой форме.

Современные мультимедийные технологии повышают интерес и мотивацию к изучению иностранных языков, что связано с тем, что они предлагают разнообразные, отличные от традиционных, учебные материалы, а также новые формы, методы и приемы работы на занятиях по иностранному языку. Кроме того, они эффективно поддерживают процесс обучения иностранному языку, поскольку представляют собой соединение всех аутентичных средств обучения.

Современные компьютерные технологии дают возможность погружения в иную культуру и лучшего ее

понимания, позволяя обучающимся общаться с представителями иных культур [2].

Таким образом, можно утверждать, что современные мультимедийные технологии создают новые неограниченные технологические, информационные и методологические возможности для процесса обучения иностранным языкам, поскольку они представляют собой полный набор современных, принятых во всем мире инструментальных средств и всеобъемлющее информационное поле, которое включает в себя весь объем информации, накопившейся в мире.

Что касается методологических возможностей современных компьютерных технологий, то нужно отметить, что компьютер предлагает широкий спектр их применения на занятиях по иностранному языку. Использование мультимедиа меняет коренным образом подходы к разработке учебных материалов. Интерактивное обучение иностранным языкам на основе мультимедийных программ позволяет полнее реализовать целый комплекс методических, дидактических и психологических принципов, делает процесс обучения иностранным языкам более интересным и творческим. С помощью подобных программ возможны учет уровней языковой подготовки обучающихся и разработка заданий различной степени сложности в рамках одной программы, что позволяет реализовать принцип индивидуализированного и дифференцированного подхода в обучении. При этом обеспечивается соблюдение принципа посильной трудности и доступности заданий, учитывается индивидуальный темп работы каждого обучающегося [1].

Говоря о преимуществах применения мультимедийных технологий, необходимо определить критерии эффективности использования технических средств обучения на занятиях по иностранному языку. Во-первых, они должны повышать производительность труда.

Во-вторых, осуществлять обратную связь и контроль всех действий студентов. В-третьих, повышать интерес к изучению языка.

Следует отметить, что использование мультимедийных технологий не может обеспечить существенного педагогического эффекта без учителя, поскольку эти технологии — только способы обучения, эффективность которых зависит от умения преподавателя использовать их для достижения определенных педагогических целей.

Воспитание творческой личности — задача всей системы образования, поскольку в процессе познавательной творческой деятельности студент осознает свою значимость, реализует себя как личность. Для формирования креативности, как личностного качества, необходимо создать специально организованную среду, которая обеспечит многостороннее системное влияние. Необходимо дать возможность студентам работать по индивидуальному плану. Для этого логично вводить элементы дистанционного обучения, базирующиеся на использовании мультимедийных технологий.

Таким образом, можно утверждать, что современные мультимедийные технологии создают новые неограниченные технологические, информационные и методологические возможности для процесса обучения иностранным языкам, поскольку они представляют собой полный набор современных, принятых во всем мире инструментальных средств и всеобъемлющее информационное поле, которое включает в себя весь объем информации, накопившейся в мире.

Что касается методологических возможностей современных компьютерных технологий, то нужно отметить, что компьютер предлагает широкий спектр их применения на занятиях по иностранному языку. Использование мультимедиа меняет коренным образом

подходы к разработке учебных материалов. Интерактивное обучение иностранным языкам на основе мультимедийных программ позволяет полнее реализовать целый комплекс методических, дидактических и психологических принципов, делает процесс обучения иностранным языкам более интересным и творческим. С помощью подобных программ возможны учет уровней языковой подготовки обучающихся и разработка заданий различной степени сложности в рамках одной программы, что позволяет реализовать принцип индивидуализированного и дифференцированного подхода в обучении.

Выводы этого исследования и перспективы дальнейших изучений в этом направлении.

Сегодня одной из важнейших задач, стоящих перед современным образованием, считается подготовка конкурентоспособного специалиста, способного применять новые информационные и компьютерные технологии. Компьютерная культура специалиста любой сферы стала профессионально важным качеством специалиста, работающего в условиях современных телекоммуникационных технологий. Основным признаком компьютерной культуры является умение применять мультимедийные технологии в сфере своей деятельности, четкое понимание путей и механизмов их эффективного включения в решение возникающих задач.

Таким образом, мультимедийные и компьютерные технологии являются именно таким коммуникативным средством, которое дает возможность универсального применения на занятиях иностранного языка и предлагает более широкие возможности комплексного использования в отличие от традиционных технических средств.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что мультимедийные обучающие программы имеют огромные преимущества перед традиционными методами обучения. Они позволяют тренировать различные виды

речевой деятельности и сочетать их в различных комбинациях; помогают создать коммуникативные ситуации, автоматизировать языковые и речевые действия; способствуют реализации индивидуального подхода и интенсификации самостоятельной работы студента.

Под навыками работы с мультимедийными программами и интернетом очень часто подразумевается умение обращаться с компьютером, то есть сугубо технические аспекты. Однако, значительно важнее компетентность преподавателя в вопросах дидактики, осведомленность в вопросах развития мультимедийной продукции, умение оценить целесообразность использования того или иного продукта, исходя из потребностей и возможностей конкретных студентов.

Подкованность в области дидактики гораздо более необходима для преподавателя, чем глубокие познания в технических вопросах. Поэтому ему не следует бояться каких-либо технических проблем при работе с компьютером, так как от преподавателя ожидается, в первую очередь, профессионализм при составлении учебного плана и методическое мастерство на занятиях.

Список использованных источников

1.Сорокина Н. Инновационные методы обучения: проблемы внедрения /Н. Сорокина // Высшее образование в России. - 2001. - №1. - С. 116-119. **2.Сорокина Н.Д.** Инновационное обучение: сущность и содержание / Наталья Дмитриевна Сорокина //Вестник московского университета. - Сер. 18. Социология и политология. - 2002. -"4. - С.159-166. **3.Kerres M.** Multimediale und telemediale Lernumgebungen: Konzeption und Entwicklungen.-Munchen:Fink, 1998.-236S.

Дворцевая А.В., Мирошниченко Ю.С. Изучение английского языка с использованием мультимедийных технологий.

В статье освещается проблема изучения английского языка с использованием мультимедийных технологий. Раскрываются основные мотивы применения компьютерных технологий в учебном процессе университета. Определяются критерии эффективности использования технических средств обучения на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, информационные технологии, информатизация общества, эффективность, методологические возможности.

Dvortsevaya A., Miroshnichenko Y.

The article is devoted to studying the English language on the basis of multimedia technologies. The main reasons of multimedia technologies in University educational process are revealed. The criteria of effectiveness of technical devices in the foreign language studying are defined.

Key words: multimedia technologies, effectiveness, information technologies, methodological possibilities.

Донцова Е.Г.

ИМПЕРАТИВНЫЕ КОМПОЗИТЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Научный разбор композитов в различных языках имеет довольно продолжительную историю. К изучению этих единиц обращались Л.Е. Азарова, М.Т. Доленко, Н.Ф. Клименко, А.М. Нелюба, Л.Ф. Омельченко, Н.С. Родзевич, Е.А. Селиванова, В.И. Теркулов.

Сейчас существуют три взаимосвязанных основных направления исследования сложных слов: лексикологическое, когда сложное слово рассматривают с точки зрения его лексико-семантических характеристик - места в лексико-семантической системе языка, особенностей формирования номинативного значения (Е.С. Кубрякова [2], О.Д. Мешков [3], А.Г. Садыкова [5]); коммуникативно-функциональное, где изучаются особенности функционирования композитов в текстах разных типов (Л.Ф. Омельченко [4],); когнитивно-ономасиологическое для которого основная единица языка является языковой структурой репрезентации знаний, а словообразовательную модель рассматривают как формулу регулярного свертывания в слова определенных знаний о предметах, процессах и признаках.

По словам Е.С. Кубряковой «в каждом языке никогда не прекращается процесс пополнения его новыми словами. Часть из них создается путем словообразования. Словообразование поэтому более непосредственно, чем многие другие лингвистические системы отражают все изменения, происходящие в окружающей нас действительности» [2,с.232].

В английском языке словосложение, как способ образования слов путем, сложения основ является одним из ведущих. В результате словосложения образуется композит - сложное слово на базе словосочетания. Согласно определению А.Г. Садыковой, «композит – структурно-сложная полифункциональная единица прямой или косвенной номинации, разновидность деривата, образованная по стандартной модели или путем номинации синтаксического словосочетания» [5, с. 89 – 91].

Развитие языка совершается постоянно и осуществляется на всех уровнях: подвергается изменениям морфологический состав слова, меняется звуковая система, структура предложения. Наиболее часто в лексической системе языка происходят такие явления как: изменение значения слов, переход их в другую лексико-грамматическую категорию, сдвиги значения и самое важное - создание новых слов с помощью имеющихся в языке словарных средств.

Термин «словообразование» имеет два основных значения. В первом значении он употребляется для выражения постоянного процесса образования новых слов. Во втором значении термин «словообразование» обозначает раздел науки, который занимается изучением процесса образования новых слов. Безусловно, создание новых слов – это основная функция словообразования.

В современном английском языке существует много способов образования

новых слов. Важнейшим из них является морфологический способ. При этом новые слова создаются путем сочетания морфем. Морфологический способ словообразования подразделяется на следующие подтипы:

1. Аффиксальное словопроизводство (аффиксация или деривация). Новые слова создаются путем присоединения к основе аффиксов.

Например: *marine* -> *submarine*

2. Чередование. Непродуктивный способ словообразования, при котором фонетический состав корня изменяется.

Например: *sing* - >*song*, *food* - >*feed*

3. Сокращение. Процесс в результате которого исходное слово теряет несколько звуков.

Например: *telephone* -> *phone*

4. Удвоение (*reduplication*) т.е. повторение основы

Например: *bling-bling*, *hush-hush*, *murmur*, *pooh-pooh*

Также существуют множество других способов словообразования, к числу которых можно отнести конверсию, субстантивизацию, обратное словообразование, перенос ударения в слове и т.д.

В теории словообразования существует понятие “продуктивность”, которое имеет синонимический термин – “словообразовательная активность”.

“Продуктивность”- способность того или иного образования, например словообразовательного элемента, образовывать новые слова. Модель, аффикс, основа могут быть активны в создании новых слов и, наоборот, могут быть пассивны, т.е. с их помощью образуется незначительное количество слов или вообще не образуется. Словообразовательные модели в свою очередь тоже могут быть продуктивными и непродуктивными. Продуктивные модели — это модели, по которым регулярно образуются новые слова. Например, модель *V + -er* представляет собой модель продуктивную, что легко подтверждается наличием новых слов, по ним образованных (*cashier, carpenter*), непродуктивные модели описывают существующие в языке слова, но они не создают новые слова.

Понятие «словосложение» обычно имеет два значения:

1. Словосложение – процесс образования слов путем сложения одной и более основ.

2. Аспект словообразования, занимающийся изучением процессов образования и развития сложных слов.

Словопроизводство и словосложение дают основное количество новообразований. С их помощью создаются 88% новых слов. Словосложение, как способ образования слов путем сложения основ в современном английском языке является одним из самых продуктивных способов. Словосложение отличается от словопроизводства непосредственно характером обозначения явлений, в отличие от словопроизводства при словосложении в качестве стройматериала выступают – основы слов.

Результатом процесса словосложения является сложное слово или как его по-другому называют «комползит».

«Сложные слова отдельных типов моделируются как семантические структуры, служащие расчлененному описанию обозначаемого предмета, процесса или явления, поскольку они указывают на класс предметов и его признаки по отдельности» [4, с. 44 – 49].

Иногда довольно трудно определить характер образования сложных слов.

Например, слово *first-nighter*, которое переводится как «посетитель театральных премьер» и выражение *to weekend*, которое переводится как «проводить выходные дни». Не смотря на то, что по своей морфологической структуре эти новообразования относятся к сложным словам – они созданы не путем сложения основ. Существительное «*first-nighter*» является производным со сложной основой, а глагол «*to weekend*» образован путем конверсии от сложного существительного «*weekend*».

Необходимо отметить, что модели словосложения отличаются друг от друга по многим характеристикам: существуют модели, по которым образуются тысячи слов, входящих в словарный состав языка, часть из которых, отражая важные социальные понятия, занимает в нем прочное место. Как отмечает О.Д.Мешков, «значение каждой отдельной модели словосложения определяется и тем фактом, что в рамках некоторых моделей могут действовать различные семантические типы с разнообразными отношениями между компонентами, другие же модели могут порождать лишь однотипные слова, наконец, могут быть модели, по которым создано всего несколько, а то и вовсе одно слово».

Результатом процесса словосложения является композит. И.В. Арнольд дает следующее определение сложного слова: «Сложным словом (а compound word) называется объединение двух или реже трех основ, функционирующее как одно целое и выделяющееся в составе предложения как особая лексическая единица благодаря своей цельнооформленности» [1,с.150]. Цельнооформленность означает нераздельность, неделимость, невозможность разделения на части и помещения между ними других элементов языка. Цельнооформленность композита может зависеть от семантических, графических, морфологических и фонетических факторов.

Ученые выделяют по крайней мере два подхода к трактованию композитов: формальный и семантический (ономасиологический).

В процессе исследования композитов используются традиционные (семантико-грамматические) и структурные приемы анализа: 1. Прием идентификации значения через контекстуальный анализ. 2. Валентный анализ, ограниченный «внутренней» дистрибуцией. 3. Синтактико-семантический анализ словообразовательных

отношений компонентов в составе композита. 4. Анализ, в основе которого лежит принцип дихотомического членения на смысловые отрезки.

Существует огромное количество классификаций композитов по различным принципам. Возможна классификация по типу структуры и соединительному элементу, по количеству и типу основ, по частеречной принадлежности композита и дальнейшая классификация внутри каждой части речи, по структурной модели, возможны семантические, структурные и синтаксические классификации.

Рассмотрим синтаксический способ словообразования композитов в современном английском языке, т.е. субстантивацию словосочетаний «с отчетливо просвечивающимися прежними внутренними синтаксическими связями».

«Императивными» композитами называются сложные слова, образованные от глаголов в повелительном наклонении. Эти слова появились в результате лексикализации оборотов, формирующихся вокруг глаголов. Данный способ словообразования отчетливо проявляется в таких, например, словах, как *forget-me-not* - «незабудка», *stay-at-home* - «домосед(ка)», *pick-me-up* - «тонизирующее, возбуждающее средство».

Исходя из структурно-генетической классификации «императивных» композитов, можно выделить следующие наиболее продуктивные типы данных лексем:

1. ОснГл+ОснСущ: *turncoat* – през. «ренегат; отступник»; *pickpocket* – «вор-карманник»; *killjoy* – разг. «человек, отравляющий другим удовольствие, брюзга».

2. ОснГл+ОснГл: *look-see* – разг. «беглый просмотр, быстрый взгляд»; *hearsay* – «1. слух, молва; 2. а основанный на слухах»; – а «временный, заменяющий».

3. Осн.Гл.+and+ОснГл: pitch-and-toss – «расшибалочка (игра)»; hide-and-seek – «прятки (игра)»; come-and-go *a*: come-and-people – «случайные люди»; cut-and-fill – *горн.* «разработка с закладкой»; cut-and-try *a*: cut-and-try method – *геол.* «метод расследование повторными попытками; грубоэкспериментальный метод».

4. ОснГл+ОснНар: go-ahead – *разг.* «1. (обыкн. the) сигнал к старту; разрешение или приказание двигаться вперед; 2. прогресс; движение вперед; 3. энергичный, предприимчивый человек; *a* энергичный, предприимчивый»; go-by; to give the go-by – «пройти мимо, не поздоровавшись; не обратить внимания»; go-between – «1. посредник; 2. сводник; сводница, сводня; 3. сват, сваха; 4. связующее звено»; come-between «посредник; посредница» come-back – «1. *разг.* 1) возвращение, возврат (*к власти и т. п.*); 2) выздоровление; 2. *амер.* отплата, возмездие, воздаяние; 3. *амер. разг.* возражение; остроумная реплика»; say-so – «1. (обыкн. the) *разг.* непререкаемый авторитет; «высшая инстанция»; 2. *амер. разг.* 1) ни на чем не основанное утверждение; 2) слухи».

А.И. Смирницкий и О.С. Ахманова относят образования указанного типа к синтаксическим составным словам, представляющим собой «как бы застывший отрезок речи».

Многие отглагольные сложения, генетически восходящие к синтаксическим построениям и представляющие собой лексикализованные словосочетания, существуют как устойчивые, регулярно воспроизводимые единицы словарного состава. Они обладают разветвленной системой значений, что свидетельствует об устойчивости данных лексем, об их деривативной способности и словообразовательной ценности; do-all – «1) мастер на все руки; 2) фактотум,

доверенное лицо»; scarecrow – «1.1) пугало, чучело (*в саду, огороде*); 2) редк. садовый сторож с трещоткой; 2. 1) пугало, страшилище; 2) плохо одетый человек, оборванец; 3. что-л., вызывающее необоснованные страхи, панику»; cut-and-come-again – *разг.* «1) гостеприимство; 2) изобилие»; cut-throat – «убийца, головорез; *a* ожесточенный» touch-me-not – «1. недотрога; 2. запрещенная тема; 3. *бот.* недотрога; *a*: touch-me-not air – неприступный вид»; make-believe – «1. притворство; 2. выдумка, фантазия; 3. притворщик, выдумщик; *a* притворный, ложный; выдуманный; 1) делать вид, притворяться; 2) выдумывать».

Иногда трудности при переводе композитов связаны с тем, что новые слова чаще всего еще не зарегистрированы в словарях и переводчику необходимо самому установить значение новой единицы. Для этого переводчик должен проанализировать структуру композита и внимательно изучить контекст, в котором встретилось слово.

Особую трудность составляет перевод композитов с одного языка на другой в связи с тем, что в процессе перевода, наряду с сопоставлением различных языковых систем, происходит сопоставление разных культур. Огромное значение при переводе английских композитов на русский язык играет эквивалентность, что другими словами, обозначает совпадение понятий в английском и русском языках. При использовании таких соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. Композиты составляют значительную часть словарного состава английского языка, а словосложение, как способ образования композитов является одним из самых распространенных и наиболее важным. Все композиты разделяются на особые структурные типы и словообразовательные модели.

При переводе композитов с английского языка большую роль играет эквивалентность. Следует отметить, что перевод английских композитов на русский язык не представляет особой трудности, так как большинство сложных слов обладают прозрачностью.

Перевод сложных слов английского языка с помощью словосочетаний является самым распространенным способом, структурная модель таких композитов может быть абсолютно разной, на русский же язык они переводятся в большинстве случаев именным и глагольными словосочетаниями.

Список использованных источников

- 1. Арнольд И. В.** Лексикология современного английского языка : учебник [для студ. высш. уч. завед.] / И. В. Арнольд. – М. : Высшая школа, 1986. – 296 с.
- 2. Кубрякова Е. С.** Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения : роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 3. Мешков О. Д.** Семантические аспекты словосложения английского языка / О. Д. Мешков. – М. : Наука, 1986. – 270 с. – (АН СССР, Каф. иностр. языков).
- 4. Омельченко Л. Ф.** Лексична семантика і структура англійських складних і складнопохідних лексем із суфіксом -er / Л. Ф. Омельченко, Л. Ф. Соловійова // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2006. – № 27. – С. 44-49.
- 5. Садыкова А. Г.** Синтаксис сложных слов с позиций генеративной грамматики / А. Г. Садыкова // III Международные Бодуэновские чтения : И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2-ух тт. – Казань : Изд-во КГУ, 2006. – Т.2. – С. 89-91.

Донцова Е.Г. Императивные композиты в английском языке и способы их перевода

Исследованы синтаксические способы словообразования в английском языке. Проанализированы императивные композиты, образованные от глаголов в повелительном наклонении. Выделены наиболее продуктивные типы данных лексем и способы их перевода.

Ключевые слова: словообразование, композит, перевод, эквивалентность.

Dontsova E.G. English imperative composites and the ways of their translation

The problems of syntactical word formation in English are examined in the article. The author analyses imperative composites originated from the verbs in imperative mood. The most productive types of these lexemes and the way of their translation are selected.

Keywords: word formation, composite, translation, equivalence.

Иващенко Е.В., Калиновская Е.А.

ДОСТИЖЕНИЕ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕДАЧИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Перевод – это воспроизведение оригинала средствами другого языка с сохранением единства содержания и формы. Это единство достигается целостным воспроизведением идейного содержания оригинала в характерной для него стилистической своеобразности на другой языковой основе. Путь к достижению такого единства не состоит лишь в установлении формальных соответствий. Сопоставление средств разных языков, даже наиболее отдаленных, возможно лишь путем сопоставления функций, которые выполняют разные языковые средства. Отсюда точность перевода состоит в функциональном, а не в формальном соответствии оригиналу. В каждом языке существуют свои грамматические, лексические и стилистические нормы, действительные только для данного языка. При переходе к выражению мысли на другом языке необходимо изыскать такие средства и, в первую очередь, такие грамматические формы, которые бы так же отвечали содержанию, так же сливались бы с ним, как сливается со своим содержанием форма оригинала.

Как известно, английский и русский языки принадлежат не только к разным ветвям индоевропейской семьи языков (первый - к германской, другой - к славянской), а и к разным структурным типам языков. Английский – преимущественно аналитический язык, где грамматические отношения в предложении передаются свободными грамматическими морфемами, а русский - флективный язык, где грамматические значения и

отношения передаются с помощью связанных грамматических морфем – флексий [1, с.211].

Грамматические трудности перевода связаны с разным объемом содержания подобных в двух языках форм и конструкций. Так, в английских профессиональных текстах значительно чаще, чем в русских, употребляются формы пассивного залога и неличные формы глагола, причастные обороты и специфические синтаксические конструкции, личные местоимения первого лица единственные числа и одночленные инфинитивные и именные предложения и т.п. И все же более всего между английскими и русскими научно-техническими текстами грамматических расхождений инвентарного характера, обусловленных особенностями построения этих языков. Известно, что в русском языке отсутствуют неопределенный и определенный артикли, которые употребляются в английском языке не только как определения, а и сигнализируют об особенностях распределения информации в английском предложении. Естественно, самый большой комплекс грамматических проблем перевода связан с пониманием синтаксической структуры и морфологического слога предложений как языковых элементов, которые являются непосредственными носителями предметной информации.

Грамматика – один из основных компонентов владения языком. Сопоставительное изучение родного и иностранного языков на синхронном уровне имеет большое значение для перевода. Сравнительный метод предусматривает установление функциональных и семантических эквивалентов через выяснение общих и отличительных грамматических категорий в двух языках.

Поскольку постоянных грамматических соответствий не существует, переводчик делает выбор между параллельными формами и разными грамматическими трансформациями. Последним он отдает

14 апреля 2016 года, город Луганск,

предпочтение, поскольку нет абсолютной тождественности значения и параллельной грамматической формы в исходном и целевом языках. Например, идея предварительности действия, заложенная в грамматическое значение английского перфектного инфинитива, отсутствует в значении русского инфинитива и передается при переводе другими средствами. Пример расхождения между параллельными синтаксическими средствами – это роль порядка слов в английском и русском языках. Английскими грамматическими формами, которые не имеют прямых соответствий в русском, могут быть части речи, грамматические категории или синтаксические конструкции. Для того, чтобы избежать неадекватного буквального перевода, то есть „грамматического буквализма”, нужны разные переводческие трансформации или замены [2, с.18].

Интерес к проблеме переводческих трансформаций со стороны лингвистов и их всестороннее изучение в курсе теории и практики перевода является уже традиционными. Такие широко известные лингвисты, как О. Д. Швейцер, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров и многие другие посвятили исследованию переводческих трансформаций свои многочисленные статьи и монографии. Тем не менее, проблема межязыковых преобразований вообще и грамматических в частности продолжает оставаться актуальной.

Методику трансформационного анализа разработали и ввели в научную практику в начале 50-х лет XX ст. З. Гаррис и Н. Хомский. “Трансформационный анализ – методика определения сходства и отличия между синтаксическими конструкциями путем установления правил преобразования их ядерных структур и набора таких трансформаций при условии сохранения лексического состава конструкций и синтаксических связей их составных частей” [3, с.626].

Суть этой методики заключается в том, что в основе классификации языковых структур лежит их эквивалентность другим по строению структурам, то есть возможность одной структуры превращаться в другую (например, активную конструкцию можно трансформировать в пассивную).

Умение и навыки употребления переводческих трансформаций представляют существенный компонент компетенции переводчика, и потому их определению и правильному применению нужно уделять большое внимание. Целью статьи является рассмотрение трансформационного аспекта перевода как главного средства достижения адекватности при передаче английских грамматических структур на русский язык. Употребление трансформаций при переводе необходимо направлять на адекватную передачу смысла оригинала и учитывать нормы языка перевода.

Когда контактируют два языка, особенно родной и иностранный, в переводе может наблюдаться интерференция языка оригинала – часто несознательное влияние исходного языка на употребление переводчиком элементов и конструкций языка перевода по аналогии с языком оригинала, который приводит к нарушению норм языка перевода и разного рода ошибкам в тексте перевода. Главными причинами такой интерференции являются недостаточное знание переводчиком языка перевода и его недостаточное внимание к языку перевода и тексту оригинала. Интерференция языка оригинала также может иметь место в том случае, когда переводчик знает язык перевода, но он просто устал и потерял способность соблюдать нормы языка перевода. Вот почему привычки перевода с соблюдением норм языка перевода должны быть доведены до автоматизма, чтобы избежать интерференции языка оригинала.

При переводе с родного языка на иностранный неопытные переводчики нередко допускают буквализм из-за интерференции родного языка и неупотребления тех элементов языка перевода, которые отсутствуют в языке оригинала. Анализ таких переводов на иностранный язык свидетельствует о том, что иногда преимущество отдается тем лексическим и грамматическим элементам, которые имеются также в языке оригинала, и недостаточно употребляемы те элементы, которые отсутствуют в родном языке и имеющиеся лишь в иностранном языке как языке перевода. Это можно назвать суживающей интерференцией, поскольку она не приводит к грубым ошибкам в переводе, в отличие от негативной интерференции, результатом которой являются грубые ошибки в тексте перевода.

Одним из эффективных путей устранения буквализма и интерференции при переводе является применение лексических и грамматических трансформаций, которые именно их и устраняют.

Поскольку грамматическое строение русского и английского языков довольно разное, то грамматические трансформации играют значимую роль в переводе. Наблюдения позволяют утверждать, что в сравнении с теми случаями, когда переводчику не нужно применять грамматические трансформации, на применение переводческих грамматических трансформаций при переводе приходится в среднем приблизительно 75 – 80% всего перевода предложений. Итак, на грамматически дословный перевод приходится в среднем всего приблизительно 20 – 25%, если не учитывать изъятие английских артиклей. Из этого видно, какое важное место занимают грамматические трансформации при переводе на английский язык.

Грамматические трансформации вызваны разными факторами. В частности, причинами таких трансформаций являются:

1) Различие в способах передачи информации английским и русским предложением: то, что в одном языке передается лексическими средствами, в другом языке может выражаться грамматическими средствами. Так, например, предшествование одного прошедшего действия другому в английском языке выражается формой Past Perfect глагола-сказуемого, а в русском языке - словами или словосочетаниями ("*раньше*", "*перед этим*", "*к тому*" и т.п.).

2) Отсутствие в одном из языков определенных грамматических явлений, форм или конструкций. Например, в русском языке артикли, герундиальная форма глагола, формальное дополнение ("*it*"), а в английском языке - родительные формы существительных и прилагательных, формы падежей числительных.

3) Необязательное выражение грамматической информации в одном из языков (например, в русском языке грамматически не выраженная информация о том, что действие в настоящем времени происходит в момент говорения (английская глагольная форма Present Continuous)).

4) Различие в представлении содержания предложения поверхностной структурой (например, в английском языке сложная информация в дополнении может выражаться в виде сложного дополнению Objective Infinitive).

5) Особенности сочетаемости и функционирования слов в словосочетаниях и предложениях (например, из-за особенности сочетаемости прилагательного *administrative* словосочетание *administrative efficiency* не может переводиться как "административная эффективность", а

должно переводиться как "эффективное управление") [1, с.18].

Грамматические трансформации заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводного языка. Трансформация может быть полной или частичной в зависимости от того, изменяется ли структура предложения полностью или частично. Обычно, когда заменяются главные члены предложения, происходит полная трансформация, если же заменяются лишь второстепенные – частичная. Кроме замен членов предложения могут заменяться и части речи. Чаще всего это происходит одновременно.

Анализируя переводы английских текстов на русский язык, не сложно заметить, что грамматические трансформации, которые применяются в процессе перевода можно разделить на четыре вида: перестановки, замены, добавления и опущения.

Трансформации перестановки, то есть перестройка или изменение структуры предложения, вызываются целым рядом причин. Основной причиной является расхождение в порядке слов в предложении в английском и русском языках. Закрепленный порядок слов английского предложения обычно носит иерархический характер. Сначала употребляются главные члены предложения – подлежащее и сказуемое, потом второстепенные. В русском языке порядок слов свободный, но в нем заметна тенденция помещать основное содержание высказывания (рему) в конце предложение, выражая его подлежащим. В грамматике русского языка указывается, что обычное расположение членов предложения является моделью: обстоятельство-сказуемое – подлежащее, то есть порядок, обратный принятому в английском языке. В русском языке второстепенный член предложения может стоять в

начальной позиции, если он является исходным моментом высказывания и вводит, таким образом, указанную тему - то, о чем делается сообщения.

Перестановка нужна в тех случаях, когда английское предложение содержит большую группу подлежащего с неопределенным артиклем. Она, естественно, является центром сообщения и при переводе выносится в конец предложения. Кроме того, в русском языке короткое, по сравнению с английским, сказуемое ритмически «не выдерживает» такой тяжеловесной группы подлежащего. Перестановка вызывается не только необходимостью выделения центра сообщения (ремы), но и другими пониманиями логического порядка. [4,с.176]

Элементами, которые могут подвергаться перестановке, являются обычно слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения. Например:

Never place hands near the abrasive belt and do not handle any objects in the vicinity of belt when the machine is in operation. - Работая на станке держите руки как можно дальше от абразивной ленты и не кладите инородные тела близко к ленте.

Замена частей речи обычно вызывается отсутствием той или иной конструкции в русском языке, расхождением в употреблении соответствующих форм и конструкций, а также лексическими причинами: разным словоупотреблением, разными нормами сочетаемости в английском и русском языках, отсутствием части речи с соответствующим значением. В процессе перевода меняются грамматические признаки словоформ (например, вместо формы единственные числа в переводе употребляется форма множественного числа), частей речи (например, инфинитив в переводе трансформируется в существительное), членов предложения (например, дополнение превращается при переводе в подлежащее), и

14 апреля 2016 года, город Луганск,

предложений (например, простое предложение превращается в сложное или наоборот). В следующем примере можно наблюдать замену повествовательного предложения на побудительное:

The edging machine shall be installed to a level surface in line with recommendations specified in this Manual. - Установите станок на ровную основу согласно рекомендациям, которые приведены в этой инструкции.

Грамматические трансформации нередко требуют внесения дополнительных слов или, наоборот, изъятия каких-нибудь элементов. Поэтому опущение и добавление часто соединяются с другими видами грамматических трансформаций, чаще всего с заменой частей речи. Введение дополнительных слов обуславливается рядом причин: расхождениями в структуре предложения и тем, что более краткие английские предложения требуют в русском языке более развернутого выражения мысли. Отсутствие соответствующего слова или соответствующего лексико-семантического варианта данного слова тоже является причиной введения дополнительных слов при переводе. Например:

The noise levels do not exceed the maximum admissible values as specified in applicable EU standards.- Шум, который образовывается во время работы на станке, не превышает максимально допустимое значение, которое приведено в нормах ЕС.

Существует также комплексная грамматическая трансформация, которая включает в себя несколько простых грамматических преобразований, например, когда во время перевода одновременно осуществляются перестановка и добавление:

It is forbidden to touch any moving components if the machine is operating. - Во время работы на станке, категорически запрещено трогать руками любые части, которые двигаются.

Таким образом, понятно, что самая главная задача переводчика – достичь семантической эквивалентности и адекватности, воссоздавая оригинал. Для ее достижения необходимы разные переводческие преобразования, а на уровне компонентной эквивалентности - трансформации, которые касаются грамматической структуры высказывания. Умения и навыки переводческих трансформаций представляют существенный компонент компетенции переводчика, и потому их правильному применению нужно уделять надлежащее внимание. Применение трансформаций в переводе должно направляться на адекватную передачу смысла оригинала и учитывать нормы языка перевода.

Список использованных источников

1. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1998. **2. Карабан В.** Переклад англійської наукової і технічної літератури : Граматичні труднощі, лексичні, термінологічні та жанрово-стилістичні проблеми.- 4-е вид., виправлене.-Вінниця: Нова книга, 2004. -574 с. **3. Селіванова О. О.** Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006.–716с. **4. Паршин А.** Теория и практика перевода. 2000. – 203 с. **5. Английский язык.** Курс перевода.-М.:ИКЦ «МарТ»;Ростов н/Д:Издательский центр «МарТ»,2005. – 304 с.

Иващенко Е.В., Калиновская Е.А. Достижение адекватности передачи грамматических категорий при переводе английских текстов

Данная статья посвящена проблеме адекватного перевода английских грамматических категорий на русский язык. Английскими грамматическими формами, которые не имеют прямых соответствий в русском языке,

могут быть части речи, грамматические категории или синтаксические конструкции. Для того, чтобы избежать неадекватного буквального перевода, необходимо употреблять разнообразные переводческие трансформации. Умения и навыки употребления переводческих трансформаций представляют существенный компонент компетенции переводчика, и потому необходимо уделять большое внимание их правильному применению.

Ключевые слова: грамматические категории, грамматические проблемы, адекватность перевода, интерференция, трансформация, замена, перестановка, добавление, опущение.

**Ivashchenko Helen V., Kalinovskaya Helen A.
Adequate rendering of grammatical categories in the
process of English texts translation**

The article is devoted to the problem of adequate rendering of English grammatical categories into Ukrainian. English grammatical forms which don't have correspondences in Ukrainian can be parts of speech, grammatical categories or syntactic constructions. To avoid inadequate translation different grammatical transformations should be used. Grammatical transformations skills is an essential component of a translator's competence, so their study and usage should be paid much attention to.

Keywords: grammatical category, grammatical problem, adequate translation, interference, transformations, permutation, substitution, addition, omission.

Калюжная В. Ю., Кубракова М. В.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА СЛОВ- РЕАЛИЙ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Проблема перевода безэквивалентной лексики является актуальной в теории и практике перевода. В художественной литературе, повседневной и профессиональной лексике часто встречаются слова, которые при переводе создают определенные трудности для переводчика. Ярким примером такой лексики являются реалии. Относясь к несовпадающим элементам языка перевода и обозначая понятия, чуждые для других культур, реалии представляет собой не только особую сложность при переводе, но и вызывает неподдельный профессиональный интерес.

Как объект исследования реалии появились в языкознании во второй половине прошлого века. Многие отечественные и зарубежные лингвисты обратились к этому феномену для описания языковых единиц, обозначающих специфические элементы языка, не имеющие эквивалентов в языке перевода. Среди них: В. В. Кабакчи, сформулировавший основные типы реалий (полионимы, идионимы и ксенонимы) [5, с. 23]; В. Бреус, описавший реалии, относящиеся к различным сферам материальной и духовной жизни народов [2, с. 54];

В. С. Виноградов, приписывающий появление реалий специфическим фактам истории и строя определенного государства, географическим и бытовым условиям определенной среды [3, с. 12]; Л. С. Бархударов, определивший реалии как слова, «обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке»

[1, с. 32] и многие другие. Все эти ученые уделили большое внимание различным аспектам перевода иноязычных реалий, выделив широкий перечень способов перевода, авторские классификации реалий, основываясь на своих исследованиях. Однако, несмотря на достаточно богатое теоретическое обоснование, практические трудности остаются большой проблемой. Это и понятно, поскольку готовых рецептов на все случаи перевода реалий, указаний и пояснений к ним не существует. Целью нашей работы является акцентуация внимания на наиболее популярных способах перевода реалий с немецкого языка на русский, их анализ и оценка.

В качестве материала для исследования мы обратились к немецкоязычным реалиям, поскольку проблема перевода данных лексических единиц многими исследователями, занимающимися переводом с немецкого языка на русский (А. В. Павлова, Н. Д. Светозарова, З. Е. Роганова и др.), признается достаточно масштабной и сложной [6, 7]. На наш взгляд, это объясняется тем, что Германия, как одна из ведущих мировых держав, оказывает значительное влияние на развитие современной культуры и цивилизации в целом. Условия демократии и индивидуальной свободы, отражающие общую принципиальную позицию немецкого общества и государства, поощряют любую творческую инновационную деятельность, что ведет к инновационным достижениям, естественно требующим терминологического воплощения.

Развитие языка – это развитие культуры и того нового, что этой культурой привносится в мир. Сложность адекватного перевода – в отсутствии адекватных достижений или адекватного понимания их значения в иных культурах, не имеющих таких возможностей. Известная сложность словообразования в немецком языке предъявляет дополнительные требования к переводу

инновационных терминов, которые зачастую являются словами-реалиями.

Чтобы лучше продемонстрировать степень включенности слов-реалий в современный немецкий язык, нами были рассмотрены примеры из оригинальных лексикографических источников, справочной и художественной литературы. Среди них: роман Гюнтера Карау «Двойная игра»; сборники журналов: «Deutschland», «Jugend», «CHANNTL-E» – журнал электроники, «У НАС В ГАМБУРГЕ» – информация, реклама, интеграция, «Heimat» – события, политика, история, «BEM-MEDIA».

В ходе работы с данными источниками мы столкнулись со следующими способами передачи немецких реалий при переводе.

1. Транскрипция – данный способ характерен для перевода географических названий, имен собственных (Erfurt – Эрфурт; Goethe – Гёте; die Mosel – Мозель), которыми изобилует каждый из названных нами источников.

2. Транслитерация – данный способ основывается на передаче графического облика иноязычного слова или интернационализма (Kanzler – канцлер, Bürger – бюргер, Sputnik – спутник), что также характерно как для справочной, так и для художественной литературы.

При этом следует отметить, что ни транскрипция, ни транслитерация не несут информативный характер и поэтому могут вызывать вопросы у читателя текста перевода, что зачастую приводит к необходимости описания значения подобной реалии. Иногда описание помещают в скобки после транскрипции/транслитерации, при этом переводчик вносит пометку «примечание переводчика» или «прим.перев.»: Blumenstadt – город цветов (Эрфурт); der Weiße Strom – Белая Река (Рио Бланко – прим. перев.); das Fachwerkhaus – фахверк (старинная постройка с красивым переплетом брусьев и балок в
14 апреля 2016 года, город Луганск

плоскости стены – прим. перев.); Polterabend – польтерабенд (традиционный вечер накануне венчания – примечание переводчика).

3. Описательный перевод – также широко распространенный способ передачи современных немецкоязычных реалий. Считается, что данный способ перевода способен практически полностью раскрыть сущность реалии, передавая её значение и колорит (der Gibelhaus – дом с заостренными фронтонами и узкими фасадами, дом с островерхой крышей; das Fachwerkhaus – каркасное сооружение; die Pralline – шоколадные конфеты с начинкой). Такие реалии встречаются в самых разных сферах жизнедеятельности человека: в быту, в научно-технической сфере, профессиональной области, в художественной литературе и т. д., поэтому представляют особый интерес для переводчика.

Вот несколько примеров описательного перевода, с которыми мы столкнулись в ходе нашей работы. *Названия социальных учреждений:* Ordnungsamt – ведомство, занимающееся пропиской, делами иностранцев, разрешением на проживание и т.д.; Zulassungsstelle – ведомство для постановки машины на учет, соответствует одной из функций ГИБДД; Gesundheitsamt – главное федеральное ведомство, занимающееся вопросами защиты конституционных прав граждан, паспортным режимом, разрешением на проживание и на работу, регистрацией легковых автомобилей, общественным здравоохранением и другими коммунальными вопросами. *Реалии, связанные с образованием:* Studienkolleg – государственное учебное заведение, в котором учатся иностранные студенты, закончившие на родине гимназии и школы, но не имеющие права поступать в университеты Германии, так как их свидетельство об окончании школы не признается за немецкий аттестат зрелости; в данном учреждении они получают немецкий аттестат зрелости, позволяющий им

продолжать учебу в университетах; Volkshochschule – обучающие курсы для всех желающих; за небольшую плату на этих курсах можно изучать языки, программирование, бухгалтерское дело, заниматься фотографией, литературой, спортом и т.д.; занятия проходят как в вечерние часы, так и в утренние; Hauptschule – тип школы в Германии, куда идут учиться после начальной школы обыкновенно наиболее слабые, неуспевающие ученики. *Перевод названий профессий:* Steuerfachgehilfin – профессия помощницы консультанта по налоговым вопросам; Rechtsanwaltsgehilfin – требующая трехгодичного обучения профессия, соответствующая секретарше адвоката; Hausmeister – управдом, выполняющий техническую работу (уборка лестницы, ремонт подсобных помещений, озеленение участка у дома); Hausverwalter – управдом, занимающийся административно-хозяйственными вопросами домоуправления. И таких примеров огромное множество.

4. Калькирование – способ перевода реалии, при котором составляющие части лексической единицы заменяются их соответствиями на языке перевода (Betriebsrat – производственный совет; Feuerland – Огненная Земля; die Karl-Marx-Universität Leipzig – Лейпцигский университет имени Карла Маркса). Иногда калькирование используется вместе с транскрипцией/транслитерацией, в результате чего возникают переводческие дублиеты, например, Neue Rheinische Zeitung – Новая Рейнская газета, Нейе Рейнише Цейтунг/Нойе Райнише Цайтунг, das Berliner Ensemble – Берлинский ансамбль, Берлинер Ансамбль.

5. Следует упомянуть еще один способ, с которым мы столкнулись при переводе обращений, большинство из которых можно передать функциональными аналогами, – «нулевой перевод». Заметим, что такое явление возникает тогда, когда в языке перевода полностью отсутствует

понятие или эквивалент и реалия как бы «опускается». В таком случае в переводоведении говорят о так называемых лакунах, появление которых объясняется исключительными условиями социально-политической, общественно-экономической, культурной жизни и быта отдельного народа. При этом, как справедливо отмечает С. И. Влахов, лакуна не может быть ни синонимом, ни признаком реалии, так как лакуна сильно сужает это понятие [4, с. 43].

Все перечисленные нами способы широко распространены в переводческой практике, однако следует помнить известную ограниченность каждого из них. Поэтому переводчики очень редко прибегают только к одному какому-либо конкретному способу перевода, обычно они совмещают несколько способов с тем, чтобы добиться более удачного перевода реалии, передав не только ее смысл, но и ее окраску. Это объясняется еще и тем, что уровень абстракции, который существует, например, в математических или иных формулах, лингвистическими средствами достичь невозможно, так как всегда остается фактор, который следует учитывать при переводе – множественность коннотаций, которые, в свою очередь, также требуют пояснений. Отсюда вытекает вывод о зависимости терминологического воплощения перевода от его цели, а также от жанра, в котором работает переводчик. Последнее формирует также стиль перевода. В случае специального профессионального перевода – это одни требования и, возможно, специальная терминология, вплоть до неологизмов. В случае, например, публицистического перевода терминология, естественно, может быть иной (мы опускаем требования идеологического, политического и прочего характера, которые в любом случае предполагают искажение смыслов и подчинение их текущей целесообразности). Отдельно

может быть поставлен вопрос о терминологии, связанной с рекламой и т. д.

Изложенный выше материал позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, проблема перевода таких лексических единиц, как реалии, является актуальной и спорной: общество развивается динамично, появляются новые предметы, и, соответственно, в языке появляются новые слова, требующие специального изучения.

Во-вторых, способы перевода реалий представляют собой обширное поле для исследований. Предоставить полный перечень реалий, способов их перевода и примечаний к ним невозможно, однако существующие академические наработки позволяют переводчикам оперировать в определенном поле и добиваться ощутимых результатов. Из наиболее распространенных способов перевода нами были выделены: транскрипция, транслитерация, описательный перевод, калькирование, «нулевой перевод», а также акцентировано внимание на их сочетаемости и взаимозависимости.

В-третьих, анализ примеров в очередной раз убедил нас, что применение существующих способов работы с реалиями зависит от цели перевода, жанра, профессиональных знаний переводчика. Любое упущение или неправильная передача реалий может привести к неполному или неправильному раскрытию значения слова.

Список использованных источников

- 1. Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 459 с.
- 2. Бреус Е. В.** Теория и практика перевода с английского на русский : монография / Е. В. Бреус. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: samlib.ru/w/wagapow_a_s/breus-th-pr.shtml.
- 3. Виноградов В. С.** Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М.: 14 апреля 2016 года, город Луганск,

Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, – 224 с. **4. Влахов С. И.** Непереводимое в переводе : монография / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с. **5. Кабакчи В. В.** Основы англоязычной межкультурной коммуникации : учеб. пособие / В. В. Кабакчи. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, ИВЭСЭП, 1998. — 231 с. **6. Павлова А. В.** Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник / А. В. Павлова, Н. Д. Светозарова. – СПб.: Антология, 2012. – 480 с. **7. Роганова З. Е.** Пособие по переводу с немецкого на русский язык : учеб. пособие / З. Е. Роганова. – Москва, 1961. – 303 с.

Калужная В.Ю., Кубракова М.В. О некоторых способах перевода слов-реалий с немецкого языка на русский

В статье исследована проблема перевода слов-реалий с немецкого языка на русский. Проанализированы наиболее популярные способы перевода реалий с немецкого языка на русский. Выявлена обусловленность точности их перевода целью и жанром текста.

Ключевые слова: реалии, перевод, способы перевода реалий, транскрипция, транслитерация, описательный перевод, калькирование.

Kalyuzhnaya V. Yu., Kubrakova M.V. About some means of translating realities from German into Russian.

The problem of translating realities from German into Russian is studied in the article. The authors analyze the most popular means of realities translation from German into Russian. It is determined that their correct translation also depends on the aim and the genre of the text.

Keywords: realities, translation, means of translating realities, transcription, transliteration, descriptive translation, tracing.

УДК 316.75:316.77

Кисель В.С., Некрутенко Е.Б.

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Межкультурная коммуникация является довольно молодой дисциплиной, так как зародилась лишь в середине прошлого века. Однако в современном мире её роль увеличивается с каждым днём. Учёные всё больше и больше интересуются данной отраслью науки. Этот процесс происходит вследствие различных факторов, к которым относятся: открытие границ между государствами, что приводит к постоянной миграции населения; политическая и экономическая зависимость стран друг от друга и таким образом необходимость постоянно поддерживать разнообразные контакты; войны, ведущие к образованию большого количества эмигрантов и беженцев, добровольно или вынужденно сменивших место жительства, переехавших в другую страну навсегда, и они должны не просто приспособиться, но стать полноценными членами нового общества и культуры. [3, с. 29]. Список данных факторов можно продолжать ещё очень долго, но главное, это то, что люди таким способом вливаются в новую культуру, зачастую чуждую и непонятную им, и сталкиваются с рядом возникающих из-за этого проблем. Задачей межкультурной коммуникации является изучить данные сложности и предложить варианты их разрешения, чтобы уменьшить острые углы общения между людьми разных культур и национальностей.

Итак, межкультурная коммуникация является особой формой коммуникации между двумя или более представителями различных культур, в процессе которой

14 апреля 2016 года, город Луганск

происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур. Процесс межкультурной коммуникации есть специфическая форма деятельности, которая не ограничивается только знаниями иностранных языков, а требует также знания материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т. д. в совокупности определяющих модель поведения партнеров по коммуникации. Изучение иностранных языков и их использование как средства международного общения сегодня невозможно без глубокого и разностороннего знания культуры носителей этих языков, их менталитета, национального характера, образа жизни, видения мира, обычаев, традиций и т. д. Только сочетание этих двух видов знания – языка и культуры – обеспечивает эффективное и плодотворное общение [6, с. 95].

Роль ценностей очень важна как в жизни отдельного индивида, так и всего общества. Именно благодаря им происходит отбор коммуникативных средств при общении, возникают определённые чувства и эмоции, развиваются навыки взаимодействия. Из вышесказанного можно сделать вывод, что ценность не представляется вещью, а является отношением к этой вещи. Ценности являются основополагающими в любой культуре, так как они определяют отношения человека с обществом, семьёй, природой и самим собой. Исходя из такого понимания К. Клакхон и Ф. Стродбек определили ценности как «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем» [7, с. 157].

В сознании человека существует огромное множество ценностей, которые структурированы

определённым образом, поэтому можно говорить о системе ценностей. В каждой культуре она своя, именно поэтому культура той или иной страны является уникальной и неповторимой.

Во время межкультурных контактов выявляется огромное различие между тем, как люди разных культур воспринимают одни и те же ценности. Как пишет Л.В. Куликова, «язык не существует вне культуры, в «плелу» у которой находимся и все мы. Поэтому источником или непосредственной причиной большинства конфликтов в межкультурном общении является, как считают многие исследователи, сама культура с присущим ей национально-специфическим образом жизни» [4, с.5]. Тем не менее, можно выделить ряд таких ценностей, которые воспринимаются одинаково и по своему значению и по оценочному критерию. Такой тип ценностей называют общечеловеческими или универсальными. Они основаны на человеческой природе и всеобщем понятии социального взаимодействия. Примером может служить порицание во всех культурах таких явлений как предательство, насилие, убийство.

Одной из значительных проблем является различие культурных ценностей. Культурными ценностями зачастую называют предметы материальной культуры или же духовные принципы, являющиеся важными для конкретного социального субъекта. В культурной антропологии обычно выделяют четыре сферы культурных ценностей: быт, идеологию, религию и художественную культуру. В рамках межкультурной коммуникации наибольшее значение представляет бытовая сфера, которая исторически возникла первой из всех культурных ценностей.

Хотя в каждой стране имеется своя идеология, религия и искусство, основополагающей культурой для формирования личности является именно бытовая,

14 апреля 2016 года, город Луганск,

поскольку она вкладывается в человека с самого детства. В быте заложена вся историческая память того или иного народа. Он является крайне устойчивым и меняется значительно медленнее, чем, скажем, идеология. Именно он и стал основой для идеологии, религии и искусства. Нормы и ценности бытовой культуры являются самодостаточными. Это значит, что, пользуясь только ценностями бытовой культуры, человек может иметь устойчивые ориентиры для жизни в условиях соответствующей культуры. [1, с. 28] Человек воспринимает данные ценности как само собой разумеющиеся, и может даже не придавать им особого значения. Каким же будет его удивление, когда в другой культуре его ценности не будут поняты или даже будут порицаться.

Так, к примеру, в Европе и США человек считает себя, прежде всего, индивидом, а потом уже членом общества. Во многих странах восточной культуры, например в Японии, человек – это член социума и только потом – индивид. Если представить ситуацию культурного обмена между членами данных наций, то очевидными будут проблемы во взаимоотношениях между такими коллегами. При незнании особенностей мышления друг друга возникающие противоречия могут привести к серьёзным конфликтам. Таким образом, межкультурная профессиональная коммуникация невозможна без умения устанавливать и развивать деловые контакты. Успешное межкультурное профессиональное общение предполагает адекватное коммуникативное поведение партнеров на трех уровнях: перцептивном (в процессе взаимопознания), коммуникативном (в процессе установления взаимопонимания) и интерактивном (в процессе установления взаимоотношений профессионального сотрудничества) [2, с. 15].

Идеология возникла значительно позже, чем быт. Данное понятие представляет собой систему политических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических идей и взглядов, исповедуемых партиями, политическими течениями, общественными движениями, научными школами, отражающих их мировоззрение, идеалы, целевые установки. В идеологии осознаются, отражаются, оцениваются отношения людей к окружающей действительности, общественные отношения, социальные проблемы, положение социальных групп и слоев, их интересы, цели социально-экономического развития [5, с. 171]. Однако следует отметить, что идеология, в отличие от бытовой культуры доступна не всем. Она требует определённого уровня образования и интеллекта. Идеология не является чем-то само собой разумеющимся, как быт. Важным её отличием является то, что каждый представитель даже одной и той же страны может трактовать её по-своему. А в терминах межкультурной коммуникации проблемы в различии взглядов двух взаимодействующих представителей могут стать просто непреодолимыми, если коммуниканты не ознакомлены с основами того или иного течения и не относятся к нему толерантно, не считая свою систему мировоззрения исключительно верной.

Одним из наиболее значимых источников образования культурных ценностей является, безусловно, религия. Это касается всех её проявлений, включая и атеизм. В религии мы видим чрезвычайно необычное отношение человека к миру – через призму сверхъестественного. Основа религии сводится к двум важнейшим моментам: признание существования нечто высшего, чем человек и бессмертность человеческого духа. Но во многих религиях имеются различия как в названии, характере этих высших сил, так и в том, какие

14 апреля 2016 года, город Луганск

заповеди, заветы, правила ими предписаны. Эти различия и могут стать основой непонимания при общении представителей разных народов, а, следовательно, и вероисповеданий. Вопрос религии всегда очень остро стоял между членами различных конфессий. Важнейшей составляющей религии являются ритуалы. Для людей другой веры они могут показаться порой странными, непонятными, возможно, даже пугающими. Поэтому при общении с представителями иных культур одним из ключей к успешной межкультурной коммуникации является ознакомление с их религиозной сферой во избежание недоразумений и серьёзных конфликтов.

Завершающей областью продуцирования культурных ценностей можно назвать искусство. Именно через художественную культуру человек понимает, что есть красота, как физическая, так и духовная, у него складывается своя система ценностей, понятие гармонии. Однако, воспитываясь на разных примерах художественных произведений, могут возникнуть и различные представления в этой сфере. Так, например, в Японии огромное значение придаётся природе, её спокойному и длительному созерцанию, восхищению ею. Многие произведения литературы посвящены таким темам как воспевание мира растений, животных, насекомых. Многим же европейским представителям это может показаться не совсем понятным. В западном мире более ориентированы на материальные блага. Так в постоянной спешке и погоне за ними у них уже нет времени, чтобы любоваться, к примеру, красотой текущего ручья.

Итак, мы выделили четыре пласта культурных ценностей. Однако понять, какие из них являются особенно важными для той или иной культуры, а какие нет, бывает очень непростой задачей. В этом и заключается уникальность культуры, её неповторимость.

Большая часть особенностей своей культуры воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Человек осознаёт эти особенности только при столкновении двух различных культур. Именно тогда и могут возникнуть такие негативные чувства как раздражение, обида, злость, отчуждение.

Исключить ситуации непонимания и добиться положительных итогов в межкультурных контактах возможно лишь с помощью знания особенностей ценностных ориентации партнера. Это знание помогает предсказать его поведение, цели, устремления, желания; оно обеспечивает успех в общении даже с незнакомыми людьми [1, с. 29].

Список использованных источников

- 1. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П.** Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов (Под ред. А. П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
- 2. Дементьева Т. Г.** Подготовка к межкультурной коммуникации при обучении иностранным языкам специалистов // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: Материалы V Междун. науч. конф. – Минск, 2011. – 191 с.
- 3. Зимбардо Ф., Ляйпе М.** Социальное влияние. – Спб., 2000. – 445 с.
- 4. Куликова Л. В.** Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. – Красноярск, 2004. – 196 с.
- 5. Райзберг Б. А.** *Современный социоэкономический словарь.* М., 2012. – 629 с.
- 6. Садохин А. П.** Введение в теорию межкультурной коммуникации/. – М.: Высш. шк., 2005. – 310 с.
- 7. Kluckhohn C., Strodtbeck F.** Variation in value orientation. N. Y. : Peterson & Co, 1961. – 157 p.

Кисель В. С., Некрутенко Е. Б. Роль культурных ценностей в межкультурной коммуникации.

В статье проанализированы понятия межкультурной коммуникации и культурных ценностей. Охарактеризована роль разнообразных ценностей в процессе общения между разными культурами. Перечислены основные проблемы, с которыми можно столкнуться не обладая знаниями культуры, быта и традиций других народов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культурные ценности, социальное взаимодействие, бытовая культура, профессиональное взаимодействие, идеология, религия.

Kisel V.S., Nekrutenko E.B. The role of cultural values in intercultural communication.

The article analyzes the concept of intercultural communication and cultural values. It describes the role of different values in the process of dialogue between different cultures. It listed the main problems that may be encountered without having knowledge of the culture, lifestyle and traditions of other nations.

Keywords: intercultural communication, cultural values, social interaction, everyday culture, professional interaction, ideology, religion.

УДК 811.112.2:004.738.5

Колесник Т. И.

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Язык – это мощный механизм, обеспечивающий коммуникацию людей в разнообразных сферах деятельности. Появление компьютерных технологий и их молниеносное распространение и объединение в единую сеть вызвало революционный переворот в традиционных средствах массовой коммуникации. С развитием глобальной сети Интернет эволюционирует и Интернет-коммуникация. В связи с необычайными темпами развития еще не сформирован единый подход к ее изучению. Стандартные языки в Интернете приобретают новые черты и начинают по-другому использоваться в коммуникационных системах. Возникают новые функциональные разновидности письменных языков, которые конкурируют с процессами стандартизации и нормализации языка, но хорошо приспособлены к современным медийным условиям. Так, с одной стороны литературные варианты языков становятся выражением измененной письменности на фоне компьютерной и мобильной техники, а с другой происходит постепенный отказ от основанной на орфографии системы знаков и отдается предпочтение графическим знаковым системам. В условиях современного международного сотрудничества и расширения межкультурных контактов изучение языка Интернет-коммуникации приобретает особую актуальность.

Целью данной статьи является рассмотрение Интернет-коммуникации как предмета лингвистического

14 апреля 2016 года, город Луганск,

изучения, выделение ее особенностей и отличий от традиционной коммуникации.

Общеизвестно, что Интернет – это глобальная сеть, основное назначение которой – сохранение и передача информации. Интернет-сеть была создана в 1969 году, и уже два года спустя была написана программа, позволяющая отправлять электронную почту. В начале 90-х появляется новый способ коммуникации – виртуальное общение, то есть «общение с виртуальным собеседником в виртуальном пространстве с помощью электронных средств» [10, с. 197].

В начале 90-х годов влияние на коммуникацию и язык было еще мало исследовано. В 1991 году Л. Шпроуль и С. Кислер в своем исследовании описали так званые «second-level-system effects» – эффекты, появляющиеся вследствие введения и распространения коммуникационных технологий. Авторы в своей книге показывают, как технологии коммуникации по электронной почте изменили информационные сети на производствах. С середины 90-х годов начинают появляться некоторые сборники и первые монографии на тему. С тех пор были написаны многочисленные работы в различных отраслях данной темы. Так, например, на образовательном портале *Mediensprache* размещены около 230 докладов о чатах и около 50 публикаций о E-Мейлах. Наряду с анализами отдельных видов коммуникаций, там находятся многочисленные исследования языка в сети, устности и письменности в Интернет-коммуникации, коммуникационно-социологические исследования.

Современная информационная революция началась еще в XIX веке с изобретением телеграфа и телефона. Благодаря этим формам связи распространение информации наконец стало намного быстрее, сократились расстояния. Как только были установлены новые формы связи, информация начала поступать в наиболее

отдаленные места без потерь во времени. В XX веке были изобретены радио и телевидение, и теперь появилась возможность передавать информацию одновременно нескольким адресатам. В конце прошлого века этот список дополнил Интернет.

Хотя радио и телевидение передают сигналы всему миру с помощью спутника, в определенное время можно подключиться только к программе, которая транслируется конкретно в данный момент, а не ко всему набору программ. В газетах и книгах, напротив, можно найти всю упомянутую когда-либо информацию, но для этого нужно знать наверняка место, где имеются эти средства массовой информации. Эта ограниченность средств массовой коммуникации способствовала популяризации Интернета, количество пользователей которого растет с каждым днем. При условии технического доступа к Интернету информация может быть найдена с любой точки мира в любое время с чрезвычайной скоростью.

Еще в 1967 году основатель современной теории средств коммуникации Маршалл Маклюэн очень точно описал действие электронных коммуникативных форматов и ввел до сих пор употребительную метафору «глобальная деревня»: «Ours is a brand-new world of allatonceness. “Time” has ceased, “space” has vanished. We now live in a global village... a simultaneous happening» [13, с. 63].

Язык как средство коммуникации человека определяется использованием умышленных устных или письменных, визуально-пространственных (язык жестов) знаков с определенным значением. Язык можно характеризовать как систему знаков, цель которой – коммуникация. В широком смысле наряду с так называемыми естественными языками сюда относятся также искусственные языки (например, язык

программирования Java) и даже средства коммуникации животных.

Термин «коммуникация» происходит от латинского «communicare» и означает «делиться», «передать», «делать вместе», «принимать участие», «сообщать». Коммуникация является комплексным явлением, которому еще не подобрано единое общее определение.

Согласно И. Яковлеву, это научная дисциплина о месте и роли коммуникации в обществе, ее развитии и структуре, коммуникационных средствах, процессах и т.п. [11, с. 8].

По мнению С. Бориснева, коммуникация является социально обусловленным процессом передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения посредством различных каналов связи с помощью разных коммуникативных средств [2, с. 14].

Н. Андрианов понимает коммуникацию как смысловой аспект социального взаимодействия [1, с. 10].

А. Назарчук рассматривает коммуникацию как специфическую операцию, которая характеризует исключительно социальные системы, в процессе которой происходит перераспределение знания и незнания, а не связь или передача информации, или перенесение «семантических» смыслов от одной психической системы к другой [8, с. 113-114].

Л. Бакстер, А. Силларс, А. Вангелиста придерживаются мнения, что коммуникация является средством конструирования и поддержания человеческих взаимоотношений [12].

Теория коммуникации имеет долгую историю. С середины XX века исследователи разрабатывали линейную (классическую) модель коммуникации (Г. Лассуэл), социально-психологическую (интеракционистскую) модель (Т. Ньюкомбо), шумовую модель (К. Шенон,

У. Уивер), циркулярную, сбалансированную модель (В. Шрамм, К. Осгуд), текстовую модель (А. Пятигорский). Д. Гавр выделил словесно-информационный и семиотический подходы к пониманию коммуникации. Модель коммуникации как языкового события предложил Р. Якобсон.

Цель коммуникации – передача события. Для этого может быть использована вербальная и невербальная коммуникация. Вербальная коммуникация рассматривает язык как собственно средство коммуникации, а при невербальной коммуникации эффективнее передаются эмоции, так как передача сообщения подсознательна. Главными функциями невербальной коммуникации являются:

- управление социальной ситуацией, проявление интереса к коммуникации;
- представление себя (черты характера, темперамент и т.д.);
- передача эмоционального состояния;
- проявление согласия или несогласия;
- контролирование ситуации сменой положения, с помощью зрительного контакта, голосом и т.д.

В зависимости от субъектов коммуникации и типа отношений между ними различают:

- межличностную коммуникацию – вид лично-ориентированного общения, связанный с обменом сообщениями и их интерпретацией двумя или более индивидами, которые вступили в определенные отношения; вид коммуникации в ситуации межличностных взаимодействий или отношений;

- межгрупповую коммуникацию – вид взаимодействия людей, детерминированный их принадлежностью разным социальным группам и категориям населения и не зависит от их межличностных связей и личных преимуществ;
- публичную коммуникацию – вид статусно-ориентированного общения публичного характера с большим количеством слушателей, касающийся общественных интересов;
- массовую коммуникацию – процесс систематического распространения информации статусно-ориентированного характера, а также передача умышленно подготовленных сообщений с помощью технических средств большой анонимной рассредоточенной аудитории; такая коммуникация регулирует динамичные процессы общественного сознания, интегрирует массовые настроения и является мощным средством влияния на индивидуальность и группы [1].

Интернет-коммуникация является новой формой коммуникации, и в связи с большими темпами ее развития еще не сформирован единый подход к ее изучению. Исследователи рассматривают Интернет-коммуникацию с точек зрения различных научных подходов, среди которых выделяют коммуникативный, дискурсивный, функционально-стилистический подходы и «виртуальное жанроведение».

Из самого названия коммуникативного подхода становится понятно, что общение в Интернете руководствуется коммуникативной функцией.

Коммуникация в Интернете характеризуется с двух сторон: во-первых, как связь нескольких мест, техническое сообщение, с другой – как процесс взаимодействия между пользователями, передача информации, общение. Как известно, коммуникации отличаются каналом передачи информации (непосредственное общение, печатные периодические издания, телевидение), количеством коммуникантов (межличностная, групповая, массовая), формой (монолог или диалог), кодом (вербальный или невербальный), реестром (устный или письменный), публичностью (приватная или публичная), профессиональной ориентацией (учебная, научная, политическая и т.п.) [9]. Интернет-коммуникация характеризуется компьютерно-опосредованным каналом передачи и охватывает все остальные разновидности коммуникации. Эта особенность должна быть учтена во время комплексного описания. Каждая отдельная форма Интернет-коммуникации (переписка по электронной почте, общение в чате, блоге, на форуме, видеоконференции и т.д.) имеет свои особенности и признаки, например, электронная переписка является межличностной и приватной в то время, как общение на форумах – массовым и публичным.

О. Галичкина, В. Громова описывают дискурсивный подход как руководствующийся прагматичными факторами: характеристикой собеседников и коммуникативной ситуации, выявлением дискурсивных признаков Интернет-коммуникации, описанием дискурсивных стратегий, лингвистическим оформлением дискурса [3]. П. Кондрашов подчеркивает отличие динамики, коннотативности, культурологической и социальной окраски дискурса в разных формах Интернет-коммуникации, но выводит их общую черту: дискурс в Интернет-коммуникации является в высшей мере персонифицированным и ситуативным [7].

В отличие от коммуникативного подхода, дискурсивный дает более детальную характеристику Интернет-коммуникации, принимая в расчет прагматические факторы. Но понятие «компьютерный дискурс» таким образом становится в один ряд с уже привычными понятиями – деловым, бытовым, научным дискурсом – означающими разные сферы общения. Более логичным является использование термина «компьютерно-опосредованная коммуникация», употребляемого в коммуникативном подходе [6, с. 11]. Такой вид коммуникации, в свою очередь, является способом реализации разновидностей дискурса.

Следующий подход, функционально-стилистический, рассматривает Интернет-коммуникацию как совокупность языковых и стилистических средств, охватывающих разные функциональные стили. Данный подход предусматривает выявление тенденций развития языка Интернет-коммуникации, характерных для всех функциональных стилей [5]. В отличие от других, более общих подходов, функционально-стилистический научный подход исследует лингвистические особенности языка Интернет-коммуникации.

Суть подхода «виртуальное жанроведение», предложенного О. Горошко, состоит в установлении классификации и описании различных форм Интернет-коммуникации с точки зрения теории жанров. Существуют многочисленные классификации форм Интернет-коммуникации (например, по интерактивности, синхронности и т.д.), но с постоянным развитием Интернета и появлением новых форм общения классификации должны пересматриваться и расширяться. В попытке учесть эти изменения, исследователи ищут традиционные жанры в Интернете, применяют критерии их выделения в коммуникационной среде сети Интернет или же устанавливают новые критерии. Подход

виртуального жанроведения синтезирует особенности всех вышеназванных подходов и является наиболее обширным, хотя само понятие «жанр», как и понятие «дискурс» недостаточно точно характеризует Интернет-коммуникацию. [4]

Интернет-коммуникация – уникальное явление, представляющее интерес для исследователей всевозможных отраслей знания: лингвистики, психологии, социологии, информатики. Очевидно, что Интернет-коммуникация преследует ту же цель, что и традиционная – передача информации, но при этом Интернет-коммуникация обладает практически неограниченными возможностями, отсутствием временных и пространственных ограничений. Единственным условием является доступ к Интернету, коим располагают около 5 миллиардов пользователей во всем мире. Таким образом, Интернет-коммуникация проникает во все сферы человеческого общения, охватывает всевозможные отрасли знаний, реализуется разнообразными средствами и, тем не менее, остается малоизученным явлением в силу своего относительно недавнего появления и постоянного совершенствования.

Список использованных источников

- 1. Андрианов М. С.** Невербальная коммуникация: психология и право / М. С. Андрианов. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2007. – 256 с.
 - 2. Бориснёв С. В.** Социология коммуникации: Учеб. пособие для вузов / С. В. Бориснёв. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
 - 3. Галичкина Е. Н.** Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Галичкина. Волгоград, 2001. – 20 с.
 - 4. Горошко Е. И.** Лингвистика Интернета: Формирование
- 14 апреля 2016 года, город Луганск*

дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: ОГИИК, ПФ «Картуш», 2007. – №5. – С. 223 – 237. **5. Иванов Л. Ю.** Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта, Наука, 2003. – С. 791-793. **6. Карасик В. И.** О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5 – 20. **7. Кондрашов П. Е.** Компьютерный дискурс, социолингвистический аспект: дис. ...канд. филол. наук 10.02.19 / Кондрашов Павел Евгеньевич. – Краснодар, 2004. – 181 с. **8. Назарчук А. В.** Теория коммуникации в современной философии / А. В. Назарчук. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с. **9. Основы** теории коммуникации: Учебник / под ред. М.А. Василик. – М.: Гардарики, 2005. – 615 с. **10. Чайка Г. Л.** Культура ділового спілкування менеджера: навч. посібник / Г. Л. Чайка. – К. : Знання, 2005 . – 442 с. **11. Яковлев И. П.** Ключи к общению. Основы теории коммуникаций / И. П. Яковлев. – СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2006. – 240 с. **12. Baxter L. A.** Relationships as dialogues / L. A. Baxter // Personal Relationships. – 2004. – №11. – pp. 1–22. **13. McLuhan M.** The Medium is the Massage. New York / M. McLuhan, Q. Fiore. – Bantam Books, 1967. – p. 63.

Колесник Т.И. Интернет-коммуникация как предмет лингвистического изучения

В статье исследуется Интернет-коммуникация как предмет лингвистического изучения, выделяются ее особенности и отличия от традиционной коммуникации; характеризуются современные научные подходы к изучению указанного явления.

Ключевые слова: коммуникация, Интернет, язык, дискурс, коммуникативная ситуация.

Kolesnik T.I. Internet communication as subject of linguistic research

The article deals with Internet communication as subject of linguistic research, defines its features and differences from traditional communication; characterizes modern scientific approaches to the study of this phenomenon.

Keywords: communication, Internet, language, discourse, communicative situation.

Конарева А.А.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НЕМЕЦКОГО МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА

Актуальность данной темы обусловлена интересом к изучению немецкого сленга, рассмотрению факторов его формирования, так как сленг не постоянное явление, и может пополняться новыми словами и выражениями каждый день

Исследования немецких социологов (Дарендорф, Ульрих Бек) показали, что в 90-е годы XX века в Германии особое значение приобрел молодежный образ жизни, который нашел свое языковое выражение именно в молодежном сленге. Следствием усиления роли молодежи в жизни немецкого общества является укрепление позиции молодежного сленга в языковой системе в целом. Исследование сленга, как средства коммуникации началось давно. Роберт Сальмазиус один из первых в 1749 году составил «Словарь наиболее употребляемых искусных слов среди молодых господ в университетах». За ним следует имена Даниеля Людвиг Валлиса, издавшего в 1813 году «Наиболее используемые выражения в речи студентов», а также Кристофа Бернарда Радотски, которому не только удалось собрать и классифицировать сленговые слова и выражения, но и описать их происхождение и употребление. Наиболее выдающимися исследователями жаргона XX века являются Альфред Гетце, Адольф Буземанн, Гельмут Генне, Эрнст Гюнтер Вельтер и другие. Среди исследователей современного немецкого жаргона необходимо отметить имена Германа Эманна, издавшего в 2001 году в Мюнхене «Новейший лексикон молодежной речи», Михаэля Фрейданка, а также

Зигруна Шрота. В отечественной лингвистике попытки составить словарь языка молодежи предпринимались неоднократно. Среди них можно отметить изданный в 1998 году в Курске «Немецко-русский словарь молодежной лексики», автор которого, А.В. Минаков, собрал около 700 слов и выражений современного немецкого молодежного сленга и предложил возможные, с его точки зрения, способы их перевода на русский язык. Однако настоящим прорывом в этой области стало издание профессором В.Д. Девкиным в 2000 году «Немецко-русского словаря разговорной лексики», который и по сей день активно используется как переводчиками, так и преподавателями и всеми, кто желает ознакомиться с немецким разговорным языком. Благодаря этим изданиям, мы можем ознакомиться со сниженной немецкой молодежной лексикой и выделить наиболее употребляемые сленговые слова и выражения.

Целью данной статьи является описание сленга как одной из подсистем современного немецкого языка и рассмотрение причин его формирования в обществе и других сферах коммуникации. Для достижения поставленной цели мы выделяем следующие задачи: выяснить причины употребления сниженной лексики; рассмотреть сферы употребления сленга; привести примеры общеупотребительного сленга.

Итак, молодежный сленг, как один из самых восприимчивых к технологическим новшествам и изменениям в общественной и языковом сознании, дает исследователю наиболее «горячий материал», позволяет выявить наиболее актуальные языковые процессы, происходящие в наше время.

Существует достаточно большое количество определений этого явления, где прослеживается неопределенность теоретических концепций о сленге по сей день. Среди германистов нет единства взглядов по

поводу того, существует ли вообще немецкий сленг или же подобные речевые высказывания являются частью обиходно-разговорного языка. Но те, кто утверждает, что немецкий сленг существует (Г. Баузингер, Н. Диттмар, А. Домашнев, Г. Мозер, В. Порциг, Т. Шиппан, Т. Левандовски), едины во мнении, что это форма раскованной небрежной речи. Т. Шиппан характеризует сленг как специфичный для определенной группы непринужденный способ выражения, для которого, прежде всего, характерен экспрессивный словарный состав и намеренно развязные, непринужденные слова, иногда доходящие до грубости. Немецкий молодежный сленг – это ненормативная лексика, находящаяся на границе или же выходящая за рамки литературного немецкого языка. Сленг в немецком языке называется молодежным постольку, поскольку основным источником его формирования является именно речь немецкой молодежи – именно в молодежной среде происходит формирование большинства новых лексических единиц или расширение традиционной семантики широко распространенных слов литературного немецкого языка, которые затем и пополняют запас немецкого сленга.

Знакомство с немецким молодежным сленгом не должно иметь своей целью непременно введение данной лексики в свою речь, поскольку такая лексика очень специфична и наряду со вполне нейтральным звучанием может иметь ярко выраженное негативное и нередко очень грубое значение, употребляясь в определенной ситуации или же в контексте разговора. Поэтому пользоваться подобными словами нужно с чрезвычайной осторожностью и лишь в случае крайней необходимости. Но знать сленговый лексический материал очень полезно, чтобы лучше понимать, что происходит и обсуждается вокруг.

В целях самоутверждения, желая выглядеть современными, “продвинутыми”, молодые люди начинают употреблять слова и выражения повышенной эмоциональности, по словам Е. Розен, сильные, беспокойные и даже шокирующие слова и выражения, оценочные слова, отличающиеся от общепринятой речевой нормы, и которые никак нельзя признать украшениями разговорной речи. В ход идут элементы разноплановой лексики, иностранные слова, профессионализмы, вульгаризмы. Особенно пышно “расцвели” выражения, являющиеся по смыслу синонимами слов “очень хорошо”, “отлично”, “прекрасно”, “великолепно” – “Super” (hoch besser als sehr schön, sehr gut), “Prima”, “Klasse”, “Toll”, “Schau”, “Geil” (sehr gut), “Megageil” (sehr sehr gut), “Cool” (besonders gut), “Fett” (sehr gut), “Funky” (sehr gut), “Krass” (sehr gut), “Tierisch”, “Teufisch”, “Höllisch” (sehr gut), “Irre” (besonders gut). Употребление этих слов способствует сепаратизации, самоотделению представителей этой группы общества от прочих и одновременно объединяет их в некоторую “свою” группу [4, с. 55]. Иными словами, молодые люди стремятся к нестандартному словесному выражению (межгрупповой конформизм), с другой стороны, он перенимает особые экспрессивные слова и выражения у партнеров по речевым контактам из своей возрастной группы, чтобы говорить “как все” в группе (внутригрупповой конформизм).

Процесс общения является сложным явлением, требует взаимодействие многих факторов – когнитивных, языковых и внеязыковых. В последнее время сказывается тенденция к активизации употребления молодежного сленга в различных типах дискурса. В частности, использование сленга в художественной литературе создает эффект языкового реализма.

Молодежный сленг представлен также и в театральном дискурсе, что, как и художественный,
14 апреля 2016 года, город Луганск,

использует стилистически заниженную лексику и другие элементы субстандартного языка как средство выражения авторской раскованности и стремление к эпатажу. В рекламном дискурсе, дискурсах печатных средств массовой информации учитываются особенности речевого поведения, возрастные, социальные, психологические характеристики молодежи. Например, для дискурса печатных средств массовой информации, среди которых рассчитаны на молодежь до 16 лет газеты и журналы «Girls», «Mädchen», «Bravo», «Schekker» и другие, характерно чрезмерное употребление американизмов, разговорной речи с ее упрощенной структурой предложений и сленга. Построение аргументации осуществляется преимущественно в виде косвенных оценок, с помощью ремарок, использования иллюстраций и графических средств.

В последнее время благодаря развитию информационных технологий усиливается значение Интернета - дискурса в общении молодежи, образуется в виртуальном пространстве. Он является разновидностью коммуникации как системы сообщений, материализуется в электронном тексте с помощью компьютера. В этом типе дискурса используется как специальный, так и общеизвестный молодежный сленг. В рамках новой коммуникации для выражения субъективного отношения и эмоций используются многочисленные графические изображения (в виде смайликов, растянутых букв, повторяющихся знаков препинания), упрощенная грамматическая структура предложений. Использование сленга участниками Интернет-коммуникации способствует достижению статусной равноправия и сокращению дистанции при общении [1, с. 5].

Одной из важнейших причин использования молодежного сленга Г. Эманн считает «аспект протеста» (der Protestaspekt), так как сама молодежь понимает свой

язык в основном как оружие против языковых норм взрослого мира и в первую очередь против самих взрослых, где грубость и цинизм чаще всего адресованы не товарищам, а «предкам», «старикам», «шнуркам». Однако зачастую удар по норме и попрание правил языкового этикета случаются и потому, что молодые люди просто не знают, что сказать. [6, с.50]

Их излишняя простота и грубость в выражениях в этих случаях может быть объяснена замешательством или смущением. Они могут быть достаточно неуклюжими даже в ответ на вашу благодарность, и, хотя им и приятно, что их хвалят, они чувствуют себя в достаточной степени неловко, чтобы ответить лишь невнятным бурчанием, понятным только им самим. Если же речь идет об ответе на что-то плохое, то здесь подросток умеет придать экспрессию даже нейтральной лексике, делая ее максимально обидной для адресата.

Но наибольшей экспрессивной окраской в любом языке обладает табуированная (инвективная) лексика. Частота употребления последней в молодежных кругах значительно выше, чем в остальных возрастных группах, а в последнее время заметен явный подъем частотного числа бранных выражений от общего числа употребляемых молодежью лексических единиц, что вызывает значительное беспокойство европейской общественности.

В общем молодежном сленге наблюдается полное отражение изменений, происходящих в обществе, и выражение отношения молодежи к этим изменениям. Многие взрослые не учитывают тот факт, что молодежь хочет быть культурно сознательной. Поэтому она и меняет свой язык в соответствии с ситуацией и окружением.

Как считает Т. Жаркова, общеизвестный немецкий молодежный сленг имеет в своем арсенале обширную систему понятий и наименований. Она предлагает следующую классификацию, которую мы дополнили

14 апреля 2016 года, город Луганск,

собственными примерами, собранными из лексикографических источников. [3, с. 6]. Итак, немецкий молодежный сленг состоит преимущественно из:

- Оценочных понятий: abfetzmäßig, affengeil, aldi, analog, cool, endgeil, fett, galaktisch, gelassen, gültig, höllisch, konkret, krass, lässig, locker, oberaffengeil, teuflisch, tierisch, spitze, symreal, tiffig, top, ultimativ.
- Названий средств передвижения и предметов, используемых в быту: die Bohrkrücke, Blechhaufen, Kinderwagen, Rostlaube, Schrottkarre, der Kasten, der Riesenorgel.
- Существительных, обозначающих родителей: Mumie, Erzeuger, Grufties, Alte, Kalkleisten (родители), Daddy (отец).

После изучения многочисленных источников, мы ходим привести пример часто употребляемых немецких выражений, часто встречающиеся в современной разговорной речи:

Lasst mich in Ruh(e)! = Bleibt mir vom Lieb! – Отвяжитесь, отцепитесь (= отстаньте) от меня! (Это необходимое, но очень жесткое требование оставить кого-либо в покое).

Junge, Junge! — Но-но, поосторожней (полегче)! (Это необходимое выражение содержит в своей семантике предостережение кого-либо, призыв к осторожности в определенном смысле, исходя из контекстного употребления).

Dummer Junge! Dummes Mädchen! – Глупыш! Глупышка! (Данное обращение чаще всего имеет необходимое снисходительное значение).

Habt ihr sonst noch Schmerzen? — У вас есть еще какие-то пожелания? (Это чисто разговорное выражение, основное значение существительного «Schmerzen» — печали, мучения, страдания, боль).

Aber Mensch! – Ну как не стыдно! Да что ты говоришь! Ну что же это такое! (Нейтральное звучание, в целом выражает неодобрение или же неудовольствие собеседника чем-либо).

Dies mag noch hingehen! – Сойдет! Это ещё куда ни шло! (Нейтральное звучание, выражает определенную степень одобрения чего-либо).

Er hat den lieben langen Tag gepennt! – Он подрых (= проспал) весь день (= целый божий день)!

Heraus damit! – Выкладывай! Докладывай! Говори же!
Einer Flasche hat er den Hals bereits gebrochen. –
У одной бутылки он горлышко уже скрутил. = Одну бутылочку он уже распил.

Du läufst immer Hals über Kopf! – Ты всегда носишься сломя голову!

Auf dem Flohmarkt haben wir dies und jenes gekauft. –
На блошином рынке мы накупили всякой всячины.

Es geht ihr dreckig! – У нее все хреново (дерьмово)! Дела у нее плохи!

Jetzt hat sie das Wasser bis zu ihrem Hals stehen. – Она сейчас на грани (в критическом состоянии).

Das weiss nur der liebe Himmel! – Это одному лишь господу богу известно!

Исходя из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы: основными источниками пополнения немецкого молодежного сленга являются иноязычные заимствования (среди которых преобладают английские), заимствования из уголовных и компьютерных жаргонов, заимствования из общелитературного языка, что очень часто сопровождается метафорическим или метонимическим переосмыслением значения, и словообразование; сленг употребляется чаще всего в художественном, рекламном дискурсе, дискурсе СМИ и Интернета. Такое массовое распространение молодежного сленга как средства общения современного поколения

позволяет признать его существование как целостное явление.

Дальнейшие исследования планируется посвятить анализу литературных произведений современных немецких авторов на наличие в них сленга.

На наш взгляд, изучение сленга приобретает возрастающую актуальность в условиях расширяющихся международных контактов, помогает лучше понять национально-специфические особенности менталитета немецкой молодежи. Знание сленга приобщает изучающих немецкий язык к естественной языковой среде, способствует развитию их коммуникативной компетенции. Незнание же сленга ведет при осуществлении акта межкультурной коммуникации к разного рода курьезам и речевым ошибкам, коммуникативным “сбоям”, предупреждению которых необходимо уделять особое внимание.

Список использованных источников

1. Білас А. А. Український сленг як перекладний відповідник французького аргю // Проблеми семантики слова, речення та тексту : зб. наук. праць / Міністерство освіти і науки України, Київ. нац. лінгв. ун-т; [Відп. ред. Н. М. Корбозерова]. – К. : КНЛУ, 2006. – Вип. 17. – С. 7 – 13.
2. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики Deutsch-russisches Wörterbuch der Umgangssprachlichen und Saloppen Lexik: свыше 30 000 терминов./В.Д Девкин -М.: ЭТС, 2000. - 407 с.
3. Жаркова Т. И. Сленг современной немецкой молодежи как средство развития коммуникативной компетенции студентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://festival.1september.ru/articles/500187/> (дата обращения: 22.03.2016)
4. Розен Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке / Е. В.

Розен. – М., 1991. **5.Савич К.** Сленг як складова молодіжної субкультури // Актуальні питання культурології : альманах наук. т-ва. «Афіна» каф. культурології / Рівнен. держ. гуманіт. ун-т, Каф. Культурології./ К. Савич – Рівне : РДГУ, 2007. – Вип. 5. – С. 82 – 84. **6. Ehmman H.** Voll konkret : das neueste Lexikon der Jugendsprache. – Orig. – 2. Auflage./ Н. Ehmman – München : Beck, 2003. – 161 S.

Конарева А. А. К вопросу о формировании немецкого молодёжного сленга

Данная статья посвящена изучению сленга как одной из основных форм речевой деятельности. Проанализированы факторы, воздействующие на возникновение и развитие сленга; изучены его сферы употребления; раскрыты причины употребления сленга молодым поколением.

Ключевые слова: сленг, жаргон, язык, аргот, вульгаризмы, заимствования, профессионализмы.

Konareva A. A. The question of the formation of the German youth slang

This article is devoted to study slang, as one of the main forms of verbal activity. Analyzed the factors, which have affect on the emergence and development of slang; examined the scope of its use; disclosed the reasons of using slang by younger generation.

Keywords: slang, jargon, language, argot, vulgarisms, borrowings, professionalisms.

Коршко Т.А.

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЦВЕТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ

Фразеология предлагает различные типы классификаций фразеологического состава языка в зависимости от свойств фразеологизмов и методов их исследования. У исследователей фразеологического состава русского и иностранных языков имеется множество мнений о том, что такое фразеологизм, при чем наблюдается разница во взглядах на то, каков состав таких единиц в каждом из языков.

Целью данной статьи является рассмотрение различных типов классификаций немецких фразеологических единиц с цветовым компонентом, выделение особенностей этих классификаций.

Авторы по-разному определяют отнесенность к фразеологизмам различных групп словосочетаний и степень устойчивости словосочетаний.

Так, например, Швейцер А. Д [17, с. 14] в состав фразеологизмов включает пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы, а Телия В. Н. [15, с. 19] к фразеологизмам относит простые фразеологические сочетания, фразеологические единства и идиомы.

И.И. Чернышева предлагает функциональную классификацию немецких фразеологических единиц, основанную на их функциях и структурно-семантических особенностях [16, с. 158]. По характеру значения, возникающего в результате взаимодействия структуры, сочетаемости и семантического преобразования компонентного состава, различает И.И. Чернышева:

- 1) фразеологические единства;
- 2) фразеологические сочетания;
- 3) фразеологические выражения.

В работах Д.Г. Мальцевой прослеживаются способы и методы отбора, тематической классификации и систематизированного описания фразеологии немецкого языка в лингвострановедческом аспекте [10, с. 12].

Фразеологические единицы с национально-культурной семантикой группируются автором по следующим тематическим разделам:

- фразеологизмы, отражающие особенности природно-географической среды (основанные на названиях деревьев и кустарников, на образах животного мира);
- фразеологизмы, отражающие факты и события из истории страны; названия немецких денежных единиц, мер длины и веса и их отражение в фразеологизмах;
- фразеологизмы, отражающие различные стороны традиционного быта, образа жизни немцев: ремесло; жизнь крестьян; письмо; язык; студенческую жизнь; игры; названия кушаний и напитков; традиционные приветствия и пожелания; названия праздников и предметов одежды,
- фразеологизмы, отражающие старинные обычаи, поверья, приметы;
- фразеологизмы, отражающие национально-специфичные жесты;
- фразеологизмы, отражающие развитие военного дела в Германии;
- фразеологизмы, содержащие топонимы, антропонимы и оттопонимические образования и т.д.

Фразеологизмы немецкого языка с национально-культурной семантикой подразделяет Остапович О. Я. на две большие группы [14, с. 46]:

1. Фразеологизмы с национально-культурной семантикой, отражающие факты, явления, ситуации, предметы и т.п., не характерные для носителей русского языка, отсутствующие в русскоязычном обращении, например: «jmdm. einen Korb geben, bis in die Puppen gehen usw».

2. Фразеологизмы, отражающие в своей семантике предметы, названия животных, растений, явления, ситуации, характерные в большей степени в силу определенного экономического и исторического развития страны для носителей немецкого языка, хотя они известны и в русскоязычном пространстве.

В русском языке в центр лексико-семантической группы слов для обозначения цвета относятся: «красный», «желтый», «зеленый», «голубой», «синий», «коричневый», «черный», «белый», «серый».

В немецком языке выделяется группа из 11 слов, которые являются основными лексемами для обозначения цвета: «weiß», «schwarz», «grau», «rot», «gelb», «blau», «grün», «orange», «lila», «braun», «rosa».

В немецком языке исследования в области цветономинации не столь многочисленны и разнообразны. Так, в диссертации Т.Б. Козак путем диахронического анализа слов, рассматривается вопрос зарождения словоформ и развития их семантики в разные периоды развития немецкого языка. В этом исследовании рассматриваются прилагательные для обозначения цвета, на трех диахронических срезах немецкого языка [7, с. 10]:

- древневерхненемецкий;
- средневерхненемецкий;
- нововерхненемецкий.

Среди диссертационных работ также работы, посвященные вопросам семантики прилагательного для обозначения цвета. Например, в диссертации О.А. Зубач изучаются лингвокультурологические аспекты колористической фразеологии современного немецкого языка [10, с. 10].

Автором выявлено 11 лексем для обозначения цвета «schwarz», «blau», «grün», «golden / goldig», «weiß», «rot», «grau», «gelb», «braun», «silbern», «rosa / rosig».

Л.А. Ковбасюк рассматривает также семантические трансформации дериватов с компонентом «цветоназвание». Такие единицы вторичной номинации делятся на производные и сложные [14, с. 9].

К первой группе относятся:

1) производные существительные, образованные от цветоназвания путем: а) аффиксального словообразования от основных цветообозначений, кроме «grau», с помощью суффикса -er: «Grüner»; б) субстантивацией основных цветообозначений «blau», «braun», «gelb», «grün», «schwarz» и «weiß», обозначающие представителей определенной профессии, расы или объекты реального мира: «die Blaue»; «großes Schwarzes»;

2) производные глаголы, образованные путем суффиксального способа словообразования от основных цветообозначений «schwarz», «weiß», «blau» с помощью: суффикса -en: «blauen»; «weißen»; «schwärzen»; «bläuen».

Вторая группа включает в себя:

1) сложные прилагательные: «käseweiß»; «immergrün»;

2) сложные существительные: «Schwarzhemden»;

3) сложные глаголы: «sich weißbrennen»; «schwarzarbeiten».

В немецком языке существуют и первично-номинативные, и вторично-номинативные, имплицитные и эксплицитные лексемы для обозначения цвета,
14 апреля 2016 года, город Луганск,

используемые для характеристики человека как биологического существа, его физических, этических, эмоционально-психологических качеств, его социальной природы.

Встречаются исследования прилагательных для обозначения цвета, связанных с человеком и частями его тела, о чем пишет Т.М. Гайдукова [5, с. 4]. В диссертационной работе рассматривается функционирование первично номинативных и вторично-номинативных цветовых наименований при характеристике человека в немецком языке. С помощью лексем для обозначения цвета ярко представлена как материальная, так и духовная стороны человека. Поэтому разработка и решение проблемы, которая направлена на изучение природы и закономерностей функционирования лексем для обозначения цвета при названии человека, может способствовать более глубокому пониманию соотношения между действительностью, сознанием и языком, поскольку цвет играет чрезвычайно важную информативную роль в процессе познания реальной действительности. В немецком языке выделяется группа из 11 слов, которые являются основными лексемами для обозначения цвета: «weiß», «schwarz», «grau», «rot», «gelb», «blau», «grün», «orange», «lila», «braun», «rosa».

Исследование Т.М.Гайдуковой показало, что группа базовых лексем для обозначения цвета человека отличная со своим составом от данного универсального набора основных лексем для обозначения цвета. Она не включает лексемы «orange», «lila», однако в ее состав входят прилагательные «blond», «blass», «bleich», что являются периферийными в общей классификации лексем для обозначения цвета.

При анализе лексем для обозначения цвета авторы опираются на их системную организацию внутри лексико-семантической группы. Обычно считается, что выделение

семантического поля лексем для обозначения цвета не представляет особого труда, потому что эта группа четко отделяется в языке.

Такое действительно существует в современных языках. И почти все исследования лексики для обозначения цвета как системы ориентированы на анализ современных языков или на всякий случай по сравнению недавних периодов их развития, когда в языке уже оформилось четкое понимание цвета как такового.

В лексико-семантической группе лексем для обозначения цвета существуют внутренние парадигматические отношения, а также подобные синтагматические, которые стали предметом изучения в диссертационном исследовании С.О.Кантемира. Он рассматривает синтагматические и парадигматические свойства 9 прилагательных «weiß _белый», «schwarz _черный», «rot _красный», «blau _синий, голубой», «grün _зеленый», «grau _серый», «braun _коричневый», «gelb _желтый», а также «rosa _розовый» [13, с. с.6]. Пользуясь различными методами и выделяя не всегда одинаковые признаки для членов «центра» системы лексем для обозначения цвета, выводы исследователей часто совпадают. Цвет – явление сложное, имеет свои национальные особенности в зависимости от истории, культуры, традиций того или иного народа. Так, зеленый цвет символизирует у болгар – урожай, у венгров – надежду, у немцев – чистоту, нежность, непорочность, у афганцев – плодородие и жизнь.

Таким образом, классификацию немецких фразеологических единиц с цветовым компонентом каждый автор рассматривает по-разному. В состав фразеологизмов включают пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы, простые фразеологические сочетания, фразеологические единства и идиомы. Мы склоняемся к функциональной

14 апреля 2016 года, город Луганск,

классификации, основанной на функциях и структурно-семантических особенностях, фразеологизмов, выделяем немецкие фразеологизмы с национально-культурной семантикой, семантические трансформации дериватов, функционирование фразеологизмов при характеристике человека.

Список использованных источников

- 1. Гайдукова Т.М.** Семантика немецких фразеологизмов / Т. М. Гайдукова. – Нижний Новгород, 2011. – 383 с.
- 2. Гайдукова Т.М.** Цветообразование человека и частей его тела: автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук: 10.02.04 «Германские языки» / Т.М. Гайдукова. – Нижний Новгород, 2008. - 23 с.
- 3. Зубач О.А.** Національно-культурна своєрідність семантики фразеологічних одиниць з колористичним компонентом у сучасній німецькій мові: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: 10.02.04 «Германські мови» / О.А. Зубач. - Донецьк, 2007. - 23 с.
- 4. Зубач О.А.** Германські мови / О. А. Зубач. – Донецьк, 2012. – 158 с.
- 5. Кантемір С.О.** Синтагматичні та парадигматичні властивості прикметників кольору в німецькій мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04. «Германські мови» / С.О. Кантемір. – Одеса, 2003. – 22 с.
- 6. Козак Т. Б.** Лексико-семантична група слів, які позначають колір у німецькій мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04. «Германські мови» / Т. Б. Козак. – Одеса, 2002. – 18 с.
- 7. Остапович О. Я.** Фразеологізовані образи-символи з країнознавчою семантикою у мовних взаємовпливах Австрії й України / О. Я. Остапович // Мовознавство. – К., 1996. – № 6. – С. 46–49.
- 8. Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия - М. : Наука, 1986. – 143 с.
- 9. Чернышева И.**

И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева– М. : Высшая школа, 1970. – 200 с. 10.
Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер–
Москва : Военное изд-во Министерства обороны СССР,
1973. – 280 с.

Коршко Т.А. Особенности немецких фразеологических единиц с цветовым компонентом

В статье исследуются особенности немецких фразеологических единиц с цветовым компонентом, выделяется классификация немецких фразеологических единиц с цветовым компонентом.

Ключевые слова: Семантика, фразеология, фразеологизм, фразеологическая единица.

Korshko T.A. Particular qualities of German phraseological units with a color component

The article examines the characteristics of German phraseological units with a color component, classification of German phraseological units with a color component.

Keywords: Semantics, phraseology, idiom, phraseological unit.

УДК 81'42:[82.09:316.7]

Криничная Т. В.

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ
И ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ИХ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

В наши дни изучение взаимосвязи языка и культуры стало одним из актуальных направлений переводоведения. Это объясняется осознанием того факта, что полноценное межкультурное общение в современном мире невозможно без учёта культурной принадлежности участников коммуникации. На протяжении последних десятилетий изучение уникальной народной культуры посредством языка, который сохраняет и передаёт культурные ценности и мировоззрение нации, обусловило рост исследовательского интереса к лексике, содержащей в себе национально-культурный компонент. Этнолингвистическое направление, берущее истоки в исследованиях Ф. Боаса, Э. Сепира, А. Потемни, ориентировано на реконструктивный план выявления культурных уровней в формировании лексического фонда языков [7, с. 294].

Экстралингвистический потенциал языковых единиц исследуется сегодня такими направлениями языкознания, как лингвокультурология, этнолингвистика, психолингвистика и другие дисциплины. Учёными выделяется множество механизмов взаимодействия языка и культуры, например, лакуны, фоновые знания, концепты, картина мира и другие [5, с. 181].

Следует отметить, что в связи с существующей тенденцией лингвистических исследований именно произведения художественной литературы представляют

особый интерес в области перевода культурно-маркированной лексики. Художественный текст представляет собой художественную модель окружающей действительности, в которой фиксируется национально-культурная специфика как вербального, так и невербального поведения этноса, сформировавшегося под воздействием определённых исторических и социально-культурных факторов. Особое значение приобретает здесь проблема воспроизведения культурно-специфической информации оригинального текста в тексте перевода. Необходимо учитывать, что художественный текст содержит не только фактуальную, эмоциональную и эстетическую информацию, он также обладает функцией эмоционального воздействия на реципиента. При этом проблема сохранения способности текста производить определённый коммуникативный эффект и вызывать у реципиента прагматическое отношение к сообщаемому, вызывает наибольшую трудность, в силу того, что она связана с полнотой воспроизведения в тексте перевода культурно-специфической информации, содержащейся в тексте оригинала [6, с. 3].

Целью статьи является выделение особенностей передачи национально-культурного колорита при переводе современного англоязычного произведения; анализ выбранных переводческих стратегий при переводе реалий.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих задач: 1) проанализировать языковые средства выражения этнокультурного колорита и сложности его передачи в художественном тексте; 2) охарактеризовать выбранные переводческие стратегии.

Объектом исследования является оригинальный текст и перевод романа Джумпа Лахири «На новой земле».

Предметом исследования выступает культурно-маркированная лексика данного художественного

произведения и способы её адекватного воспроизведения на переводящем языке.

Термин «культурно-маркированная лексика» появляется в работах русских лингвистов в 80-х годах XX века – а именно у Н. Е. Меркиш, И. Е. Аверьяновой – при сопоставлении русского языка с немецким и английским, соответственно. Культурно-маркированными единицами называют слова, обладающие экстралингвистическим фоном и вследствие этого являющиеся источником социокультурной информации о стране изучаемого языка [8, с. 46].

В большей степени национально-культурное своеобразие проявляется через лексико-семантические лакуны – так называемые «дыры» в системе, т.е. отсутствие лексемы на определённом месте в структуре лексической парадигмы. С. Влахов и С. Флорин под этим феноменом подразумевают реалии как особую категорию средств выражения, то есть «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, которые, будучи носителями национального и/или исторического колорита, не имеют точных соответствий в другом языке» [2, с. 45].

Избранное нами для анализа произведение является образцом синтеза двух культур – американской и индийской, – а потому содержит в себе множество примеров культурно-специфической лексики, или реалий.

В лингвистической науке существует несколько классификаций реалий: тематическая, синтаксическая, по временному признаку, по местному признаку и другие. Для нашего исследования особый интерес представляет классификация реалий по предметному делению, предложенная лингвистами С. И. Влаховым и С. П. Флориным [1, с. 50]. Следуя данной классификации,

принято выделять такие разделы, как географические реалии, общественно-политические и этнографические.

Проведя анализ романа Джумпа Лахири «На новой земле» мы пришли к выводу, что чаще всего в тексте произведения встречаются реалии, которые упомянутые исследователи относят к этнографическому разделу.

Так, в ходе общей выборки были выделены следующие реалии из сферы быта: а) пища, напитки: *jelabis* – джеллаби, *moghlay parathas* – муглай парата, *pantuas* – пантуа, *tandoori* – тандури, *bollito misto* – боллито мисто, *donuts* – донатс, *ricotta* – рикотта, *mortadella* – мортаделла, *salami* – салями, *polenta* – полента; б) одежда (включая обувь, головные уборы и пр.): *sari* – сари, *bindi* – бинди, *shalwar kameez* – шальвар-каميز.

В тексте встречаются также и реалии, которые можно отнести к сфере культуры и искусства: а) праздники, обычаи: *pujo* – пуджо, *annaprasan* – аннапразан, *Thanksgiving* – День благодарения, *Memorial Day* – Мемориальный день, *Veterans Day* – День ветеранов; б) предметы искусства: *Madhubani painting* – картина в стиле росписей мадхубани.

Самый обширный пласт среди культуронимов романа занимает культурно-специфическая лексика, которая относится к национальной кухне. В ходе анализа было обнаружено значительное количество названий тех или иных блюд, служащих яркими примерами этнического колорита. Нужно отметить, что в числе таких реалий присутствуют не только оригинальные названия блюд американской и индийской кухонь, но также и блюда итальянской кухни.

Исходя из этого, мы предлагаем условно разделить все выделенные бытовые культуронимы на три категории: 1) американская кухня: *donuts* – донатс, *burrito* – буррито (мексиканское блюдо, очень популярно в Америке), *Nice*
14 апреля 2016 года, город Луганск

biscuits – печенье «Найс», *box of Cheerios* – коробка шоколадных шариков; 2) индийская кухня: *chorchori* – чорчори, *dal* – дал, *begunis* – бегуни, *mishti* – мишти, *mackerel* – макрель, *luchis* – лючиз, *biscotti* – бискотти, *khichuri* – кичури, *chanachur* – чаначур; 3) итальянская кухня: *bruschetta* – брускетта, *pappardelle* – пapparделли, *casio e pepe* – качо е пепе, *carbonara* – карбонара, *panini* – панини.

Кроме того, особое место в текстовом пространстве романа занимают так называемые локальные реалии – в отличие от национальных, они принадлежат не языку соответствующего народа, а либо диалекту, его наречию, либо языку менее значительной социальной группы [1, с. 62]. К таким реалиям относится всё многообразие принятых в семье главных героев романа обращений, характерных для бенгальской традиции. Так, вместо привычного для англоговорящих людей слова «*dad*» бенгальцы говорят «*Baba*» – «баба», а, например, бабушку у них принято называть «*Dida*» – «дида».

В романе «На новой земле» в ходе общей выборки было выделено 9 традиционно бенгальских обращений, а именно: *Dadu* – даду (дедушка), *Babu* – бабу (дочь), *Didi* – диди (старшая сестра), *Pranab Kaku* – Пранаб-каку (дядя Пранаб), *Shyamal Da* – Шшамал-да (старший брат), *Boudi* – буди (жена старшего брата), *Deborah Kakima* – Дебора какима (тётя Дебора), *Baba* – баба (отец), *Dida* – дида (бабушка).

Традиционно перевод реалий принято считать проблемным для переводчика, так как даже в близкородственных языках полных эквивалентов тех или иных культурно-маркированных слов как на морфологическом, так и на фонетическом уровнях практически не существует. При этом, как отмечают исследователи, реалии не зависят от предпочтений того или иного языкового коллектива, а возникают вследствие

специфических географических условий, в которых тот или иной коллектив проживает, а также с учётом особенностей мышления и культуры каждой конкретной нации. Таким образом, в случае с передачей реалий целесообразнее говорить о переводе не как о поиске эквивалента, а как о воссоздании лексемы, близкой по значению к лексеме языка-источника, о её переименовании.

Впервые приёмы перевода реалий были предложены в трудах советского учёного А. В. Фёдорова. Выделив реалии из всего слоя безэквивалентной лексики, он указал на необходимость фоновых знаний, на их особенности, трудности при переводе и наметил пути преодоления этих трудностей. Он выделил три основных способа передачи реалий: 1) транслитерацию: полную или частичную; 2) создание нового слова; 3) приблизительный перевод. В более поздних работах автора добавляется транскрипция и гипонимический, или обобщённо-приблизительный, перевод [3, с. 181].

Культурологический материал, отобранный из русскоязычного и англоязычного текстов романа Джумпа Лахири «На новой земле» позволил прийти к выводу, что основными приёмами, использованными переводчиком Антониной Галль при передаче культуронимов являются транслитерация и переводческая транскрипция.

Транскрипция – это передача слов языка-источника с помощью записи их звучания графемами языка перевода [4, с. 17]. В контексте русскоязычных слов транскрибированное слово-реалия выделяется как чужое, оно придаёт предмету, который обозначает, коннотацию необычности, оригинальности, что, в свою очередь, способствует перенесению читателя в атмосферу иностранного языка.

Так, из 45 реалий, выбранных в ходе анализа произведения, 15 были переведены с помощью

транскрипции, а именно: *Shyamal Da* – Шуамал-да, *Boudi* – буди, *chorchori* – чорчору, *mishti* – мишти, *mackerel* – макрель, *moghlai parathas* – муглай парата, *tandoori* – тандури, *khichuri* – кичури, *donuts* – донатс, *gelato* – джелато, *salami* – салями, *bruschetta* – брускетта, *rappardelle* – рапарделли, *cacio e pepe* – качо е пепе, *shalwar kameez* – шальвар-камиз.

подавляющее большинство реалий (27) было переведено методом транслитерации, который называют механическим приёмом передачи культурно-специфической лексики. Среди таких примеров можно выделить следующие: 1) практически все бенгальские обращения: *Dadu* – даду, *Babu* – бабу, *Didi* – диди, *Pranab Kaku* – Пранаб-каку, *Deborah Kakima* – Дебора какима, *Baba* – баба, *Dida* – диди; 2) реалии из индийского быта: *dal* – дал, *begunis* – бегуни, *pantuas* – пантуа, *bollito misto* – болито мисто, *chanachur* – чаначур, *biscotti* – бискотти, *sari* – сари, *bindi* – бинди, *pujo* – пуджо, *annaprasan* – аннапразан; 3) блюда итальянской кухни: *ravioli* – равиоли, *mortadella* – мортаделла, *polenta* – полента, *tortelli* – тортелли, *ribollita* – риболлита, *panini* – панини.

Переводчику романа Антонине Галль пришлось отойти от выбранной ею стратегии при переводе следующих реалий: *Nice biscuits* – печенье «Найс» (1), *box of Cheerios* – коробка шоколадных шариков (2), *Madhubani painting* – картина в стиле росписей мадхубани (3). Так, пример (1) был переведён сочетанием двух трансформаций: калькирования и транскрипции. В примере (2) применена генерализация, что свидетельствует о том, что переводчик учёл отсутствие у русскоязычных читателей фоновых знаний относительно компании «Cheerios», которая производит традиционное американское блюдо на завтрак – шоколадные шарики, которые обычно заливают молоком. Для перевода примера (3) была использована комбинированная реноминация, то

170

есть объединение транслитерации и описательной перефразы, которые переводчик умело вставил в текст. Применение комбинированной реноминации позволяет описательно объяснять любую безэквивалентную лексическую единицу, что в условиях сохранения этнического колорита произведения является очень важным.

Проанализировав способы передачи на английский язык культурно-маркированной лексики в романе «На новой земле», можно сделать выводы относительно функциональной значимости реалий в художественном тексте и их месте в переводе. Большинство реалий, встречающихся в произведении, выступают в роли художественных деталей и являются весомыми компонентами, которые создают яркость и образность национальной специфики. Основными переводческими приёмами, использованными А. Галль для передачи безэквивалентной лексики на русский язык стали транслитерация и транскрипция. Выбор данных стратегий определяется тем, что главной задачей переводчика было воспроизведение фонетического состава культуронимов, что помогло сохранить национальную специфику, представленную в произведении.

Культурно-маркированная лексика требует творческого подхода и глубоких лингвострановедческих знаний переводчика при передаче её на иностранные языки. Стараясь хорошо выполнить свою работу, переводчик каждый раз оказывается перед двуединой задачей: верно передать не только слова и идею какого-либо писателя, но и колорит культурной жизни его народа [2, с. 46].

Проведённое исследование не исчерпывает всех аспектов рассматриваемой проблемы и может служить основой для дальнейших исследований, поскольку именно переводы произведений

художественной литературы обладают богатым иллюстративным материалом для исследования средств выражения и воссоздания этнокультурного колорита на разных языковых уровнях.

Список использованных источников

- 1. Влахов С. И.** Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин Непереводимое в переводе. Изд. 4-е. М. : Р. Валент, 2009. – 360 с.
- 2. Вотинцева М. Л.** Переводчик как медиатор межкультурной коммуникации / М. Л. Вотинцева // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Том 24, №2, Часть 1. – С. 43 – 47.
- 3. Гудий К. А.** Типология приёмов передачи культурно-специфических слов / К. А. Гудий // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 180 – 184.
- 4. Левітін Т. Л.** Структурні й семантичні особливості відтворення німецько- та англомовних реалій українською мовою / Т. Л. Левітін // Вісник КДПУ імені М. Остроградського. – 2007. – Вип. 5, Част. 1. – С. 16 – 19.
- 5. Леонтьева А. Е.** Использование культурно-маркированных языковых единиц в анализе значимых компонентов лингвокультуры российских немцев / А. Е. Леонтьева // Вестник НГПУ. – 2012. - №5. – С. 181 – 186.
- 6. Семёнова Е. П.** Языковая репрезентация культурно-специфической информации в художественном тексте (на материале современной русской прозы и ее переводов на английский язык) : автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. фил. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е. П. Семёнова. – Калининград. – 2012. – 24 с.
- 7. Тарасова В. В.** Національна специфіка лексики (на прикладі ЛСП "Засоби пересування" в англійській, німецькій, російській та українській мовах) / В. В. Тарасова // Вісн. КНУ ім. Т. Шевченка. Studia Linguistica. – 2009. – Вип. 3. – С. 294 – 172

298. **8. Яшина М. Г.** Анализ и семантизация культурно-маркированной лексики (на основе итальянского языка) : автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. фил. наук : спец. 10.02.05 «Романские языки» / М. Г. Яшина. – М. – 2009. – 20 с.

Криничная Т.В. Языковые средства выражения национально-культурной специфики и проблема передачи их в художественном тексте

Исследованы особенности передачи национально-культурного колорита при переводе современного англоязычного художественного текста; проанализированы самые употребительные способы перевода культурно-маркированной лексики; охарактеризована функциональная значимость реалий в художественном тексте и их место в переводе.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика, реалия, транскрипция, транслитерация, культуроним.

Krinichnaya T.V. Linguistic Means of Expressing Ethnocultural Information and its Translation in Literary Texts

This article presents an attempt to analyse linguistic means of expressing national and cultural peculiarities in literary translation. The problem of translation of the culture-specific lexis is examined in the article. The author provides the analyses of the most generally used translating methods of the culture-specific concepts. Functional significance of the nationally biased units is characterized.

Key words: culture-specific lexis, realia, transcription, transliteration, culture-specific concept.

УДК 81.111'373.7

Ляшенко Н.А.

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеология – это наука о фразеологических единицах (фразеологизмах), т.е. об устойчивых сочетаниях слов с осложненной семантикой, не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний.

Во фразеологизмах находит свое отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Фразеологизмы часто носят ярко выраженный национальный характер. Наряду с чисто национальными фразеологизмами в английской фразеологии имеется много интернациональных фразеологизмов. Английский фразеологический фонд – сложный конгломерат исконных и заимствованных фразеологизмов с явным преобладанием первых. В некоторых фразеологизмах сохраняются архаические элементы – представители предшествующих эпох.

Наше внимание будет сосредоточено на компонентах фразеологизмов, а именно, тех лексемах, денотативным значением для которых является обозначение человека, его внешности, черт характера, поведения, профессии. Такие фразеологизмы имеют название антропоцентризмы. Изучению семантических особенностей антропоцентрических фразеологических единиц (АФЕ) английского языка и посвящена данная статья, тем более что анализ АФЕ в английской фразеологии - тема, мало изученная и представляющая огромный интерес для разработки общей теории фразеологии, а также, ее семантическая

ориентированность на человека, исследуемого материала.

Все вышесказанное и определило актуальность и тему статьи «Антропоцентризм в английской фразеологии». На сегодняшний день антропологический аспект вызывает все больший интерес в различных науках и исследованиях.

Цель данной статьи – выявление семантических особенностей фразеологизмов в английском языке, в частности, на примерах использования антропоцентризмов во фразеологических оборотах, анализ их особенностей.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- 1) отобрать из лексикографических источников фразеологические единицы, носящие антропоцентрический характер;
- 2) проанализировать их с точки зрения семантико-грамматических свойств;
- 3) классифицировать фразеологические единицы, носящие антропологический характер, согласно классификации, предложенной А. В. Куниным;
- 4) описать их логические, смысловые, исторические связи.

Объектом являются фразеологические единицы английского языка, носящие антропоцентрический характер, представленные на материалах английского языка.

Предметом исследования являются семантические особенности АФЕ, их структурно-грамматические и семантические особенности в исследуемом языке, рассмотренные в ходе анализа.

Материалом исследования послужили 472 антропоцентрические фразеологические единицы, отобранные из одноязычных и двуязычных словарей.

При написании статьи автор пользовалась следующими методами: метод сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка, позволяющий выделить группу АФЕ из общего разряда фразеологии, классификационный метод исследования антропоцентрических фразеологических единиц, а также, теоретический анализ литературы.

Научная новизна статьи состоит в многостороннем раскрытии основных свойств фразеологических единиц, носящих антропоцентрический характер, выявлении их особенностей и частичной классификации.

Практическая ценность данного исследования – в том, что результаты исследования могут найти применение в курсах лексикологии, фразеологии английского языка, на практических занятиях по английскому языку в вузе.

Теоретическая значимость состоит в получении новых знаний о фразеологических особенностях исследуемого языка в антропоцентрическом аспекте. Результаты исследования в статье являются определенным вкладом в исследование языковых особенностей английского языка на лексическом уровне.

Антропология – это учение о физических, социальных и культурных характеристиках человечества. Антропология имеет свои источники в естествознании, человечестве и социальных науках. В английской фразеологии антропоцентризмы занимают существенное место т.к. являются ярким примером отношения человека к действительности, к традициям и жизни его народа или страны, это философский термин, который на первое место ставит человеческий фактор и его влияние на все,

что происходит вокруг, в т.ч. и развитие и употребление языка.

Антропоцентризм (от греч. *άνθρωπος* — человек и лат. *centrum* — центр) — философское учение, согласно которому человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий.

Антропоцентризм предписывает противопоставлять феномен человека всем прочим феноменам жизни и Вселенной вообще. Лежит в основе потребительского отношения к природе, оправдания уничтожения и эксплуатации других форм жизни.

В оппозицию ставится также мировоззрению монотеистических религий, где центром всего является Бог, а также античной философии, где в центре всего находится космос.

Антропоцентризм — явление языковой онтологии универсального характера, которое связано с более узким понятием в сфере человеческого фактора — субъективностью языка. Сущность антропоцентризма можно сформулировать как субъективность построения отображающих вербальных категорий.

С лингвистической точки зрения, антропоцентричность рассматривается в качестве коннотативного пространства [1, с.3-12].

Точкой отсчета становится активная языковая личность во всем ее многообразии. Причем человеческий фактор является объектом двухстороннего рассмотрения: «человеческий фактор в языке и языковой фактор в человеке» — с одной стороны, оценивается влияние субъективного на языковые факты, а с другой — как «языковленная картина мира воздействует на человека» [2, с.270-271].

В философских трудах антропоцентризм определяется в мировоззренческом плане — как сугубо европейский гуманистический ракурс восприятия и

осмысления мира, выступающий необходимым атрибутом и сущностным признаком культуры и противопоставленный теоцентризму. Акцентированный Декартом, антропоцентризм утвердил культ разума и ориентацию на манипулирование окружающей реальностью, что и стало одной из базовых концепций эпохи модерна, т.е. Нового Времени. При этом в современных естественных науках утвердился антропный принцип, обосновывающий центрирующую роль человека как «наблюдателя» и тем самым неотъемлемого компонента Вселенной.

Проект «лингвистического Манифеста» рубежа XX-XXI вв. В.Ф. Нечипоренко вписывает «человека говорящего» в глобальный вселенский контекст. Основная мысль автора, сквозь призму которой анализируются идеи В. Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.де Соссюра, Г. Гийома, – «человек есть космическое существо, и Язык, Речь, Мышление – подсистемы этого микрокосма, при помощи которых мы познаем Вселенную, а она познает нас». На основе анализа «возвращенной лингвистики» – трудов русских религиозных философов «Школы всеединства» – В. И. Поставалова выделяет «три ступеньки в рамках лингвистического синтеза». Синтез трех аспектов знания – научного, философского, богословского – становится возможным в антропологической парадигме (антропоцентрической), включающей в себя как частный случай первую. Наконец, «вселенский синтез общечеловеческих жизней» достигается в масштабах теоантропокосмической парадигмы, поглощающей антропологическую. Правомерно сделать вывод о том, что эзотерический дискурс объективно выступает наиболее адекватным эмпирическим материалом для интегративной разработки теоретических проблем лингвистики во всех трех аспектах: имманентно-семиологическом, антропологическом,

теоантропокосмическом. Тем самым для антропоцентрической мегапарадигмы в языкознании открывается, по сути, бесконечная исследовательская перспектива.

Родоначальником теории фразеологии является швейцарский лингвист французского происхождения Шарль Балли (1865-1947). Балли включил главу о фразеологии в свои книги по стилистике. В первой книге он выделял четыре группы словосочетаний:

1) свободные словосочетания, т. е. сочетания, лишенные устойчивости, распадающиеся после их образования;

2) привычные сочетания, т. е. словосочетания с относительно свободной связью компонентов, допускающие некоторые изменения;

3) фразеологические ряды, т. е. группы слов, в которых два рядоположных понятия сливаются почти в одно (допускают перегруппировку компонентов);

4) фразеологические единства, т. е. сочетания, в которых слова утратили свое значение и выражают единое неразложимое понятие. Подобные сочетания не допускают перегруппировки компонентов.

Таким образом, Балли различает сочетания слов по степени устойчивости: сочетания, в которых имеется свобода группировки компонентов, и сочетания, лишенные такой свободы. Балли лишь схематически наметил эти группы, но не дал их сколько-нибудь подробного описания.[3,33]

Вопрос о фразеологии как лингвистической дисциплине рассматривался впервые советским лингвистом проф. Е. Д. Поливановым. Е. Д. Поливанов считал, что фразеология «займет обособленную и устойчивую позицию в лингвистической литературе будущего – когда в последовательной постановке

разнообразных проблем наша наука лишена, будет случайных пробелов».

Б. А. Ларин был первым ученым после Е. Д. Поливанова, снова поднявшим вопрос о фразеологии как лингвистической дисциплине. «Фразеология как лингвистическая дисциплина находится еще в стадии «скрытого развития», но она еще не оформилась как зрелый плод подготовительных трудов. А выделение такой дисциплины нам уже необходимо, ибо всем ясна дилетантская беспомощность, разнобой и безуспешность попутного, случайного разбора этого материала в лексикографии, стилистике, синтаксисе» [4,57].

Труды В. В. Виноградова способствовали появлению множества работ по фразеологии разных языков. Такое накопление систематических фактов – одна из предпосылок создания фразеологии как лингвистической дисциплины.

Согласно предложенной А.В. Куниным классификации, ФЕ образуют две основные группы в соответствии с характером их функционирования в речи. Номинативные единицы именуют предметы, явления, признаки и могут иметь различную структуру (*a bitter pill to swallow; a wolf in sheep's clothing; a cock-and-bull story; to stir up a hornet's nest; much cry and little wool; to call a spade; etc.*). Номинативно-коммуникативные ФЕ выполняют функции усиления речи и часто бывают, близки к междометиям, несмотря на разнообразие структурных типов (*as hell; birds of a feather; this cat won't jump; the fat's in the fire; etc.*) [5,57].

Классификация фразеологизмов с точки зрения семантической слитности их компонентов принадлежит академику В.В.Виноградову. В зависимости от того, насколько стираются номинативные значения компонентов

фразеологизма, насколько сильно в них переносное значение, В.В.Виноградов и делит их на три типа:

-фразеологические сращения, или идиомы – это абсолютно неделимые, неразложимые устойчивые сочетания, общее значение которых не зависит от значения составляющих их слов: *at bay* – загнанный, в безвыходном положении; *be at smb.'s back and call* – быть всегда готовым к услугам, быть на побегушках.

Фразеологические сращения возникли на базе переносных значений их компонентов, но впоследствии эти переносные значения стали непонятны с точки зрения современного языка. «Образность фразеологических сращений раскрывается только исторически». [6,35.] Например, слова «*bay*», означающее «тупик», и «*beck*» – «взмах руки» являются архаизмами и нигде, кроме данного выше фразеологизма не употребляются.

Фразеологические сращения обладают рядом характерных признаков:

1) в их состав могут входить так называемые некротизмы и архаизмы – слова, которые нигде, кроме данного сращения не употребляются, непонятны вследствие этого с точки зрения современного языка;

2) они синтаксически неразложимы, не допускают в свой состав дополнительных слов; в них невозможна в большинстве случаев перестановка компонентов.

-фразеологические единства – это такие устойчивые сочетания слов, в которых при наличии общего переносного значения отчетливо сохраняются признаки семантической раздельности компонентов: *to burn bridges* – сжигать мосты; *to have other fish to fry* – иметь дела поважнее; *to burn one's fingers* – обжечься на чем-либо.

Недаром академик В.В.Виноградов считает образность характерным признаком только фразеологических единств.

«Связь между компонентами фразеологического единства мотивирована, отчетливо ощущается метафоризация». [7,51]. Для понимания фразеологического единства необходимо его компоненты воспринимать в переносном значении. В составе фразеологических единств нет слов, непонятных с точки зрения современного языка.

Характерные признаки фразеологических единств:

1) яркая образность и вытекающая отсюда возможность совпадения с параллельно существующими словосочетаниями (*to throw dust into smb.'s eyes, to burn bridges*);

2) сохранение семантики отдельных компонентов (*to put a spoke in smb.'s wheel*);

3) невозможность замены одних компонентов другими (*to hold one's cards close to one's chest*);

4) способность вступать в синонимические отношения с отдельными словами или другими фразеологизмами (*to gild refined gold-to paint the lily*).

-фразеологические сочетания – в отличие от фразеологических сращений и фразеологических единств, обладающих целостным, неразложимым значением, «фразеологические сочетания характеризуются смысловой разложимостью». [8,75]. В этом отношении они сближаются со свободными словосочетаниями.

Характерные признаки фразеологических сочетаний:

1) в них допустима вариантность одного из компонентов (*a bosom friend (buddy) – закадычный друг*);

2) возможна синонимическая замена стержневого слова (*a pitched (fierce) battle – ожесточенная схватка*);

3) возможно включение определений (*he frowned his thick eyebrows*);

4) допустима перестановка компонентов (*a Sisyphean labor - Сизифов труд, a labor of Sisyphus – труд Сизифа*).

Выдвижение воспроизводимости в качестве основного признака фразеологизмов позволило профессору Н.М. Шанскому развить дальше классификацию академика В.В.Виноградова и выделить четвертый тип фразеологических единиц – так называемые «фразеологические выражения». [8,76].

Фразеологические выражения – это только обороты с буквальным значением компонентов. В состав фразеологических выражений включают многочисленные английские пословицы и поговорки, которые употребляются в прямом значении, не имеют образного аллегорического смысла: *live and learn* – *век живи, век учись*; *many men, many mind* – *сколько голов, столько и умов*; *easier said than done* – *легче сказать, чем сделать*.

В английской фразеологии антропоцентризмы занимают существенное место т.к. являются ярким примером отношения человека к действительности, к традициям и жизни его народа или страны, это философский термин, который на первое место ставит человеческий фактор и его влияние на все, что происходит вокруг, в т.ч. и развитие и употребление языка. Для того чтобы можно было выделить именно антропоцентризмы среди других фразеологизмов в языке, следует обратиться к так называемым критериям выделения АФЕ. В таких фразеологизмах обязательно должно присутствовать какое-либо описание, имеющее отношение к человеку. Это может быть:

- описание самого человека (*a busy bee* – очень занятой человек),
- описание его внешности (*as brown as a berry* – загорелый),
- действий (*eat like a horse* – есть очень большими дозами),
- состояния (*as pleased as Punch* – быть очень довольным),

- привычек (*a home bird* – быть домоседом),
- характера (*hitch one's wagon to a star* – быть честолюбивым).

Также антропоцентрические фразеологизмы могут включать:

- высказывания о профессии человека (*work like a Trojan* – усиленно работать),
- о его хобби (*get into the way of something* – увлечься чем-либо),
- о социальном статусе (*top dog* – быть очень влиятельным в обществе).

Из фразеологизмов, употребляемых в отношении того или иного человека или же его действий, привычек, мы понимаем, какое место этот человек занимает в данной прослойке общества, каким его видят окружающие. Для антропоцентризма характерна ярко выраженная образность, встречается большое количество сравнений, например,

as cunning as a fox – хитрый как лиса;

as cool as a cucumber – очень спокойный;

as drunk as a lord – сильно пьяный;

Выделять АФЕ можно еще по нескольким критериям. Это **ключевые слова**:

глагольные - *hitch one's wagon to a star* – быть честолюбивым;

адъективные - *high and mighty* — высокомерный, заносчивый;

адвербиальные – *by word of mouth* — устно, на словах;

междометные - *hear, hear!* - правильно, правильно;

различие значений:

прямое - *swim like a fish* – хорошо плавать, быть как рыба в воде;

переносное - *smoke like a chimney* – очень много курить;

контекстуальное, когда из контекста можно сделать вывод, является ли данный фразеологизм антропоцентризмом или нет, иными словами, имеет ли отношение к человеку: *The Time magazine let the cat out of the bag. Or Michael Jackson let the cat out of the bag and said...* В первом случае выражение *let the cat out of the bag* не является антропоцентризмом, поскольку не имеет отношения к человеку, речь идет о печати в журнале; во втором случае фразеологизм *let the cat out of the bag* - явно выраженный антропоцентризм, так как дает нам характеристику действий человека.

Согласно предложенной классификации, можно привести следующие примеры антропоцентризмов:

- АФЕ, обозначающие внешность человека:

а) обозначающие рост человека:

- *as tall as a tower*-быть очень высоким;

б) обозначающие лицо человека

- *make a face*- скорчить рожу;

- *lick one's lips*- с нетерпением ожидать чего-то;

в) обозначающие строение тела человека

- *be strong like a tank* – иметь крепкое телосложение;

- *a bull in a china shop* – слон в посудной лавке, неуклюжий человек;

- *be thin as a stick* – быть худым как спичка;

-АФЕ, обозначающие характер человека:

а) спокойствие, хладнокровность

- *be as cool as a cucumber*- слишком спокойный;

б) лень, нежелание что-либо делать

- *a couch potato* - лежебока, лентяй;

- *good for nothing*-никчемный человек, лентяй ;

в) раздражительность

- *be in high dudgeon* – возмущаться, раздражаться;

- *fly off the handle* – выйти из себя, вспылить;

г) смелость, отвага

- *a tough cookie*- храбрый и стойкий человек;

д) высокомерие

- *high and mighty*-заносчивый, высокомерный;
- *a smart alec* - зазнайка;
- *get on one's high horse*- быть высокомерным;

е) нерешительность

- *get cold feet* – не решиться что-то сделать;

ж) трусость

- *be afraid of one's own shadow* –бояться собственной тени, быть трусом;
- *cut and run* – бежать, дезертировать;

з) решительность, твердость характера

- *a tough nut to crack* –крепкий орешек;
- *as tough as nails* – иметь сильный и независимый характер;

и) глупость

- *be crazy as a bedbug* – вести себя совершенно глупо, безумно;
- *daft as a brush*- глупый как пробка;

к) грубость

- *come down on smb.like a ton of bricks* – грубо обрушиться на кого-то, наказать;

л) доброта, радушие

- *as sweet as pie* – сама доброта;
- *be gentle as a lamb* – кроткий как ягненок;

м) злость

- *be as cross as two sticks* –быть не в духе ;
- *be out for blood* – быть вне себя;

н) честность, порядочность

- *a strait arrow* – честный, порядочный человек;
- *be clean as a whistle* –быть ни в чем не замешанным;
- *be honest as the day is long* – быть абсолютно честным;

о) эмоциональность

- *be all smiles* – сиять, иметь очень довольный вид;
- *have a thin skin* – быть чувствительным, восприимчивым;

п) активность

- *be a live fire* – очень живой и энергичный человек;
- *be as bright as a button* – блистать умственными способностями и энергичностью;

р) покорность

- *be a soft touch* – быть очень послушным, покорным;
- *dance to smb. 's tune*;

- АФЕ, показывающие действия человека:

а) делать что-либо быстро, не делая перерыва

- *do smth. at a rate of knots*;
- *do smth. at the double/on the double*;
- *do smth. in one sitting*;

б) порочить чью – то репутацию

- *do a hatchet job on smb.*;
- *dish the dirt on smb*;
- *drag smb. Through the mud*;

в) раскрыть секрет, проболтаться

- *blow smth. wide open*;
- *blow the gaff*;

г) достичь цели, довести дело до конца

- *go the full distance*;
- *go the whole hog*;
- *hit the bull 's eye*;

д) раздражать кого-либо

- *get a rise out of smb.*;
- *be like a red rag to a bull*;
- *get smb. 's goat*;

е) пробовать свои силы в чем-либо

- *try one 's hand at smb.*;
- *try one 's wings*;

ж) игнорировать что-либо, не обращать внимания на что-либо

- *turn a blind eye to smb./smth.*;
- *turn a deaf ear to smth.*

з) предавать кого-либо

- *sell smb. down the river*;

- *sell the pass*;

- АФЕ, характеризующие состояние человека:

- *as pleased as Punch* – очень довольный;

- *as fit as a fiddle* – быть в хорошем состоянии;

- *be like a cat on hot bricks* - сильно нервничать;

- *be up in the air* – висеть в воздухе, находиться в состоянии неопределенности;

- *be up in the clouds* – витать в облаках;

- АФЕ, показывающие социальный статус, также являются немаловажной характеристикой фразеологии:

- *a big fish*- важный и влиятельный человек в обществе;

- *a big fish in a small pond*- самый влиятельный человек в маленькой организации;

- *a fat cat* – жирный кот, бизнесмен или политик, живущий в условиях роскоши и привилегий;

- АФЕ, обозначающие хобби человека

- *a book worm*- книжный червь;

- *a couch potato*- любитель полежать перед телевизором;

- АФЕ, характеризующие профессию человека

- *drawer*-человек, который выписал чек;

- *sole trader*-человек, который открывает бизнес в одиночку;

- *a sleeping partner\ a silent partner (US)* – человек, который получает проценты от своего капитала в бизнесе, но не участвует в управлении

Особое внимание и интерес к АФЕ продиктован жизнью, так как во фразеологизмах находит свое отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Фразеологизмы – одна из языковых универсалий, так как нет языков без фразеологизмов. Английская фразеология очень богата, и у нее многовековая история.

АФЕ – это также носители жизненного опыта нации, которые отражают наблюдение за окружающим миром.

Тот факт, что учение о человеке всегда интересовало ученых – филологов, философов, лингвистов, не мог не оказать влияние на культуру и развитие языка. АФЕ являются как универсальными, то есть, обладающими общими чертами и свойствами, характерными для многих языков, так и национально-культурными, отражающими обычаи, традиции, мировоззрение определенного народа. Последнее обусловлено тем, что процесс формирования данных АФЕ в каждом отдельном языке находился под воздействием определенных лингвистических и экстралингвистических факторов.

За последние десятилетия фразеология переросла рамки лексикологии и превратилась в самостоятельную дисциплину, имеющую свой объект – фразеологизмы, слово в их составе, фразеологические единицы, и свои методы исследования. Фразеология связана с историей, литературоведением и лингвострановедением, но в первую очередь, с лингвистическими дисциплинами: лексикологией, семантикой, грамматикой, фонетикой, стилистикой, историей языка, этимологией, лингвистикой текста и общим языкознанием. Фразеологизмы состоят из слов, а слово является главным объектом изучения лексикологии. Данные лексикологии дают возможность определить природу компонентов фразеологизмов и различные степени «словности» этих компонентов.

В статье затронут только один, достаточно масштабный раздел фразеологии – антропоцентрические фразеологические единицы. В целом, данная тема обогащается фразеологической системой языка. И, как уже было сказано, фразеология – это отражение человеческой души, быта, истории, и будет идти параллельно с развитием человеческого общества.

Список использованных источников

1. **Ларин Б.А.** Очерки по фразеологии // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике: Учен. зап. / ЛГУ. - Л., 1956. - № 198.
2. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина. - М., 1933.
3. **Балли Ш.** Французская стилистика / Пер. с фр. К.А. Долинина. - М., 1961.
4. **Ларин Б.А.** О систематизации и методах исследования фразеологического материалов. - Л.: Уч. зап. ЛГУ им. Жданова, 1967. - № 198.
5. **Кунин А.В.** Фразеология современного английского языка. - М., 1972.
6. **Копыленко М.М.,** Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. - Воронеж, 1989.
7. **Телия В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М., 1986.
8. **Шанский Н.М.** Фразеология современного русского языка. 3-е изд. - М.: Высшая школа, 1985.
9. **A Supplement to the Oxford English Dictionary.** - Oxford, 1972 - 1986. Vol. I – IV.
10. **Seidl J., McMordie W.** English Idioms and How to Use Them. - Oxford, 1978.
- Skeat, W.** An Etymological Dictionary of the English Language. - Oxford, 1910.

Ляшенко Н.А. Антропоцентризм в английской фразеологии

Рассмотрены и выявлены семантические особенности фразеологизмов в английском языке, в частности, на примерах использования антропоцентризмов во фразеологических оборотах, анализ их особенностей; многосторонне раскрыты основные свойства фразеологических единиц, носящих антропоцентрический характер, выявлены их особенности и выполнена частичная классификация.

Ключевые слова: фразеология, антропология, антропоцентризм, антропоцентрические фразеологические единицы.

Lyashenko N.A. Anthropocentrism in English Phraseology

The semantic peculiarities of phraseological units in English are reviewed and identified, in particular, the examples of use the antropocentrism in phraseological revs, an analysis of their features; the basic properties of phraseological anthropological units are revealed, their characteristics are identified and partial classification is made.

Keywords: phraseology, anthropology, anthropocentrism, anthropological phraseological units.

УДК 811. 133.1’34: 398

Медяник Е. А.

УЧЁТ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФРАНЦУЗСКИХ СКОРОГОВОРК ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОИЗНОШЕНИЮ НА УРОКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Как показывают современные исследования, произношение является базовой характеристикой французской речи, да и вообще иноязычной речи в целом. Произношение является основой для развития и совершенствования всех видов речевой деятельности. Эффективностью произношения в значительной мере определяется успех в овладении устной речью. Нормативное произношение является одним из важных элементов культуры речи и, следовательно, общей культуры человека. Ряд лингвистов и методистов работали над этой проблемой. Среди них Соколова В.С., Рапанович А.Н., Владимирова Е.Д., Рудченко Л.С., Станиславский К. С.

Цель данной статьи рассмотреть французскую скороговорку как одно из средств овладения навыком интонирования.

Актуальность заключается в исследовании фонетических особенностей французских скороговорок, так как данный аспект мало изучен на сегодняшний день: нет четкого определения французской скороговорки, не обозначены границы понятия «скороговорка» применительно к французскому языку, не сформулированы признаки, на которых строится их классификация.

Роль скороговорок очень велика в отработке чистоты произношения, в обучении выразительному чтению и в преодолении психологического барьера, связанного с

процессом говорения перед публикой. Они помогают успешному обучению каждого человека.

В практике обучения скороговорки широко используются как на начальном этапе обучения французскому языку, так и при совершенствовании произносительных навыков.

Для того чтобы их правильно читать или произносить, необходимо знать все особенности французского произношения.

Обучение фонетической стороне речи – это важная ступень как в практическом овладении механизмом произношения и произносительной нормой, так и в выработке речевых умений.

Классифицировать скороговорки имеет смысл согласно содержащихся в них звуках [4].

Французские скороговорки могут быть подобраны так, что в одной скороговорке почти в каждом слове повторяется один и тот же гласный звук. Например, скороговорки с фонемой | i |:

L'analyse chimique est difficile.

с фонемой | e |:

Révisiez et écrivez les dictées de l'année passée.

с фонемой | ε |:

Germaine est très frêle, mais elle est plus belle qu'Adèle.

с фонемой | a |:

Mardi papa va à Paris et samedi papa a à aller à Arles.

с фонемой | u |:

Zazou ouvre le journal et lit de l'amour.

Очевидно, что французские скороговорки такого типа служат для автоматизации произнесения различных гласных звуков.

Разнообразие и особенности артикуляции французских гласных позволяют классифицировать скороговорки и с другой точки зрения, а именно, основываясь на противопоставлении уклада органов речи

14 апреля 2016 года, город Луганск

для произнесения тех или иных гласных звуков. В этом случае можно выделить скороговорки, основанные на дифференциации открытых и закрытых гласных, гласных переднего и заднего ряда, огубленных и неогубленных гласных, носовых и неносовых (ротовых) гласных [5; 7].

Особенность этих скороговорок в том, что при их повторении наблюдается интенсивная работа губ, так как необходимо их быстро переводить из положения растянутости для неогубленных гласных в положение огубленности, то есть, вытягивая губы вперед и округляя их и наоборот.

Несмотря на то, что французский язык называют языком гласных, в нем широко представлены скороговорки, которые можно классифицировать по содержащимся в них согласным звукам и их труднопроизносимым комбинациям.

Следует отметить, что гораздо чаще в скороговорках встречаются различные чередования двух, трех или всех четырех фонем данного типа, что и делает труднопроизносимыми такие скороговорки.

Исследование скороговорок позволяет решить целый комплекс важных методических задач конкретного урока:

1. Презентация нового звука, его произношения (скороговорка сначала предъясняется устно) и графического обозначения.

2. Отработка изучаемого фонетического явления при чтении и заучивании скороговороки.

3. Самостоятельный вывод правила на основе полученной информации.

4. Ввод нового лексического материала – слова, содержащиеся в скороговорке, могут быть частью изучаемого на уроке словаря. Будучи предъясненными в форме скороговорки, они запоминаются быстрее.

5. При постоянном применении скороговорок для проведения фонетической зарядки в начале урока, можно

повторить ранее изученный языковой материал, представляющий трудность для учащихся.

Можно выделить следующие этапы работы над скороговоркой:

Первый этап – презентация.

Сначала нужно произнести скороговорку в естественном быстром темпе, а затем – медленно.

Второй этап – работа над содержанием.

При необходимости снимаются трудности в произношении. Значение некоторых слов можно раскрыть с помощью комментария, перевода или синонимов. Далее можно предложить учащимся определить, о чем идет речь в скороговорке. В случае затруднения предлагается выбрать правильный ответ из нескольких вариантов.

Третий этап – работа над произношением.

Трудные звуки необходимо произнести изолированно, затем соответственно слово с этим звуком, словосочетание, предложение. Вначале проводится хоровая работа, затем индивидуальная.

Каждая новая скороговорка должна вводиться после повторения уже выученных. Чтобы сохранить интерес к скороговоркам, можно использовать различные задания, например:

1. Учащиеся должны отгадать скороговорку по одному названному слову.

2. Один учащийся (или учитель) начинает произносить скороговорку, все хором ее заканчивают.

3. Слова из нескольких известных скороговорок даются учащимся вперемешку, необходимо объединить слова в правильном порядке и произнести скороговорку полностью. Это задание можно выполнять в парах и группах.

4. Скороговорка по цепочке. Учащиеся по очереди должны назвать одно за другим слова скороговорки,

стараясь не ошибаться. При этом можно начинать как с первого слова, так и с последнего.

5. Учащиеся по кругу называют по одной скороговорке.

6. Кто быстрее произнесет одну и ту же скороговорку.

7. Кто больше назовет скороговорок.

8. Соревнование в командах. Называются поочередно по одной скороговорке. Выигрывает та команда, которая последней называет скороговорку.

Таким образом, скороговорки можно использовать, как на начальном этапе обучения французскому языку, когда у учащихся формируются произносительные навыки, так и на среднем этапе обучения, когда использование скороговорок не только способствует поддержанию и совершенствованию произносительных навыков учащихся, но и стимулирует их речевую деятельность. Заучивание скороговорок не только развивает память учащихся, но и позволяет научиться адекватно отбирать лексические единицы и развивает эмоциональную выразительность речи [5; 1].

Работа над техникой речи состоит из трех компонентов: 1) работа над дикцией, 2) работа над дыханием, 3) работа над голосом. Практически они составляют один процесс речи, но работа над каждым компонентом требует специальной системы упражнений, причем над дикцией и дыханием можно начинать работать одновременно, работа же над голосоведением возможна лишь после сознательного освоения процесса дыхания [2].

Под хорошей дикцией подразумевается четкое и ясное произношение, при котором каждый гласный и согласный звучат безукоризненно чисто и точно. Для достижения хорошей дикции необходимо иметь хорошо тренированный артикуляционный аппарат и полностью владеть им. К. С. Станиславский говорил, что при плохой

артикуляции «слова и слоги размываются, обваливаются и сползают, как рыхлый грунт берега, отчего происходит постоянные разливы гласных, в которых вязнет язык» [2, с. 75]. Для выработки хорошей дикции надо заняться произношением скороговорок. Скороговорки дают возможность добиться четкости, ясности и правильности звучания каждого гласного и согласного в отдельности, а также слов и фраз в речевом потоке.

Как научиться правильно произносить скороговорки

Скороговорки являются лучшим средством достижения четкой речи при любом темпе, так как не может быть темпа более быстрого, чем скороговорка.

«Скороговорку надо вырабатывать через очень медленную, преувеличенную четкую речь. От долгого многократного повторения одних и тех же слов речевой аппарат налаживается настолько, что приучается выполнять ту же работу в самом быстром темпе», – говорил К. С. Станиславский [1, с. 116].

Поставив перед собой задачу выработки четкости произношения в быстром темпе, никогда не нужно произносить фразу сразу быстро. Прежде необходимо преодолеть в этой фразе все трудные звукосочетания. Методика работы имеет несколько этапов: 1) фразу произносить медленно по слогам, пока она не зазвучит свободно, без запинок; 2) затем фраза артикулируется несколько раз беззвучно, с особенно четкой артикуляцией звуков; 3) затем фраза произносится шепотом; 4) фраза произносится вслух, слитно, но еще очень медленно; 5) важно не механически проговаривать фразы скороговоркой, а произносить осмысленно, с нужным ударением и интонацией.

В один прием можно работать не больше чем на 3 – 4 скороговорками. При неудаче следует возвращаться к повторению более легких скороговорок, даже к упражнениям на более трудные для данного человека

звукосочетания. Над каждой группой скороговорок надо работать несколько уроков. Само собой разумеется, что при работе над скороговорками необходимо следить за дыханием и голосоведением.

Скороговорки – это самый простой способ исправить свою речь. Ведь в школе, любой ученик, имеющий проблемы с дикцией может ее улучшить, используя как инструмент скороговорки. Это поможет ему и при изучении иностранных языков. Работа с французскими скороговорками на уроках французского языка позволяет улучшить дикцию учеников, совершенствует произношение, развивает фонематический слух. Кроме того, эту работу можно сделать веселой и интересной и в любом возрасте учащиеся занимаются этим с удовольствием. Детям нужно показать, что ничего сложного в этом нет, любой человек может этому научиться.

Для того чтобы скороговорка звучала красиво необходимо выполнить упражнение для челюсти, которое можно считать основным в общей системе дикционных упражнений, так как первым условием четкой и легкой речи является мягко, свободно и широко открывающийся рот. С другой стороны, наиболее распространенным недостатком речи является ее «зажатость», как бы произнесение сквозь зубы [6].

Упражнения для нижней челюсти

1. Нижняя челюсть мягко, но быстро опускается в строго вертикальном направлении без всякого напряжения губ и языка. После небольшой выдержки также мягко и быстро поднимается в исходное положение. Движение повторяется несколько раз. Челюсть опускается как можно ниже.

2. Нижняя челюсть опускается рывками на четыре счета, причем все четыре «ступеньки» должны быть

равными по величине. После выдержки челюсть мягко и быстро возвращается в исходное положение.

3. На один счет мягко и быстро опустить нижнюю челюсть до нижнего предела, затем на четыре счета равными «ступеньками» поднять ее в исходное положение.

4. Соединить предыдущие упражнения: на четыре счета опустить нижнюю челюсть и после выдержки на четыре счета поднять ее в исходное положение, следя все время за тем, чтобы «ступеньки» были одинаковыми.

5. Слегка опустить нижнюю челюсть (губы разомкнуты, но не напряжены), затем на один счет передвинуть ее вправо и после выдержки – влево. Повторить движение несколько раз, но делать его мягко, не резко, чтобы не вывихнуть челюсть.

6. Прodelать первое упражнение на быстрое опускание и подъем челюсти, но при этом не размыкать губ. Упражнение очень помогает постановке звука [o].

Перед тем как перейти к французским скороговоркам, следует отработать еще согласные [t' – d'] перед узкими передними гласными. В этом положении у многих наблюдается не только палатализация, но и аффрикации, так называемое «цоканье» и «дзеканье», зависящие от недостаточной напряженности органов речи, образующих препятствие, от способа их размыкания, благодаря чему вместо одинарной согласной возникает двойная, состоящая из взрывного и фриктивного [t – s]. При упражнениях надо следить, чтобы кончик языка не оказывался между зубами, крепче прижимать его к альвеолам и резче производить размыкание. В русском произношении есть два варианта [t' – d']: 1) кончик языка прикасается к альвеолам верхних зубов; 2) кончик языка прикасается к внутренней поверхности нижних резцов. После постановки всех звуков отрабатываются французские скороговорки [1].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что скороговорка – очень несложный, наивный по
14 апреля 2016 года, город Луганск,

содержанию, и даже примитивный текст, построенный на трудных и запутанных словосочетаниях. Было бы ошибочно думать, что при произнесении скороговорок нужно непременно добиваться очень быстрого темпа. Гораздо важнее предельная четкость дикции. Именно на это рассчитаны скороговорки. Как и во всей работе над дикцией, к работе над скороговорками нужно подходить индивидуально.

Самые трудные слова нужно произносить по несколько раз в медленном темпе до тех пор, пока они не зазвучат легко, свободно, без напряжения и осмысленно. Произносить скороговорки надо в двух или трех темпах. Над каждой группой скороговорок нужно работать не один день, лучше выучить их наизусть. Скороговорка получилась, когда вы можете произнести ее, не останавливаясь, в очень быстром темпе. Любой человек, имеющий проблемы с дикцией может ее улучшить, используя как инструмент скороговорки.

Список использованных источников

- 1. Рапанович А.Н.** Фонетика французского языка. Курс нормативной фонетики и дикции / А. Н. Рапанович – М.: Высшая школа, 1973 – С. 116
- 2. Станиславский К. С.** Собрание сочинений: В 9 т. / К. С. Станиславский – М.: Искусство, 1995 – С. 75.
- 3. Соколова В. С.** Фонетика французского языка (вопросы теории): Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. С. Соколова – М.: Высш. шк., 1983 – С. 14
- 4. Щерба Л. В.** Фонетика французского языка / Л. В. Щерба – М.: Высшая школа, 1963 – 289 с.
- 5. Владимирова Е. Д., Рудченко Л. С.** Я буду говорить по-французски: пособие для начинающих. / Е. Д. Владимирова, Л. С. Рудченко – М.: Высшая школа, 1983. – 256 с.
- 6. Скрелина Л. М., Становая Л. А.** История французского языка: Учебник / Л. М. Скрелина, Л. А. 200

Станова – М. : Высш. шк., 2001. – С. 313 7. **Щетинкин В. Е.**, Коль Л. О. Практикум по сравнительной типологии французского и русского языков: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» – 2-е изд., дораб./ В. Е. Щетинкин, Л. О. Коль – М.: Просвещение, 1990 – 112 с.

Медяник Е. А. Учёт фонетических особенностей французских скороговорок при обучении произношению на уроках французского языка

Статья посвящена исследованию фонетических особенностей французских скороговорок, которые являются средством при обучении произношению на уроках французского языка. С помощью скороговорок можно улучшить дикцию, тренировать четкость произношения, развивать скорость, выразительность речи и фонематический слух. А подбирая скороговорки со смыслом, можно не только выучить набор звуков в интересной форме, но и запомнить значение некоторых слов. Это способствует развитию речевых навыков и является отличным инструментом при обучении произношению на уроках французского языка.

Ключевые слова: дикция, четкость произношения, выразительность речи, скороговорка, исследование, звуки, развитие речевых навыков, артикуляция.

Medyanik E. A. Accounting phonetic features of the French tongue twisters at teaching pronunciation on the French language lessons

The article is dedicated to the research of phonetic features of the French language tongue twisters, which are a means for teaching pronunciation on the French language lessons. We can use tongue twisters to improve diction, to train the clarity of pronunciation, develop speed, and expressiveness of speech and phonemic hearing. Selecting tongue twisters with

meaning, you can not only learn a set of sounds in an interesting manner, but also remember the meaning of some words. This helps to develop speech skills and are a great tool when learning pronunciation on the the French language lessons.

Keywords: diction, clarity of pronunciation, expressiveness of speech, tongue-twister, research, sounds, developing speech skills, articulation.

УДК 81'255.4

Нежебовская Я.Е.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Всемирная литература играет огромную роль в становлении духовности и личностного роста любого человека. А между тем, не каждый знает иностранный язык и может позволить себе читать Шекспира, Данте, Гёте и других известных писателей в оригинале. Историческое наследие зарубежных стран, восточной философии, сказания и мифы народов мира - все это становится доступным для любого человека благодаря писателям-переводчикам - специалистам по художественному переводу.

Очень трудно переоценить роль перевода художественных произведений в обмене знаниями, мыслями и чувствами между народами и их культурами. Читая рассказ, поэму или какое-либо другое произведение, переведенное с иностранного языка, мы воспринимаем сами текст, с его смыслом, эмоциями и героями, а между тем не каждый знает, каких трудов стоило переводчику перевести этот текст, что бы сохранился смысл в этом литературном произведении. Сложность перевода текстов художественных произведений объясняется и необычайно высокой смысловой "нагруженностью" каждого слова - ведь переводчику приходится не только переводить текст с другого языка, а создавать его по смыслу заново; и различным "видением" мира - а следовательно, специфическими способами осознания и отражения мира в разных языках.

Перевод – искусство, никак не сводящееся к буквальной передаче текста, поэтому переводчик должен быть наделён писательским даром. Для перевода с любого

14 апреля 2016 года, город Луганск,

иностранного языка не достаточно просто знать этот язык на отлично, нужно уметь прочувствовать каждое слово, рассмотреть различные его значения и правильно соединить по смыслу с другими словами.

Русская литература за века своего исторического развития обогащалась благодаря переводческой деятельности великолепной плеяды литературных деятелей: начиная с Гнедича и Жуковского, русские писатели брались за перевод художественных текстов с европейских языков – французского, английского, немецкого, с древних языков (латинского, греческого), переводили литературу Востока и азиатских стран.

Дословный перевод не может отразить глубину и смысл текста произведения. Поэтому, литературный перевод может разительно отличаться от оригинала. Писатель-переводчик воспроизводит не буквальный текст оригинала, а то, как он сам понимает этот текст.

При этом одни переводчики считают важным соответствие перевода, адаптацию к родному языку и отечественному менталитету, другие переводчики считают, что важнее оставить суть, отражающую мышление национального колорита оригинала, приучая читателя воспринимать иную культуру. Из этих двух точек зрения и получаются два вида литературных переводов - вольный и дословный, которые часто сменяют друг друга. Художественный перевод текста требует раскрытия творческой индивидуальности переводчика, но так, чтобы она не заслоняла своеобразие автора.

Художественное произведение было и остается способом отражения действительности, эпохи, жизни того или иного народа, его уклада, обычаев, традиций. Тем интереснее рассмотреть трудности, возникающие при переводе художественного произведения. И.Б. Орлов, в частности, отмечает, что художественная литература, начиная с реализма XIX в., выступает как «художественная

летопись» эпохи и ее «энциклопедия»: например, писатели среднего уровня всегда более нацелены на бытописание и историю повседневной жизни [1, с. 66]. Художественное произведение, так или иначе, служит способом отражения действительности. М.В. Нечкина подчеркивала важность восприятия художественного произведения в общественной среде, выделяя в рассмотрении этой проблемы два аспекта. Первый – само художественное произведение, его ритм, талант писателя, тайна сложного отражения действительности и знание психологических законов. Второй – характер восприятия художественного образа, особенность индивида, воспринимающего художественный образ, его сознание и способность освоения культурных ценностей. Нечкина призывала изучать художественное произведение, раскрывая его функции, а также подчеркивала, что художественное мышление писателя и восприятие действительности читателем связано единством законов и их принцип «художественного мышления», ввиду единой сущности человеческого восприятия, один и тот же [2, с. 26, 34].

Переводчик должен удовлетворить большому числу требований, чтобы создать текст, максимально полно представляющий оригинал в иноязычной культуре. Среди таких критериев, конечно, следует назвать сохранение по возможности большого количества троп и фигур речи как важную составляющую художественной стилистики того или иного произведения. Перевод должен сигнализировать об эпохе создания оригинала.

Есть случаи, когда переводчику нужны не только знания, но и особое мастерство. Писатель часто играет словами, и эту игру бывает непросто воссоздать. Вот английская шутка, построенная на каламбуре. Человек приходит на похороны и спрашивает: *I'm late?* И в ответ слышит: *Not you, sir. She is.* Английское слово *late* значит и 'поздний' и 'покойный'. Герой спрашивает: *Я опоздал?* А

ему отвечают: *Нет, покойник не вы, сэр, а она.* Как быть? По-русски игра не получается. Но переводчик вышел из положения: *Всё кончилось? - Не для вас, сэр. Для неё.*

Вряд ли возможно перечислить и прокомментировать все средства оформления художественной информации в тексте. Мы обратимся лишь к некоторым, частотным, и тут же постараемся оценить возможности их перевода, хорошо понимая, что при таком обилии языковых средств конфликт формы и содержания неизбежен - отсюда частое применение приема компенсации и неминуемый эффект нейтрализации некоторых значимых доминант перевода. Не имея в виду конкретный текст, все средства перевода можно отнести к доминантам перевода, но в реальности часть из них будет представлена в переводе в ослабленном виде либо ограниченным числом компонентов лексического повтора или при передаче метафоры не удастся сохранить специфику образа [3].

К таким средствам относятся:

1) Эпитеты - передаются с учетом их структурных и семантических особенностей (простые и сложные прилагательные; степень соблюдения нормативного семантического согласования с определяемым словом; наличие метафоры, метонимии, синестезии), с учетом индивидуализированности, с учетом позиции по отношению к определяемому слову и ее функции.

2) Сравнения - передаются с учетом структурных особенностей, стилистической окраски входящей в него лексики.

3) Метафоры - передаются с учетом структурных характеристик, с учетом семантических отношений между образным и предметным планом.

4) Авторские неологизмы - передаются по существующей в языке перевода словообразовательной модели, аналогичной той, которую использовал автор, с сохранением семантики компонентов слова и стилистической окраски.

5) Повторы фонетические, морфемные, лексические, синтаксические, лейтмотивные - передаются по возможности с сохранением количества компонентов повтора и самого принципа повтора на данном языковом уровне.

6) Игра слов, основанная на многозначности слова или оживлении его внутренней формы, - в редких случаях совпадения объема многозначности обыгрываемого слова в оригинале и переводе сохраняется и смысл, и принцип игры; в остальных случаях игра не передается, но может быть компенсирована обыгрыванием другого по значению слова, которое вводится в тот же текст.

7) Ирония - для её воспроизведения в переводе передается, прежде всего, сам принцип контрастного столкновения, сопоставления несопоставимого.

8) «Говорящие» имена и топонимы - передаются с сохранением семантики «говорящего» имени и типичной для языка оригинала словообразовательной модели, экзотичной для языка перевода.

9) Синтаксическая специфика текста оригинала - наличие контраста коротких и длинных предложений, ритм прозы, преобладание сочинительной связи и пр. - передается с помощью грамматических соответствий.

10) Диалектизмы - как правило, компенсируются просторечной лексикой; жаргонизмы, ругательства передаются с помощью лексики языка с той же стилистической окраской [4].

Каждый перевод, как творческий процесс, должен быть отмечен индивидуальностью переводчика, но главной задачей переводчика все-таки является передача в переводе характерных черт оригинала, и для создания адекватного подлиннику художественного и эмоционального впечатления переводчик должен найти лучшие языковые средства: подобрать синонимы, соответствующие художественные образы и так далее.

Например, рассмотрим четыре разных по стилю предложений и с общими словами «художественный текст»:

Художественный перевод - это перевод произведений *художественной литературы и художественных текстов*. - A literary translation is a translation of *belles-lettres works and literary texts*.

Только четыре женщины являются авторами *художественных текстов*, тогда как авторов-мужчин – 51. -There are only four women authors of art texts as opposed to 51 male authors.

Но всегда что-то остается за пределами *художественных текстов* - рисунки, музыка, игры, фильмы, имеющие отношение к книгам. - But there is always something besides literature - pictures, music, games, films, bearing a relation to the books.

Курс представляет собой введение в русскую классическую и современную литературу. Он строится по лекционно-семинарской системе: обсуждение теоретических проблем сочетается с чтением и комментированием *художественных текстов*. - This course concentrates on the crisis moment of Russian History of the end of the 20-th century, reflecting the formation and development of a new society, politics and economics of a new type.

На этом примере мы видим, что слова «художественный текст» имеет четыре разных видов перевода и под каждый пример подходят разные по написанию, но одинаковые по значению слова. Поэтому лучшие переводы, по мнению многих известных исследователей, которое мы целиком поддерживаем, могут содержать условные изменения по сравнению с оригиналом - и эти изменения совершенно необходимы, если целью является создание аналогичного оригиналу единства формы и содержания на материале другого языка, однако от объема этих изменений зависит точность перевода. Все переводческие решения при переводе художественного текста принимаются с учетом узкого контекста и широкого контекста всего произведения. Это касается выбора вариантных соответствий и трансформаций. Случаи внеконтекстуального перевода с помощью однозначных эквивалентов редки и касаются лексики основного словарного фонда (названия животных, растений...), а также реально существующих топонимов [3].

Художественный перевод или, точнее, перевод поэтических и художественных произведений, резко отличается от других видов перевода, он предполагает речевое творчество переводчика, обладание литературным талантом. Ведь перевод одной и той же фразы у разных людей получается совершенно различным. Такой перевод - настоящее искусство, так как эстетический эффект достигается соответствующими языковыми средствами, в том числе ритмикой, рифмой и аллитерацией.

Перевод художественных произведений нелегкое дело, о поэзии можно долго спорить, и, по мнению известного переводчика Р.К. Миньяр-Белоручева, к переводу поэтических произведений необходимо допускать только исключительно избранных. Данный вид перевода не только активизирует мыслительную деятельность, художественный вкус, расширяет кругозор, но и углубляет знания как иностранного, так и русского языков.

В художественных произведениях затрагивается очень небольшой круг тем, в основном это жизнь, мысли человека, поиск пути и смысла жизни, однако количество художественных средств, используемых для описания этих тем практически безгранично. Кроме того, каждый писатель стремится не к тому, чтобы слиться со своими коллегами по перу, а напротив, выделиться, поведать нечто новое, заинтересовать читателя. И переводчик должен не просто сохранить содержание произведения, но и стиль, жанровый характер произведения, эстетику автора, средства художественного выражения, в том числе и формы стихосложения. Поэтому можно сказать, что переводчик сам должен стать писателем. Не всегда это возможно, поэтому и остаются до сих пор непознанными представителями других народов такие великие поэты, как А.С. Пушкин, Дж. Байрон или В. Гюго, но к этому следует стремиться. (Миньяр-Белоручев, 1999:26) [5].

Следовательно, поэтическая организация художественной речи накладывает определенный отпечаток и на принципы перевода. Как говорил В.В. Набоков, «поэзия непереводама» и переводя стихотворение приходится «выбирать между рифмой и разумом». И от переводчика требуется как можно точнее, «ближе к тексту», передать мысль и звучание, «рифму и разум». Однако передать и то и другое полностью, ничего не потеряв и не изменив, невозможно, и поэтому переводчику приходится сочинять что-то компромиссное. Одним из наиболее удачных переводов стихотворений на мой взгляд являются переводы Маршака сонетов Шекспира, вот один из таких переводов:

Sonnet 90

Then hate me when thou wilt; if ever, now;
Now, while the world is bent my deeds to cross,
Join with the spite of fortune, make me bow,
And do not drop in for an after-loss:
Ah, do not, when my heart hath 'scoped this sorrow,
Come in the rearward of a conquer'd woe;
Give not a windy night a rainy morrow,
To linger out a purposed overthrow.
If thou wilt leave me, do not leave me last,
When other petty griefs have done their spite
But in the onset come; so shall I taste
At first the very worst of fortune's might,
And other strains of woe, which now seem woe,
Compared with loss of thee will not seem so.

Перевод С.Я. Маршака

Уж если ты разлюбишь - так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!
И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.

Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром - утром без отрады.
Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,
Что нет невзгод, а есть одна беда -
Твоей любви лишиться навсегда [6].

Следовательно, мы видим, что совсем уходить от звучания и ритма невозможно, но можно пойти по пути, который использовал и Пушкин - сочинить, сохраняя дух переводимого произведения, нечто свое. Едва ли можно согласиться с Набоковым в том, что «единственная цель и оправдание перевода - дать наиболее точные сведения, а для этого годен лишь буквальный перевод, причем с комментарием».

Выводы: Процесс перевода текста с одного языка на другой имеет многообразный и неоднозначный характер, связанный с множеством входящих в него компонентов и именно многомерностью этого процесса обусловлены расхождения в определениях, которые даются разными авторами и отражают его различные стороны. Перевод художественного текста имеет преимущественно интерпретативный характер, причем множественность интерпретаций одного текста обусловлена непредставленностью в действительности референтной ситуации, соотносимой с текстом и различным эмоциональным отношением к описываемой ситуации переводчика и автора.

Список использованных источников

- 1. Орлов И.Б.** Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления [Текст] / Гос. ун-т. – М.: Изд. дом гос. унта – Высшей школы экономики, 2010. – 317 с. **2. Нечкина М.В.** Функция художественного образа в историческом процессе [Текст] / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1982. – 318 с. **3. Комиссаров В.Н.** Теория перевода - М.: Высшая школа, 1990 **4. Казакова Т.А.** Практические основы перевода - СПб.: Союз 2003 **5. Миньяр-Белоручев Р.К.** Теория и методы перевода - М.: Московский Лицей, 1996. - 207 с. **6. Сонет 90 // Шекспир** [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shakespeare.ouc.ru/sonnet-90-ru.html>

Нежебовская Я.Е. Проблема перевода художественных произведений

Статья посвящена художественному произведению как одному из способов отражения действительности. Целью исследования является рассмотрение проблемы перевода художественного произведения на иностранный язык, а также выявление основных особенностей художественного перевода.

Ключевые слова: художественное произведение, отражение действительности, особенности перевода, художественный текст и перевод.

Nezhebovskaya Y.E. Artworks translation problem

The article is focused on a artwork as a means of reflecting reality. The purpose of the research is to consider the problem of translation of a fiction to a foreign language, and to determine the main peculiarities of fiction translation.

Keywords: fiction, reflecting reality, peculiarities of translation, fiction translation.

Nekrutenko E. B. , Kisel V. S.

STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF THE NAME FORMATION OF BRITISH PLACE NAMES

The study of place names plays an important role in linguistic, archaeological and historical research. As for linguistic culture of toponymy it has the structure of semantic, lexical and grammatical meaning.

Toponymy has attempted to answer questions for each place name: What is it? Where is it? Who named it? When was it named? And why was it given that name?

The first question refers principally to the form of the generic element, which is influenced by the geographic feature term that applies. The classification of the generic elements can be outlined by the following distinct requirements:

□□to discern a set of semantic components relevant to topographic features;

□□to produce each of the feature sets within the catalogue by a logical sequence of those components;

□□to find out which feature terms are included within each feature set.

The where/who/when questions relate to the toponymic form as a whole and respond to historical and linguistic research methods.

The final question focuses on the specific element of the place name and can be the most problematic to answer, since the motivation for the naming process is not often documented and the name's reasoning for the naming is a thought question [1, p. 67 – 75].

The problem of the name formation of British place names has been researched by numerous prominent linguists and philologists, among whom we can single out G. Adams, K.

Cameron, J. Field, A. Mills, D. Parson, P. Reany, A. Room, J. Spittal, D. Stuart, T. Styles, V. Watts and others.

The aim of the article is to analyze the origin, meaning, classification of British place names and the motivation for their naming.

A toponym is a place name or a word coined in association with the name of a place. The study of such place names is known as toponymics or toponymy. The word “toponymy” is derived from the Greek words “tópos” and “ónoma”. Toponymy is itself a branch of onomastics, the study of names of all kinds. Toponym is the general term for any place or geographical entity.

Related more specific types of toponyms include *hydronym* (the name of a river, lake, sea or any other body of water), *agronym* (the name of a field or pasture), *dromonym* (the name of a transportation route), *drymonym* (the name of a forest or grove), *econym* (the name of a village or town), *limnonym* (the name of a lake or pond), *necronym* (the name of a cemetery or burial ground), etc.

In modern linguistics there are various classifications of place names. In particular, Selishchev points out the following groups by lexical-semantic structure and word formation: 1) names derived from people’s surnames/names; 2) names connected with profession and occupation; 3) names which reflect the social-property status; 4) names associated with the administration and authorities; 5) names reflecting the ethnic character of the population; 6) names indicating the local peculiarities of landscape, types of dwellings; 7) abstract names [2, p. 211].

There are a lot of different classifications of place names in the world. Special attention deserves the one proposed by D. Stuart which consists of ten categories: 1) descriptive names and compass-point names; 2) associative names; 3) incident names, also names connected with animals and calendar holidays; 4) possessive names: a) names which

include proper names; b) names which comprise ethnic names; c) the so-called mythological names associated with objects of a religious cult; 5) commemorative names which cover the names connected with prominent people; 6) commendatory names, selected due to attractive features of the geographic object; 7) folk etymologies – the name derived from the false etymology; 8) manufactured names – artificially formed names; 9) mistake names, that emerged accidentally as a result of various misprints and transcription mistakes; 10) shift names – based on the original name, transferred subsequently to a number of nearby objects [3, p. 118].

The names given to early settlements in the British Isles were once truly descriptive of the places, but because the languages from which these names were coined have died or changed beyond recognition, many place-names have lost all meaning as words. Some of the place-names in the British Isles are older than the earliest written history are of the same historical significance as many archaeological finds.

It is not too difficult to discover the relative chronology of place-names, although it is rarely possible to assign an absolute date to individual names or name types. Their analysis and interpretation requires expert linguistic knowledge.

In the Highlands of Scotland, Ireland and Wales, where the names are almost all Gaelic (Cymric), and in the Lake District where Norse names predominate, less doubt need be felt as to the correctness of the interpretations than in parts of England and Scotland where Celts, Romans, Scandinavians, Anglo-Saxons, and Normans have all had a share in forming the present nomenclature. Many names have been changed to such an extent that their original form is no longer recognizable, and some words of different origin and meaning have become identical in form. In such cases the true derivation of a name can frequently be ascertained only by finding its earlier forms in old records. When the name appears to contain the appellation of some permanent natural object,

such as a hill or any part of it, a river, or ford, mistakes may often be avoided by seeing whether such an object occurs on the map in the neighbourhood of the place [4].

A basic technique of toponymic studies is the recognition of significant word-elements, or “motifs”, such as the Welsh and Cornish “caer” (fortress): Cardiff – “fort on the river Taf”, Caernarvon “fort in Arfin”; “aber” (river mouth): Aberdeen – “Don-mouth”; Anglo-Saxon – “tun” (enclosure, village): Everton – “boar farm”, Chesterton – “village near a fortification”; “ing” (from ingas, denoting groups of people): Hastings – “Haest’s people”, Reading – “Reada’s people”; “ham” (homestead, estate): Shoreham – “homestead at a steep slope”, Faversham – “Faever’s estate”; “ingham” (“ingas” and “ham” combined): Birmingham – “estate of Beornmund’s people”, Nottingham – “estate Snot’s people”; Scandinavian “by” (farm, village): Coningsby – “king’s village”, Derby – “animal farm”; “toft” (homestead): Bratoft – “broad homestead”, Wigtoft – “homestead on the creek” [5].

It is important to notice that outward resemblance and impression can be deceptive:

- a place name which appears to be significant in Modern English language may be derived from words with absolutely different meaning (Redmire has nothing to do with “a red mire”, originally it meant “a lake or mere where reeds grew”);

- names which seem to be the same in Modern English may come from different roots (Aston means “eastern village”, but Cold Aston stand for “ash tree farmstead”);

- names of identical origin may now have different spellings (Heathfield, Hadfield, Hatfield are all descended from the same root words – “heather” and “land”).

The long-interest attracted by place names can be clarified not only by their functions, interesting and odd origin of most of them, differences of their grammatical features from the other word class, but, also by the fact that they are rich in

information we need to solve ethnogenetic problems. Place names (or toponyms) as well as other phenomena of the people's spiritual culture, i.e. beliefs, folklore, rites, etc. reflect peculiar national features, history and mentality. On the theoretical side, they can tell us a great deal about the physical geography, culture and history of a place as well as about the people connected with the particular area. Places are named not only for their physical properties, but also after local events, important personalities, ethnic, literary or religious sources, etc. Linking geography and language, toponyms are material and metaphorical, while being substantive and symbolic at the same time. They are read, spoken, mapped, catalogued and written in the everyday life and can be found in numerous names of cities, villages, rivers, road signs, street names, etc. The study of toponyms can be a window to detailed local knowledge and inclusive versions of belonging. Each of them contains different information – historical, geographical, linguistical [6].

Although the official language of Great Britain is English, but place names of this country are partially English. Influence on formation of English place names was rendered by historical conquests.

The names of the most well-known and old English cities are results of a long-time development. They have roots in Celtic, Old English, Old French, Latin, Greek and many other languages. But at the same time there are a lot of places in Great Britain the names of which have foreign origins, mainly Latin, Scandinavian and French.

In British toponymy one can find a specific group of roots, suffixes, prefixes which are common for some place-names. In the present-day English language a number of common roots and affixes are used in forming place-names. These word-parts have different origins.

In general, place names in Great Britain have three broad elements: personal elements, natural features and

settlement functions. These elements derive from ancient languages, and the combination in a single name may not date from the same period or same language. As the names lose their original meaning, due to a new or modified language, they change or drift to new forms. For example, in Torpenhow Hill (Cumbria) the first syllables “tor” and “pen” are of Brittonic origin, while “how” is derived from the Old Norse “haugr”, but all three mean “hill” [7].

Historical changes in language and culture influenced on the diversity of British place names.

In about 700 BC the Celts appeared in the British Isles. They may originally have come from eastern and central Europe. The tribes called the Britons settled in the southern part, the Picts and the Scots penetrated into the mountains of the north; some settled there and some crossed over to Ireland. It was the tribe of Britons that gave its name to the whole country. Celtic languages appear to have been spoken in the British Isles at the time of Roman conquest; so many places names have Celtic origin. The Celtic languages are divided into two families: Brythonic/Brittonic (Cornish, Cumbric and Welsh) and Goidelic (Irish Gaelic and Scottish Gaelic). For example, Avon (Brittonic) – “river”, Devon (Brittonic) – “district of the Dumnonii”, Dundee (Scottish Gaelic) – “fort of Daigh”, Oban (Scottish Gaelic) – “little bay”, Strathclyde (Scottish Gaelic and Brittonic) – “little valleys by the cleansing river” [5]

After the Roman conquest of Britain (c. 43 – 410 AD) many Roman place names appeared and they were associated with military settlements. The Roman occupation had very little influence on place names. “Chester” or “caster” is from the Latin word “castra”, which means “a camp or fort”. Some settlement names dated back to that period survive, such as Manchester (Mammucion) – “place on the breast-shaped hills”, Cirencester (Corinon) – “town on the river Churn”. In Wales and Cumbria “caer” has the same derivation, e.g. Caerdydd

(Cardiff), Carlisle. Roman “pons” (bridge) survived in Welsh as “pont”, e.g. Pontypridd. The second part in Lincoln (Lindum colonia) is Latin, and the first part in Portsmouth and Portland derives from the Latin “portus” which means “harbour”. The shortage of Latin place names may be explained by the Roman practice of latinizing native names, e.g. Verulamium for Verlamion, Derventio for Derwent [7].

After the fall of the Roman Empire the language of this region became Anglo-Saxon/Old English, which was the language of the Germanic tribes (Angles, Saxons and Jutes) that invaded the British Islands in the fifth century AD. It continued to be used till the French Norman invasion of England in 1066 AD. As a language, it was very different from modern English. It had grammatical gender, declensions, conjugations, tense-forms and case-endings. Old English existed in a number of forms such as West Saxon, Kentish and Anglian. With the founding of Anglo-Saxon settlements in the 5th century the first Anglo-Saxon names appeared, which later became English. For example, Suffolk – “land of the South folk”, Essex – “land of the East Saxons”, Bristol – “the site of the bridge”, Liverpool – “pool with thick water”, etc.

In the subsequent centuries Anglo-Saxon tribes spread throughout England and parts of Scotland and Wales, it was a period of migration. Many of the early Anglo-Saxon place names are thus the personal names of the people who came to live in these places.

During the period of 850-1050 AD the north and east of England, the islands and coast of Scotland were settled by Norse and Danish Vikings. Many place names in these areas are thus of Old Norse origin [8].

Middle English language, the vernacular spoken and written in England after the Norman Conquest (1066) until the late 15th century and it was the descendant of the Old English language and the ancestor of Modern English.

The history of Middle English is often divided into three periods: 1) Early Middle English, from about 1100 to about 1250, during which the Old English system of writing was still in use; 2) the Central Middle English period from about 1250 to about 1400, which was marked by the gradual formation of literary dialects, the use of an orthography greatly influenced by the Anglo-Norman writing system, the loss of pronunciation of final unaccented -e, and the borrowing of large numbers of Anglo-Norman words; and 3) Late Middle English, from about 1400 to about 1500 [9].

There are some difficulties in interpretation of British place names, among them are:

a) back-formation: the process of forming a new word by extracting actual or supposed affixes from another word, shortened words created from longer words, whereby names are derived from one another in the opposite direction, for example, rivers with an obsolete/forgotten names are often renamed after a settlement on its banks, but not vice versa. The river running through Rochdale (North West England) became known as the 'Roch'. Cambridge illustrates both normal and back-formation. Originally Grontabricc (Old English), a bridge on the river Granta, the name became Cantebruge and then Cambrugge, from which the river was renamed as Cam;

b) element order: In Old English and Old Norse place names, the substantive (noun) element is generally preceded by its modifier, such as “good creek”, “waterhole”, “spring”, e.g. Bakewell was originally Badecanwelle formed from Badeca + wella = “Spring or stream of a man called Badeca”. In Celtic place names, the order is usually reversed, with the thing being described as the first element, such as hill, valley, farm etc., e.g. Tregonebris –“settlement of Cunebris”, Aberdeen – “mouth of the river Dee” (aber = rivermouth + Dee, a name);

c) translation: place names in the Danelaw (Old Norse and Old English) were often simply norsified, e.g. Askrigg (England) means “ash ridge”, but the first element is

undoubtedly the Norse “asc”, pronounced as "ask"; “ask” could easily represent a norsification of the Old English element “æsc”, pronounced as "ash". Both “asc” and “æsc” mean the same – “ash tree”;

d) false analogy: sometimes, the place names were changed to match their own pronunciation habits without reference to the original meaning, e.g. Skipton should be “Shipton” (Old English scipetún – sheeptown, town/ tún = farm, enclosed field). However since “sh” (/sc/ in Old English) was usually cognate with “sk” in Old Norse, the name was changed by false analogy to Skipton, in this way losing its meaning, the Old Norse for sheep was entirely different from the Old English);

e) multiple meanings: some elements can have a variety of meanings, for example – “wich”/“wick”. They indicate a farm or settlement (e.g. Keswick "a cheese farm"). However, this element in some place names of Roman origin means “place” (from Latin – “vicus”). On the coast, “wick” is often of Norse origin; which can be translated as “bay” or “inlet” (e.g. Lerwick);

f) lost reason: sometimes it is difficult to interpret some names because the reason for the name is no longer evident. Some names originally concerned to a specific natural feature (a river, ford or hill) that can no longer be identified; for example, Whichford means "the ford of the Hwicce", but the location of the ford is lost;

g) confusion between elements: pairs of original elements can produce the same element in a modern place name, for example, the elements of Old English origin “den” (valley) and “dun” (hill) are sometimes confused: Croydon is in a valley and Willesden is on a hill [10].

Thus, Great Britain has a varied system of place names due the different settlement patterns, political and linguistic histories. In addition to the old and modern varieties of English, Scottish and Irish Gaelic and Welsh, many other

languages and cultures have had an impact on geographical names including Anglo-Normans, Anglo Saxons, Romans and Vikings, etc. Ultimately, most of the place names derived from the Celtic, North and West Germanic and Italic branches of the Indo-European language family. There are some difficulties in interpretation of British place names, among them are: back-formation, element order, translation, false analogy, multiple meanings, lost reason and confusion between elements.

Список использованных источников

- 1. Tent J., Blair D.** Motivations for Naming: The Development of a Toponymic Typology for Australian Place names / Jan Tent, David Blair // American Name Society. – 2011. – №. 2. – P. 67 – 89.
- 2. Сизова Е. А.** К проблеме классификации топонимических единиц /Е. К. Сизова // Университетские чтения – 2011. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть V. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – 244 с.
- 3. Root A.** Place names of the world: origins and meanings of the names for 6600 countries, cities, territories, natural features and historic sites / A. Root. – Stockbyte: McFarland & Company, 2006. – 364 p.
- 4. Etymology of British place-names.** [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pbenyon.plus.com/Misc/Etymology.html>.
- 5. Mill A. D.** Oxford dictionary of British place-names. The meaning and origin of place-names throughout the British Isles / A. D. Mills, Oxford University Press, 2003. – 574 p.
- 6. Narmyhametova N. M., Mussina D. A.** The functions of toponyms in the British language / N. M. Narmyhametova, D. A. Mussina. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Philologia/.
- 7. Ekwall E.** The Concise Oxford Dictionary of English Place Names / Eilert Ekwall. Oxford University Press, 2007. – 598 p.
- 8. Old English (Anglo-Saxon) Language.** [Electronic resource]. – Access mode: <http://fajardo->

acosta.com/worldlit/language/english-old.htm. **9. Middle English language.** [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.britannica.com/topic/Middle-English-language>. **10. Doig K.S.** Proto-Germanic and Indo-European studies / Linguistics, Culture, History, Mythology and Anthropology, 2011. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.proto-germanic.com/2013/11/whitehorse-uk-published-edited.html>.

Некрутенко Е. Б., Кисель В. С. Структурно-семантические особенности образования британских топонимов.

В статье проанализировано происхождение, значение, классификация британских топонимов; показаны трудности в их интерпретации. Охарактеризованы исторические изменения в языке, которые повлияли на разнообразие топонимов, имеющих кельтское, староанглийское, латинское, древнескандинавское и нормандское происхождение.

Ключевые слова: топоним, Великобритания, происхождение, интерпретация, классификация топонимов, исторические завоевания.

Nekrutenko E.B., Kisel V.S. Structural-semantic features of the name formation of British place names.

The origin, meaning, classification of British place names is examined in the article; the difficulties in their interpretation are indicated. Historical changes in language are described; they influenced on the diversity of place names which have Celtic, Old English, Latin, Old Norse and Norman origin.

Keywords: place name, Great Britain, origin, interpretation, classification of place names, historical conquests.

УДК 811.112.2'255.4:070.41

Остапенко Ю.О.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Когда читатель открывает газету, первое, что попадает ему на глаза – бесчисленное множество заголовков. Бегло просмотрев их, он выбирает для себя наиболее привлекательные и подходит к чтению соответствующих статей в первую очередь. Как следствие, газетным заголовкам следует быть лаконичными, эмоционально-окрашенными и актуальными для предполагаемой читательской аудитории.

Объединить хотя бы эти основные характеристики представляется достаточно сложным даже для опытных журналистов, и, соответственно, часть их работы перекладывается и на плечи переводчиков — ведь полноценный перевод газетного заголовка должен не только по возможности точно передать его оригинальное содержание, но и сохранить те элементы, которые возбуждают читательский интерес.

В статье будут определены особенности немецкого газетного заголовка, для иллюстрации которых будут использованы заголовки статей из онлайн-версии немецкоязычного журнала *Der Spiegel*. Также будут рассмотрены и проанализированы основные трудности, которые встречаются при переводе немецких газетных заголовков на русский язык. Изучению специфики перевода текстов газетно-публицистического стиля было посвящено множество исследований, среди которых можно выделить работы как отечественных (В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов), так и зарубежных филологов (А. Швейцер, Д. Брандес). Особое внимание при этом обращалось на лингвистические

14 апреля 2016 года, город Луганск

особенности заголовков (И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд, Т.А. Знаменская, С.И. Виноградов, В.Л. Наер). В настоящее время в научной литературе представлено много работ, посвященных лингвистическим особенностям заголовков в немецком языке, но достаточно полного представления об особенностях перевода немецких заголовков на русский язык еще не имеется.

Более того, несмотря на глубину научных исследований особенностей заголовков, в современной лингвистической литературе до сих пор не существует единого и универсального определения данному понятию.

Заголовок текста имеет двойственную природу. С одной стороны, это языковая структура, предваряющая текст. С этой позиции заголовок выступает как речевой элемент, который находится вне текста и имеет определенную самостоятельность. Но с другой стороны, заголовок также рассматривается, как и полноправный компонент текста, который входит в него и связан с другим компонентом целостного произведения. Таким образом, заголовок составляет единую систему с текстом «заголовок – текст».

В немецком языке существует несколько терминов, соответствующих понятию «заголовок» – *Titel*, *Überschrift*, *Schlagzeile* и *Headline*. Но, несмотря на общность русского перевода, некоторые из этих немецких эквивалентов отличаются друг от друга оттенками лексического значения. Так, например, понятию *Titel* точнее всего соответствует определение из словаря С.И. Ожегова, то есть *Titel* представляет собой название какого-нибудь произведения (художественного, музыкального), статьи или отдельной ее части [7, с. 287].

Это предполагает использование *Titel*, в сферах более широких, чем только средства массовой информации. *Überschrift* определяет заголовок скорее с функциональной стороны, что подчеркивает определение

из словаря К. Дудена, на основании которого *Überschrift* — это то, что стоит перед определенным текстом и характеризует его содержание [1].

Заголовку текста газетно-публицистического стиля наиболее точно соответствует термин *Schlagzeile* или его английский эквивалент *Headline*, который также используется в немецком языке. Мы рассмотрим несколько подходов к определению этого термина, что поможет нам создать основу для исследования особенностей немецких газетных заголовков.

Согласно толковому словарю К. Дудена, *Schlagzeile* – выделенный большими буквами, особенно бросающийся в глаза заголовок какой-либо статьи на первой странице газеты или рубрики в газете [1]. Здесь следует упомянуть тот факт, что заголовки в немецких газетах имеют отличительную черту – они напечатаны очень крупным шрифтом, и, соответственно занимают значительную часть полосы, что позволяет им играть довольно заметную роль в успехе соответствующей статьи. П. Хельвиг предлагает прежде обратиться к родовому понятию заголовка, который, по его мнению, закреплен за определённым участком письменного текста, который именуется контекстом. *Schlagzeile*, в прочтении Хельвига, является, в свою очередь, заголовком, в котором повторяется или перефразируется важное утверждение из контекста [2, с. 51]. Достаточно интересным является подход немецкого лингвиста Б. Зандиг, которая считает, что *Schlagzeile* «обнаруживает коммуникативную ценность предложения». Эта формулировка указывает на то, что лексемы заголовка, которые находятся между собой в синтаксических отношениях, могут представлять собой такую комбинацию, которая до этого еще нигде не встречалась и таким образом выражать что-то совершенно новое. На основании этого Б. Зандиг подчеркивает, что такие заголовки как, например, *Goethe über die Deutschen* и

14 апреля 2016 года, город Луганск

Links überholt нельзя отнести к термину *Schlagzeile*, так как они не несут в себе вышеописанной сентенциальности [3, с. 74-77].

Опираясь на вышеизложенные исследования, можно определить, что основной функцией немецкого газетного заголовка является привлечение внимания, причём определяющими моментами служат не только его внешний вид (особенно крупный шрифт), но и его содержание, так как заголовки в немецкоязычной прессе чаще всего предполагают собой возникновение новых смысловых связей в языке.

После подчеркивания определяющих моментов в немецком газетном заголовке, остановимся на тех лексико-стилистические особенности заголовков, которые присущи заголовкам во всех языках. Для этого обратим внимание на мнение С. И. Виноградова, который считает, что в стилистике заголовков, так же как в публицистическом стиле вообще, преобладают четыре группы стилистических приемов: вопросы различных типов, повторы, создаваемые средствами разных языковых уровней, аппликации и структурно-графические выделения [6, с. 124].

В отношении газетных заголовков данные приёмы реализуются соответствующим образом. В целях эмоционально-экспрессивного выделения определённых элементов текста и привлечения к ним интереса читателя используются повторы: *Bitte! Bitte! Benutzt Sonnencreme!* С той же целью используются и заголовки-вопросы, которые встречаются особенно часто: *Radtouren in Deutschland — welche passt für Sie?* Нельзя не упомянуть и об использовании антонимичных конструкций, при помощи которых журналисты получают возможность одновременно обратить внимание на два различных аспекта статьи: *Teure Medizinstudenten, billige Juristen.*

Для современной газетной речи характерно сочетание книжного и разговорного вариантов литературного языка. Это проявляется в использовании просторечных, разговорных, иноязычных лексем, элементов подъязыков (жаргонизмы, диалектизмы). Как правило, журналисты стараются использовать в заголовках наиболее популярные слова и выражения разговорно-бытовой лексики: *Disney verbietet Selfie-Sticks*.

Часто при анализе заголовков отмечается и использование в них игры слов. В основу языковой игры кладутся различные лингвистические явления: создаются каламбуры; обыгрываются имена и фамилии; вовлекаются аллюзии, цитаты, парадоксы; используются аллегория, смысловой контраст, эффект “обманутого ожидания”. Нередко применение аллитерации, а также намеренное нарушение грамматических норм. Так, например, лучшим заголовком среди немецких СМИ в 2014 году было признано каламбурное название статьи о затягивающемся и все дорожающем строительстве нового берлинского аэропорта *Fluchhafen Berlin*, опубликованной в газете *Frankfurter Allgemeine*. В заголовке использовано немецкое слово "аэропорт" (*Flughafen*), первая часть которого, однако, написана как "проклятие" (*Fluch*).

Очевидно, что дословно передать подобные лексико-стилистические особенности практически не представляется возможным. Но, тем не менее, важно не упустить и авторский замысел, ту самую идею, которую он использовал при создании заголовка, и передать его актуальность для соответствующей статьи. Решение этой проблемы мы находим у А.Ф. Архипова, который предлагает разделить процесс перевода газетно-журнальных заголовков на допереводной этап и этап собственно перевода. По его мнению, на допереводном этапе, прежде всего, следует выявить актуальное содержание заголовка в связи с содержанием текста, а

14 апреля 2016 года, город Луганск, 229

затем определить более конкретную функциональную направленность заголовка. После этого должны быть выявлены степень и характер экспрессивности заголовка и, в заключение, определена роль заголовка в организации текста. На этапе собственно перевода, в свою очередь, осуществляется точная передача или частичная компенсация выявленных особенностей заголовка с учетом закономерностей оформления заглавий аналогичных текстов в газетах и журналах, выходящих на русском языке [5, с. 149]. Данный подход является достаточно обоснованным, так как при процессе перевода происходит не только, соотнесение заголовка с самим текстом статьи, но и определение той роли, которую он выполняет на языке оригинала. Но следует, однако, более подробно остановиться на трудностях, которые возникают у переводчиков при интерпретации немецкоязычных газетных заголовков на русский язык.

Прежде всего, они связаны с возможной многозначностью заголовка или некоторых его элементов. Находящиеся под влиянием игры слов, инверсии, неологизмов, жаргонизмов, заимствований многозначные слова представляют собой серьёзное препятствие для понимания смысла заголовка. В таком случае единственное решение – обратиться к тексту статьи, чтобы выяснить в каком контексте употребляется слово, вызывающее сомнение.

Одним из излюбленных стилистических приемов журналистов, является и аллитерация. Очевидно, что перенести аллитерацию из немецкого языка в русский, за исключением редких случаев, невозможно, так как в этом случае теряется смысл оригинального заголовка. Оптимальным решением в этом случае будет отправление к исходной функции заголовка – функции привлечения внимания и использование другого, тождественного в этом смысле, стилистического приёма.

Далее, особое внимание при переводе газетных заголовков следует уделить аббревиатурам, так как расшифровать эти сокращения часто представляется проблемным. С этой целью профессиональному переводчику публицистических текстов следует постоянно пополнять свой словарный запас актуальными аббревиатурами, чтобы ускорить и сделать более качественным конечный перевод. То же касается и фразеологизмов, игры слов, метафор, умышленно измененных устойчивых выражений. Но ключ к пониманию их смысла лежит не только в запоминании отдельных выражений, но и в степени погружения в иностранную культуру.

Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе немецких газетных заголовков можно столкнуться с различными трудностями, причины которых чаще всего могут быть связаны с передачей их лексико-стилистических особенностей. Профессиональному переводчику в таком случае следует принимать во внимание все оттенки значений таких элементов и стремиться передать их так, чтобы они не потеряли свою привлекательность для читателя. Если же такая возможность отсутствует, то наилучшим решением будет использование равных по экспрессивности стилистических фигур, которые, тем не менее, не повредят связи заголовка с самим текстом.

Список использованных источников

- 1. Duden** [Электронный ресурс] / Berlin: Bibliographisches Institut GmbH, 2016. — Режим доступа: <http://www.duden.de/>
- 2. Hellwig P.** Grundzüge einer Theorie des Textzusammenhanges / Hellwig P. — Hamburg: Buske, 1995. — 214 S.
- 3. Sandig B.** Syntaktische Typologie der Schlagzeile / B. Sandig. — München : Max Hueber Verlag, 1971. — 176 S.
- 4. Spiegel Online: Aktuelle Nachrichten** [Электронный ресурс] — Режим доступа: 14 апреля 2016 года, город Луганск.

<http://www.spiegel.de> 5. **Архипов А.Ф.** Самоучитель перевода с немецкого языка на русский. — М.: Высш. шк., 1991. — 256 с. 6. **Виноградов С.И.** Культура русской речи: учебник для вузов / С.И. Виноградов, О.В. Платонова. — М.: Инфра-М, 1999. — 560 с. 7. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2003. — 944 с.

Остапенко Ю.О. Особенности перевода заголовков в немецком языке

В статье исследуется содержание понятия «заголовок», а также рассматриваются различные значения этого понятия в немецком языке. Далее, на основании классификация С.И. Виноградова, автор выясняет, как основные лексико-стилистические особенности публицистического стиля реализуются в отношении немецких газетных заголовков. На основании этих особенностей обозначаются основные проблемы перевода газетных заголовков, и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: заголовок, лексико-стилистические средства, газетно-публицистический стиль, проблемы перевода, экспрессивность

Ostapenko J.O. Translation Peculiarities of German Headlines

The article deals with the concept ‘headline’, the author considers different meanings of it. Then, basing on S.I. Vinogradov’s classification, the author finds out how the main lexical and stylistic peculiarities of newspaper style are implemented in the respect to German headlines. On the basis of these peculiarities the author designates the main translation problems of German headlines and suggests the ways of its resolution.

Key words: headline, lexical stylistic devices, newspaper style, translation problems, expressiveness.

Пантыкина Н.И.

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

С термином «дружба», при всем многообразии его толкования, связан стержневой концепт языкознания. Отношение к дружбе, вернее ее понимание, входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, поэтому этическая мысль не раз обращалась к этой теме. Понимание дружбы заключается в особенных – нравственно-прекрасных отношениях, основанных на духовной близости и взаимной сердечной привязанности, в которых человек последовательно и до конца проявляет себя как добродетельный. Ценностное богатство концепта с его разнообразием оттенков значений, тонкостей стилистической окраски и образной системы является основой лингвокультурного изучения [4, с. 76]. Рассматривая дружбу как концепт, следует отметить его универсальный характер. В своем вербальном представлении он характеризуется «разноименностью» и «семантической дублетностью», поэтому концепт «ДРУЖБА» присутствует во всех этнических лингвокультурах.

Актуальными становятся исследования в когнитивной науке, связанные с комплексным анализом и сравнением лингвокультурного концепта «ДРУЖБА» в русском и английском языковом пространстве.

Лингвокультурный концепт, по мнению С. Воркачева, обретает статус объекта лингвистического анализа именно благодаря значимостной составляющей. Природа лингвокультурного концепта предполагает его закрепленность за определенными вербальными

средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг доминанты (ядра), представленной именем концепта [2, с. 65]. В проекции на лексическую систему современного русского языка концепт «ДРУЖБА» представлен лексемой *дружба*.

В лексикографической статье лексема «*дружба*» представлена прежде всего как *отношения* между друзьями, которые в свою очередь имеют ряд определений. Лексема «отношения» раскрывается через семантические множители: *привязанность, доверие, духовная близость, общность интересов, приязнь*. По мнению С. Воркачева, семантический анализ концепта «дружба» требует рассмотрения таких синонимов или семантических дублетов как «друг», «товарищ», «приятель» [2, с. 67].

Друзей объединяет внутренняя, душевная близость, общность идей. Друг хорошо знает и понимает субъекта, любит его, так что субъект ему максимально доверяет, делится с ним и хорошим, и плохим: *Говорю вам как другу, единственному человеку, которому могу открыть свою душу*. Товарищей и приятелей же объединяет не столько внутренняя общность, сколько внешние обстоятельства. Слово «товарищ» предполагает, что людей связывает какое-то общее дело, занятие, благодаря которому они проводят много времени вместе и имеют общие интересы, возможно общую цель и т. п., причем считают себя равными: *Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю*. Приятелей же объединяет совместное проведение времени, общие вкусы, благодаря чему им приятно быть в компании друг друга, но не общая цель. Даже если приятели вместе учатся или работают. Приятели часто очень хорошо знают друг друга, друг другу помогают: *Оказывается какой-то приятель уступил ему*

на несколько вечеров машинку, и вот он сидел в городе и печатал [2, с. 70].

Приведем примеры устойчивых сочетаний со словом «друг». В русском языке есть эвфемистическая лексема, обозначающая мужчину, с которым близка данная женщина. Актуализация этого значения происходит часто в сочетании *друг сердца*, обращенного к женщине или мужчине и предполагающего эмоциональную связь. Словосочетание *друг народа* указывает на социально-общественные отношения. Оно используется для обозначения популярного в народе человека. Довольно часто в просторечии встречается оборот *друг ситный*, шутливо-непринужденное обращение к приятелю, а в последнее время к ребенку мужского пола со стороны старшего.

Все синонимы образуют оценочные сочетания, причем «друг» оценивается с точки зрения его близости и преданности, «товарищ» – с точки зрения соответствия его поведения нормам, принятым в коллективе, а «приятель» – с точки зрения его близости и приятности его компании: *хороший (лучший, замечательный, близкий, закадычный) друг, неразлучные друзья, настоящий, верный, преданный друг; хороший (неплохой, надежный) товарищ; хороший (близкий) приятель.*

Обратимся к анализу концепта «FRIENDSHIP» в английской лингвокультуре.

В английской лексикографии концепт «FRIENDSHIP» представлен лексемой отношения или знакомства, которая в дальнейшем раскрывается через семантические множители: *state of, condition of being friends, feeling, behaviour, attachment, instance, period of.* Словарные толкования различают до 7 значений и оттенков у лексемы «friendship». Наблюдения над лексикографическим описанием дружбы позволяют сделать вывод, что отправной точкой в вербализации

14 апреля 2016 года, город Луганск, 235

дружбы английской языковой личностью является само состояние или его период, обусловленное фиксированной структурой английского предложения, не позволяющей опущения предиката-связки в перифразе *to be friends: state of being friends*. В формуле английского концепта присутствуют следующие компоненты: *behaviour of friends; attachment between friends; friendly feeling; instance of the feeling* и *period of the feeling*.

По мнению С. Воркачева, синонимический смысловой ряд концепта дружбы в английской лексикографии представлен следующим рядом «квазисинонимов», т. к. ни одна из ниже перечисленных лексем не совпадает в полном объеме с денотатом *friendship*, а всего лишь характеризует структуру одноаспектных отношений – *affection, affinity, alliance, attachment, amity, congeniality, nearness, closeness, concord, familiarity, fellowship, chumminess, fondness, friendliness, neighbourliness, sociability, comradeship, companionship, consideration, goodwill, harmony, intimacy, love, rapport, regard, loyalty*. В английской лексикографии синонимический ряд слова «*friendship*» состоит в основном из тех качеств, которые характеризуют в той или иной мере такие отношения. Поэтому английский синонимический ряд длиннее русского [2, с.71].

Традиционное воззрение на дружбу как на что-то постоянное отражено в общепринятых сочетаниях, таких как *eternal friend*, часто комбинируемых к тому же со словами *swearing* (клятва) или *vowing* (обещание). Сюда также можно отнести такие словосочетания, как *steady friendship* и *constant friendship*, а также *faithful friend, steadfast friend, old friend*.

Такой компонент данного концепта как «прочность» нашел свое отражение в целом ряде пословиц и фразеологизмов, свидетельствующих о том, что это качество проверяется в несчастье: **A friend in need is a**
236

friend indeed; A **friend** is never known till a man have need; fair weather friend, summer friend, false friend.

Выражаясь языком семантических примитивов А. Вежбицкой, старый концепт friend содержал в себе следующий компонент: «хотеть сделать что-то хорошее для этого человека». Он же является и частью «любви» [1, с. 35]. Этот концепт подразумевал индивида, связанного с нами особыми узами, что выражается следующими сочетаниями: beloved, sweet, good, gentle, loving, dearest, true-hearted, worthy, noble, precious, loyal, faithful friend. Все эти оценочные выражения характеризуют личные качества друзей, говоря о стремлении понять и разобраться в духовном содержании «друга» (friend).

Итак, в старом употреблении данный концепт подразумевал, что друзья будут любимы, а в новом, что друзья будут доставлять удовольствие, радость. В нашем понимании с концептом friend произошел некий семантический сдвиг к «приятельству», где совершенно нормально иметь множество таких friends.

Концепт «FRIENDSHIP» включает в себя следующий синонимический ряд: associate, companion, comrade, comru, *разг.* pal, *амер. разг.* buddy. Все эти слова употребляются в британском/американском английском для выражения понятия человека, с которым часто общаются или находятся в близких отношениях, как то: партнер, коллега, товарищ, приятель, друг.

Данные синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам:

- 1) почва, на которой возникает потребность в общении (общая работа или личная симпатия);
- 2) «возраст» дружбы;
- 3) ее характер.

Associate обозначает человека, регулярно связанного с кем-либо общим делом, положением, интересами: Later, Clyde had found that when he dressed

well, ate well and lived well, he won more respect from his *associates*. (Позже Клайд обнаружил, что когда он хорошо одевался, хорошо питался и хорошо жил, его товарищи уважали его больше.)

Companion (лат. *compānio*, что буквально переводится «тот, кто делится хлебом», где *panis* – хлеб) обычно обозначает человека, связанного с кем-либо прежде всего обстоятельствами личной жизни, иногда только на данный момент – товарища по играм, спутника по дороге, (случайного) собеседника и т. п. в отличие от *associate*, *companion* предполагает не столько деловую или служебную, сколько дружескую связь, проявляющуюся в совместном проведении досуга: *She was still at forty-three a comely and faithful companion*. (В свои сорок три года она была, как и прежде, приятным и верным спутником жизни.)

Comrade (из фр. *camarade*, исп. *camarada*, что буквально переводится «тот, кто делит с другим комнату», от лат. *camera* – комната) обозначает человека, связанного с кем-либо общностью взглядов или дела, а часто еще и дружескими отношениями на основе полного равенства: *comrades-in-arms*. *Comrade* приближается по значению к *companion*, когда речь идет о детской дружбе: *He hung about the school instead of playing with his comrades*. («Он околачивался возле школьных ворот вместо того, чтобы играть со своими товарищами»).

Crony (закадычный друг) чаще всего описывает ситуации старой дружбы, т. е. дружбы, начавшейся в детские или юношеские годы, независимо от того, разлучались ли друзья с тех пор или поддерживали до зрелых лет непрерывное общение: *These men...seemed to be more alive than Mr. Morse and his crony*. («Эти люди...казались ему более живыми, чем мистер Морз и его закадычный друг»).

Pal и buddy обозначают людей, с которыми человек проводит досуг или совместно выполняет какую-либо работу и с которыми он связан или может быть связан фамильярно-приятельскими отношениями. При этом pal, в отличие от buddy, чаще предполагает более тесные, личные, почти дружеские отношения взаимного доверия, готовность поддерживать и т. п., и в этом отношении сближается со словом comrade: Bunder and them *pals* of his aren't bad at the job («Бандер и его парни умеют работать»).

Buddy предполагает менее тесные связи и часто обозначает временные контакты, возникающие в данной ситуации, сближаясь в этом отношении со словом companion: To all outward appearances we were *buddies* who had just seen each other after a long while. («Внешне могло показаться, что мы близкие приятели, только что встретившиеся после долгой разлуки») [2, с. 71] .

Таким образом, дружба в англоязычной культуре понимается как несколько поверхностные, однако внешне обязательно доброжелательные отношения, совершенно отсутствует семантический признак единения, на первый план выступает качество приятности [8]. Английская лексикография включает все рассматриваемые лексемы в языковой круг концепта «FRIENDSHIP». Однако, на наш взгляд, некоторые из них находятся за пределами понятия дружбы, указывая на деловые, партнерские и т. д. отношения.

Сравнение значимостной составляющей концепта «ДРУЖБА» в русском и английском языках можно представить следующим образом (табл. 1):

Табл. 1

Русский язык	Английский язык
<i>Сходство</i>	
1. Концепт «ДРУЖБА» представлен лексемой «дружба». 2. Лексикографическое понятие «дружба» раскрывается через лексему «отношения»	
<i>Различия</i>	
1. Семантические множители лексемы «отношения»:	
привязанность, доверие, духовная близость, общность интересов, приязнь	behaviour of friends, attachment between friends, friendly feeling, instance of the feeling, period of the feeling
2. Синонимический ряд концепта «ДРУЖБА»	
1. друг, товарищ, приятель, знакомый, компаньон, коллега, дружище, сосед, союзник	associate, companion, comrade, crony, pal, buddy, chum, mate, sidekick, intimate, confidant, acquaintance, well-wisher

Таблица 1. Сравнительная характеристика значимостной составляющей концепта «ДРУЖБА» в русском и английском языках

Не менее значимой составляющей лингвистического анализа концепта «ДРУЖБА» является его образный компонент, ярко представляющий языковые средства реализации концепта в русской лингвокультуре. Рассмотрим концепт «ДРУЖБА» в ее метафорических реализациях: уподоблениях абстрактного понятия «дружба» предметам чувственного мира.

Метафора – это такой способ мышления о мире, который использует прежде добытые знания, постигая

новые: из некоторого еще не четко «додуманного» понятия формируется новый концепт за счет использования первичного значения слова и многочисленных сопровождающих его ассоциаций. Как уже отмечалось, лексема «друг» становятся тем опорным концептом-призмой, через которую человек видит мир: «Надо мною часто пела вьюга: «Я твоя давнишняя *подруга...*» (Марков); «И, никого ни капли не спросив, как пьяный *друг*, ты лезешь целоваться» (Есенин); «К твоим стопам с горячностью *друга* склонялся мир – твои оковы нес» (Туманский)

Дружба для субъекта-носителя русского языкового сознания представляется священным предметом, которого можно *быть достойным и недостойным*: «На камне, *дружбой освященном*, пишу я наши имена» (Пушкин); «Он слаб и зол, он *дружбы недостоин*» (Пушкин). Дружба – это некая ценность, которой *дорожат*, которую *хранят, берегут, ценят, боятся потерять* и, когда теряют, горько расстраиваются и чаще винят другого. Как и у любого ценного предмета, у дружбы есть цена, хотя и практически неопределимая: «Он верной дружбы славил цену, чтоб бытие ее пред миром отвергать» (Туманский)

Довольно часто в русском языке встречаются случаи персонификации дружбы. И тогда она приобретает те качества, которые присущи субъектам-носителям. Лексикографический анализ, а также разбор поэтических текстов показывает, что дружба может *рождаться, расти, взрослеть, жить*, и, наконец, *умирать*: «В этой комнатке счастье былое, дружба светлая *выросла* там» (Огарев); «Но *дружба* моя с тобою лишь вместе со мной *умрет*» (Ошанин) Она *стремится, требует, не терпит*; ее *предают*.

Таким образом, концепт «ДРУЖБА» является универсальным лингвоментальным образованием высшей степени абстракции. В языковых реализациях русской

лингвокультуры характерны метафоры по двум компонентам: по типу образа – прямого значения лексемы, репрезентирующей вспомогательный субъект, которому уподобляется дружба и по основанию уподобления – признаку, определяющему сходство, по степени названности этого образа.

Характеризуя образную составляющую концепта «FRIENDSHIP», следует отметить, что набор антропоморфных метафор в английских языковых реализациях не менее богат: *friendship* рождается (*be born*), растет (*grow*), развивается (*develop*), умирает (*die*); к тому же она работает (*work*), страдает (*suffer*), она может быть обречена (*be doomed*) и ее можно продвинуть, повысить (*promote*). У английской дружбы, однако, нет каких-либо частей человеческого тела. Изредка встречаются намеки, что сама дружба является частью физической субстанции субъекта-носителя: *When one by one our friends have gone, and left our bosoms bleeding* (Campbell). Она может быть сильной (*strong*), сердечной (*cordial*), страстной (*passionate*), честной (*honest*), здоровой (*healthy*). Иногда можно встретить упоминания о ее заболеваниях: *The most fatal disease of friendship is gradual decay* (Johnson).

Помимо антропоморфных метафорических реализаций довольно частотны случаи ее отождествления с неодушевленными объектами, субстанциями, имеющими определенные качества физических тел. Так, например, нередко встречаются синестезические метафоры. Причем, здесь явно просматривается различие между вкусовыми ощущениями языковых носителей. Английская поэзия содержит несколько больше, как представляется, прямопротивоположных примеров, констатирующих ее горечь: *There's the silence of a great hatred, / And the silence of a great love, And the silence of a deep peace of mind, And the silence of an embittered friendship* (Masters). Помимо этого, здесь также следует отметить ряд других единичных

метафор, отправляющих дружбу к категории материальной субстанции с рядом физических параметров, как то плотность, жесткость, хрупкость, иногда температур: *Then if my friendships break and bend, There's no need to cry* (Parker); *Friendship is the only trustworthy fabric of the affections... Friendship is warmth in cold, firm ground in a bog* (Franklin). В английском сознании, в отличие от русского, представлены биоморфные метафоры, относящие дружбу к растительности: *A sound and healthy friendship is the growth of time and circumstance, it will spring up and thrive like a wildflower when these favour, and when they do not, it is in vain to look for it* (Wordsworth); *True friendship is a plant of slow growth* (Washington); *Friendship like the holly-tree* (Bronte) [2, с. 76].

Таким образом, являясь универсальным лингвоментальным образованием высшей степени абстракции, в языковых реализациях английского языка концепт «дружба» в своей ядерной области имеет антропоморфные и биоморфные очертания.

Сравнение образной составляющей концепта «ДРУЖБА» в русской и английской лингвокультурах представлено в таблице 2.

Табл. 2

Русская лингвокультура	Английская лингвокультура
<i>Сходство</i>	
1. Присутствие антропоморфных когнитивных метафор. 2. Наличие синестезических метафор	
<i>Различия</i>	
1. Встречаются случаи персонификации дружбы. 2. Характерен семантический признак: святость	1. Наличие биоморфных метафор

Таблица 2. Сравнительная характеристика образной составляющей концепта «ДРУЖБА» в русской и английской лингвокультурах

Таким образом, в языковых реализациях обоих языков концепт «ДРУЖБА» в своей ядерной области имеет аналогичные, в основном антропоморфные, очертания. Однако периферия представляет различия, касающиеся наличия/отсутствия того или иного признака, их качественной или количественной характеристики. Главным отличительным семантическим признаком, на наш взгляд, является – *святость*, характерная для русскоязычного сознания.

Проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов рассматриваемой проблемы. К перспективным вопросам, требующим дальнейшего научного изучения, считаем целесообразным отнести языковые средства реализации концепта «ДРУЖБА» в русской и английской лингвокультурах.

Список использованных источников

- 1 Вежбицкая А.** Понимание культур через посредство ключевых слов / Анна Вежбицкая. – М., 1999. – 290 с. **2. Воркачев С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-73. **3. Воробьев В.** Лингвокультурология (теория и методы) / Владимир Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с. **4. Карасик В. И.** Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Научное издание. – 2001. – С. 75-81. **5. Колесов В. В.** Отражение русского менталитета в слове / В. В. Колесов // Человек в зеркале наук: труды методологического семинара «Человек» / под ред. А. О. Бороноева. – Л., 1991. – С. 106-124. **6. Красных В.** Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / Виктория Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с. **7. Кубрякова Е. С.** Когнитивная лингвистика / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац и др. – М.: Филол. ф-т МГУ им. 244

М. В. Ломоносова, 1996. – С. 53–55. **8. Whorf B.** Language, thought and reality / Benjamin Whorf. – М, 2006. – 110 p.

Пантыкина Н.И. Специфика концепта «ДРУЖБА» в русской и английской лингвокультурах

Осуществлен комплексный анализ лингвокультурного концепта «ДРУЖБА» в русском и английском языковом пространстве; охарактеризованы значимостная и образная составляющие концепта. Проведено сравнение концепта «ДРУЖБА» в русском и английском языках.

Ключевые слова: концепт, лексико-семантическое поле, лексема «отношения», семантические множители, когнитивные метафоры,

Pantykina N.I. The concept “FRIENDSHIP” in the Russian and English languages

The paper deals with the analysis of the concept “FRIENDSHIP” in the Russian and English languages; the linguistic meaning and figurative component of the concept are defined. The concept “FRIENDSHIP” in the Russian and English languages is compared.

Keywords: concept, lexical and semantic fields, lexeme “relations”, semantic factors, cognitive metaphor.

Рубашка А.А.

ФЭНТЕЗИ КАК ВИД ЖАНРА

Современная русская фэнтези, фэнтези конца XX столетия, "выросла" и расцвела в художественном пространстве, образовавшемся в результате развала советской идеологической системы с ее строгой цензурой и уклоном к соцреализму. Она обращается не к разуму и логике, а к чувствам и мечтам, она иррациональна, и не несет идеологической направленности.

Первые шаги фэнтези в нашей литературе совпали с расцветом того явления в искусстве, которое многие исследователи называют постмодернизмом. Фэнтези не могла не ощутить влияния постмодернизма и не оказать, в свою очередь, воздействия на него. Она многое восприняла из постмодернистской эстетики. Это и идея понимания мира как текста и текста как мира [5, с. 226], и замещение реальной действительности действительностью вымышленной, и мысль об отчуждении человека от жизни, и идея создания собственного мира из элементов культуры [7, с. 151] и многое другое.

Некоторые особенности жанра лучше понять из его истории. Термин «фэнтези» происходит от английского слова «fantasy» — «фантазия». Этим словом еще в XVII веке в англоязычной литературе обозначали экстравагантно-феерические произведения, где воображение автора ничем не ограничено. Наиболее четкое определение фэнтези предлагает справочник «Русская фантастика XX века в именах и лицах»: «Фэнтези – это своеобразное сращение сказки, фантастики и приключенческого романа в единую («параллельную», «вторичную») художественную реальность с тенденцией к

246 *14 апреля 2016 года, город Луганск*

воссозданию, переосмыслению мифического архетипа и формированию нового мира в её границах.

Некоторые исследователи относят к жанру фэнтези даже некоторые произведения античности: «Одним из первых авторов, творивших в жанре фэнтези, был древнегреческий сатирик Лукиан Самосатский, 2 век н. э.» [10, с. 207]. Как отдельный жанр фэнтези начинает формироваться в конце XIX столетия, когда выходит роман английского поэта, искусствоведа и социалиста-утописта Уильяма Морриса (1834—1896) «Колодец на краю света» («Well at the World's End», 1896). Дальнейшее формирование жанра происходит благодаря творчеству таких писателей, как Эдвард Дансейни (чаще называемый по родовому имени — лорд Дансейни, 1878—1957) и Абрахам Мерит (1884—1943). Но в целом фэнтези не вызвала широкого интереса у читающей публики. «По внешним параметрам фэнтези является разновидностью фантастической сказки» [8, с. 320]. «Сказочной фантазмагорией вымышленных миров» называет фэнтези писатель Э. Геворкян [3, с. 11]. За рубежом фэнтези также активно и непрерывно развивается. Первым произведением настоящей, привычной нам фэнтези стал "Век Дракона " Роберта Говарда, первым героем нового жанра, названного сначала *genersword and sorcery*, "жанром меча и волшебства", стал Конан Киммериец. Так началась первая волна фэнтези.

Жанр фэнтези в настоящее время вызывает множество споров, которые касаются истории жанра, жанрово-видовой и функциональной природы, жанровых модификаций (классификация), поэтики и др. Жанр фэнтези привлекает писателей в первую очередь тем, что дает огромную свободу авторской фантазии и позволяет ввести в повествование порою самые немыслимые элементы. Практически каждый писатель под фантастикой понимает что-то свое, и то же самое можно

14 апреля 2016 года, город Луганск

сказать о фэнтези. Например, известный американский писатель-фантаст Роджер Желязны вспоминал, что всякий раз, когда он слышал или читал новое определение фантастики, писал рассказ, который опровергал это определение и тем не менее являлся фантастическим. Fantasy «изображает нечто заведомо невозможное» [12, с. 35], во всяком случае, в нашем мире. Западные исследователи, а в последние годы и большинство отечественных, воспринимают фэнтези как особый жанр, отделяя его от литературы сновидений, литературы ужасов, литературной сказки, мистики. Именно поэтому можно выделить такие жанровые признаки фэнтези:

1. мир несуществующий, обладающий свойствами, невозможными в нашей реальности. Например, Плоский мир, созданный Терри Пратчеттом: "этот мир, как следует из названия, совершенно плоский и покоится (точнее, едет верхом) на спинах четырех огромных слонов. Слоны стоят на панцире гигантской звездной черепахи по имени Великий А'Туин. Диск обрамлен водопадом, пенистые каскады которого бесконечной лавиной обрушиваются в космос. Ученые подсчитали, что шансы реального существования столь откровенно абсурдного мира равняются одному на миллион. Однако волшебники подсчитали, что шанс "один на миллион" выпадает в девяти случаях из десяти" [9, с. 7–8];
2. магия и фольклорные персонажи как необходимый элемент. В качестве примера подойдет едва ли не любое произведение фэнтези;
3. авантюрный сюжет (как правило - поиск, странствие, война и т. п.);
4. средневековый антураж, хотя здесь возможны варианты: Древний мир (Г. Л. Олди, "Герой должен быть один", где действие происходит в Древней

- Греции), современность (С. Лукьяненко "Ночной дозор") или будущее (Кристофер Сташефф, "Чародей поневоле");
5. скрытое противопоставление технологии и волшебства в пользу последнего;
 6. на первый план выдвигаются герои, их поступки и переживания, волшебное и сказочное играет вспомогательную, но далеко не второстепенную роль;
 7. противостояние добра и зла как основной сюжетобразующий стержень, "для фэнтези обязательна борьба добра и зла - ибо она, как и сказка, структурирована этически" [2, с. 161].
 8. Конечно, фэнтези отличается от сказки. Зло и добро в ней равнозначны, а в сказке добро побеждает без потерь.
 9. наличие потустороннего мира и его проявлений;
 10. полная свобода автора: он может повернуть сюжет самым неожиданным образом, поскольку волшебный мир фэнтези предполагает, что в нем возможно все.
 11. Первые специализированные журналы, выходящие в США в 1920 — 1940-х, — «Жуткие истории» («Weird tales») и «Удивительные рассказы» («Astounding stories») — считались бульварным чтивом; лишь впоследствии — в 1960-х годах — публиковавшихся в них писателей (Говарда Филиппа Лавкрафта, Роберта Говарда, Кларка Эштона Смита) оценили по достоинству и назвали родоначальниками и основателями жанра фэнтези. Самыми известными представителями жанра фэнтези являются Джон Рональд Руэл Толкиен, Урсула Ле Гуин, Ник Перумов, Майкл Муркок, Роджер Желязны, Андре Нортон, Анджей Сапковский, Сергей Лукьяненко и другие. В России

исследованию фэнтези посвящены следующие работы: Е. Дрозд «Фэнтези: пробуждение спящих богов», В.К. Олейник «Жанр фэнтези в литературе XX века», Н. Ютанов «О пользе фэнтези в мире миров», В. Гончаров «Русская фэнтези - выбор пути», Е. Ковтун «Истинная реальность» fantasy», Т. Степновская «Фэнтези - переодетая золушка», Э. Раткевич «Меч без рукояти», С. Логинов «Русское фэнтези - новая золушка», Л. Зымалева «Река жёлтого фэнтези», Е. Харитонов «Истории о богатырях славенских» и др.

Произведения фэнтези чаще всего напоминают историко-приключенческий роман, действие которого происходит в вымышленном мире, близком к реальному Средневековью, герои которого сталкиваются со сверхъестественными явлениями и существами. Зачастую фэнтези построено на основе архетипических сюжетов. Фэнтези представляет в своих произведениях мир, подчеркнуто, демонстративно не совпадающий с обыденным представлением о действительности. Авторы, как правило, помещают действие в придуманный ими мир со своей географией, своей историей, своими расами и народами. Еще одним обязательным условием для фэнтезийного произведения является пронизывающая его волшебная атмосфера. В фэнтези "конструируются миры, нигде не существующие. В фэнтези действуют некие высшие, надчеловеческие силы. Фэнтези может себе позволить обращаться с законами природы как ей угодно, вплоть до прямого их нарушения. В фэнтези же никакие объяснения не нужны, ибо чудо в ней - нечто само собой разумеющееся. Оно – изображает невозможное. "В fantasy мы встречаемся с явлениями сверхъестественными. Итак, главный признак фэнтези - нечто такое, что заведомо невозможно в нашем мире.

Одной из особенностей фэнтези можно считать и то, что этот жанр "предпочитает" крупные формы, сближающие его с романом и повестью, хотя повесть-фэнтези - явление редкое. Многие фэнтези взяла и из авантюрных романов. В частности, особенности построения сюжета, интриги. Слова М. Бахтина об "авантюрном" романном времени можно отнести и к большинству произведений фэнтези: "авантюрное "время случая" есть специфическое время вмешательства иррациональных сил в человеческую жизнь: вмешательства судьбы, богов, демонов, магов-волшебников... романских злодеев", "все моменты бесконечного авантюрного времени управляются одной силой - случаем" [1, с. 148]. В описательных концепциях фэнтези, в совокупности, определён ряд признаков жанра, среди которых на первый план выходят: фантастическая картина мира, сказочно-мифологическая основа и жанровый синтез. Исследователи находят в фэнтези элементы героического эпоса, легенды, рыцарского романа, литературной сказки, романтической повести, готического романа, оккультно-мистической литературы символистов, постмодернистского романа и др.

Причина популярности фэнтези - в разочаровании в научно-техническом прогрессе, в способности науки изменить мир к лучшему, в усталости от политических и социальных потрясений. "Благодаря фэнтези человек как бы снова возвращается в космос утраченного детства, к первопричинам, к самым простым и основным вопросам, на которые следует ответить, чтобы найти себя, свое место в измененном мире, мире утраченных надежд и опровергнутых истин" [11, с.47].

Можно сделать вывод, что все данные определения носят скорее описательный характер и дают слишком широкую характеристику. Складывается впечатление, что в широком смысле фэнтези – любое произведение, в
14 апреля 2016 года, город Луганск,

котором присутствует элемент необъяснимого, мистического, не поддающегося рациональному истолкованию.

Список использованных источников

- 1. Бахтин М.** Время и пространство в романе / М. Бахтин // Вопросы литературы 1974. – № 3. – 148 с.
- 2. Галина М.** Авторская интерпретация универсального мифа / М. Галина // ОНС, 1998. – № 6. – 161 с.
- 3. Геворкян Э.** Чем вымощена дорога в рай / Э. Геворкян // Антиутопии XX века. – М., 1989. – 11 с.
- 4. Гончаров В.** Русская фэнтези - выбор пути / В. Гончаров // Если, 1998. – 216 с.
- 5. Курицын В.** Постмодернизм : новая первобытная культура / В. Курицын // Новый мир, 1992. – № 2. – 226 с.
- 6. Лукьяненко С.** "Л" - значит люди. / С. Лукьяненко. – М., 1999. – 29 с.
- 7. Нефагина Г.** Русская проза второй половины 80-х - начала 90-х годов XX века / Г. Нефагина. – Минск, 1998. – 151 с.
- 8. Перумов Н.** Я люблю гномов, а они любят пиво / Н. Перумов // Мир за неделю. – М., 2000. – № 4. – 320 с.
- 9. Пратчетт Т.** Мор-ученик Смерти / Т. Пратчетт. – М., 1998. – 7–8 с.
- 10. Смирнова Е. В.** Мир фэнтези – вымысел или реальность? / Е. В.Смирнова // Мировая словесность для детей и о детях. – 2005. – № 10. – 207 с.
- 11. Степновска Т.** Фэнтези - переодетая Золушка / Т. Степновская // Русская словесность в школах Украины, 2000. – № 2 . – 47 с.
- 12. Чернышева Т.** Природа фантастики / Т. Чернышева. – Иркутск, 1984.

Рубашка А.А Фэнтези как вид жанра.

Статья посвящена исследованию фэнтези как вида жанра. Исследована история возникновения и развития жанра фэнтези; проанализированы жанровые признаки и основные направления фэнтези; рассмотрены основные условия, которые характеризуют жанр фэнтези.

Ключевые слова: фэнтези, литературный жанр, жанровые признаки, направления фэнтези, авторы фэнтези.

Rubashka A. A. Fantasy as a kind of genre.

The article investigates the fantasy as a kind of genre. It explores the history of the emergence and development of the fantasy genre, analyzes genre features and the main directions of fantasy, the basic conditions that characterize the genre of fantasy.

Key words: fantasy, literary genre, genre features, directions of fantasy, authors of fantasy.

Санченко Е. Н.

ПОВТОР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Картина мира, создаваемая художественным текстом, состоит из огромного числа элементов, имеющих явный или скрытый смысл. Принцип повтора проявляет себя на всех уровнях организации материального мира как фактор структурообразования природных объектов. Тот же принцип реализуется на всех уровнях языка как основа ее структурного единства, но специфика заключается в образовании соединений элементарных объединений с изменением как информативной емкости, так и протяженности составляющих самого кода.

Целью нашего исследования является анализ проблем сохранения стилистического средства лингвистического повтора при переводе.

Актуальность выбранной темы исследования заключается в том, что в последние годы значительно возрос интерес лингвистов к проблемам изучения синтаксиса текста как связной речи. Существенное место в обеспечении внутренне текстовой когезии занимают повторы разного рода.

Явление повтора в силу распространенности сферы применения и многообразия языкового выражения неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. Изучение повтора получает теоретически значимую интерпретацию в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей (Ломоносов М. В., Буслаев Ф. И., Потебня А. А., Виноградов В.В., Гальперин И.Р., Арнольд И.В., Солганик Г.Я., Halliday M.A.K., Hasan R., Tannen D., Johnstone B. и другие).

Повтор как языковое средство используется субъектом речевой деятельности с целью достижения определенной цели. Правила речевой деятельности, касающихся функционирования языковой системы, должны быть органической частью модели языка, разрабатываемой лингвистом. Для комплексного анализа необходимо рассмотрение прагматических функций повторов, выявление их соотношения со структурно-семантическими особенностями.

С лингвистической точки зрения повтор представляет собой неоднократное появление языковой единицы в определенном промежутке вещания на соответствующем лингвистическом уровне [1, с. 101]. Основная функция повтора связана с использованием его в качестве средства оптимизации речевой деятельности и более успешного достижения целей общения в ходе реализации коммуникативной функции языка.

В основном изучение повтора проходило по двум направлениям: рассмотрение повтора на каком-либо одном уровне языка и рассмотрение повтора на разных уровнях [2]. Привлечение к анализу материала разносистемных языков (английский, русский) позволяет предположить универсальность повтора как принципа текстообразования и способа грамматико-стилистической организации текста, показать полифункциональность повтора в различных языках, проявляемый к тому же на всех уровнях структуры языка.

В данной статье, анализируя повтор в аспекте перевода, мы обращаемся к творчеству М. Цветаевой. Поиск основ всего сущего, поиск смысла жизни определяют самобытность поэзии и своеобразие стилистики М. Цветаевой, одной из основных черт которой являются различные виды повтора. Практически каждое поэтическое произведение автора представляет собой комбинацию нескольких видов звукового повтора и

взаимодействие звукового повтора с повторами других уровней языка. На наш взгляд, именно благодаря применению различных типов повтора, которые имеют комплексный характер, достигается экспрессивность поэтического текста.

Стихотворение «Рас - стояние: версты, мили ...» 1925, посвященный Борису Пастернаку, представляет яркий пример того, как «обычные» языковые средства в творчестве М. Цветаевой семантизируются в процессе выявления смысла и значения языковой единицы. Данное стихотворение – своеобразное послание издали близкому человеку, но это также обращение, признание, исповедь, плач. Разрыв, оторванность от любимого человека, разъединённость с духовным двойником в стихотворении блестяще переданы с помощью тире и переноса.

Предоставим для анализа текст оригинала:

Рас - стояние: версты, мили...

Нас **рас** - ставили, **рас** - садили,

Чтобы тихо себя вели

По двум разным концам земли.

Рас - стояние: версты, дали...

Нас **рас**клеили, **рас**паяли,

В две руки развели, **рас**пяв,

И не знали, что это - сплав

Вдохновений и сухожилий...

Не **рас**сорили - **рас**сорили,

Расслоили...

Стена да ров.

Расселили нас как орлов -

Заговорищиков: версты, дали...

Не **рас**строили - **рас**терjali.

По трупобам земных широт

Рассовали нас как сирот.

Который уж, ну который - март?!

Разбили нас - как колоду карт!

(М. Цветаева)

Повтор предложений «Рас-стояние: версты, мили... Рас-стояния: версты, дали...» подчеркивают непреодолимость пространства, разделяющего ее с любимым. Расстояние начинает восприниматься более ощутимо, конкретно, зримо. Не просто как некая длина, но как физическое состояние. Осязаемость пространства усиливается тем, что получает конкретное воплощение «версты, мили», «дали», «стена да ров», причем они становятся активными деятелями стихотворения. Это они «рас - ставили», «рас - садили» героев, «расклеили» их, «распаяли», «рассорили», «расселили», «растеряли» и т. д.

Повтор префиксов рас- / раз-, знаменующие разделение, разрозненность, нанизывает все новые и новые смыслы в стихотворении. Повтор ряда глагольных форм дает характеристики лирической героини и ее избранника, которые непрерывно перетекают одна в другую, претерпевая по принципу свободной ассоциации постоянные метаморфозы.

Звуковой рисунок стихотворения тоже выстроен таким образом, что не может не внушать подсознательно мнение, с одной стороны, о разорванности, с другой – о бесконечной длине разделяющего героев пространства. На образ разрыва работает звук «р», использование которого здесь значительно превышает норму обычного употребления.

Стихотворение было переведено на английский язык многими переводчиками, в частности А. С. Кляйном, С. Антокольским, Д. Смирновым, А. Кнеллером, чьи переводы мы и предоставляем для дальнейшего анализа.

Dis-tances: miles, versts...

We're **dis**-severed, **dis**-persed,
They've rendered us silent, terse,
At the far ends of the earth.

Distances: tracts, versts...

We're **dis**jointed, and **dis**bursed,
Displayed, splayed, **un**-destroyed,
They don't know we're...an alloy

Of inspirations, and tendons,
Not **dis**joined – though **dis**-joined,
We're divided...

By ditch and wall,

Disconnected, conspiratorial

Eagles: tracts, versts...

Not **dis**united – oh, no worse
Than **dis**engaged, in the wastes
Of earth, like orphans **dis**placed.

How many, how many days...of March?
Since they scattered us like a pack of cards?

(Перевод А.С. Кляйн)

Dis-stance: versts, miles...

They've **dis**-joined us, **dis**-mantled us,
So that we would be quiet,
At the world's farthest ends.

Dis-stance: versts, reaches...

They've **dis**banded, **dis**rupted us,
Disunited and **dis**solved us,
Not knowing that we are an alloy

Of inspirations and sinews...

*They haven't **dis**pirited us, but they've **dis**persed us,
Dissected...*

Wall and moat.

***Dis**placed us, like eagles -*

Conspirators: versts, reaches...

*Not **dis**mayed, but **dis**planted.*

Across the slums of the earth's latitudes

*They **dis**arranged us like orphans.*

How many is it - oh, how many - Marches?!

*Since they **dis**ordered us like a deck of cards!*

(Перевод С. Антокольского)

***Di** — stance: versts, miles...*

*Have **di** — vided, **di** — vorced us,*

To force us to be quiet

In two opposite corners of the world.

***Di** — stance: versts, horizons...*

*Have **un**sticked, **un**soldered us,*

Moving apart, have crucified,

But they didn't know that we are an alloy

Of inspirations and sinews...

They haven't quarrelled, but scattered,

Stratified us...

The wall and the ditch.

They have settled us apart like two eagles —

Conspirators. Versts, horizons...

*Have not **dis**ordered but lost us.*

They've shoved us like orphans

Into the slums of the earth's latitudes.

*Which is it? Which March is it already?!
They've **di**vided us like a pack of cards!
(Перевод Д. Смирнова)*

***Dis**-tances: miles, versts...
They **dis**-pelled us until we **dis**-persed,
So we would act as we were told
In two corners of the world.*

***Dis**-tances: versts, spaces...
They **dis**located us, they **dis**placed us,
They **dis**joined us, crucified on **dis**play,
And observed there, to their **dis**may,*

*How our tendons joined, our ideas broadened...
Without **dis**cord, - just in **dis**order,
Distorted....
Disconnected by a wall and a dike.
They **dis**banded us like*

*Eagles-conspirators: versts, spaces...
Not **dis**united, - they **dis**engaged us.
Across the slums of the globe's range
Like orphans, we're **dis**arranged.*

*For how many Marches, have our hearts
Been cut like a deck of cards?!
(Перевод А. Кнеллера)*

Основная сложность перевода связана с тем, что в арсенале английского языка нет такого замечательного средства, как российское раскатистое «р». Однако это замечание не может быть безоговорочно принято для британского варианта английского языка, где в отличие от

американского, о котором писал Э. По, «р» в большинстве позиций не озвучивается.

Слово «расстояние» точнее всего переводится на английский язык словом «distance», что предоставляет те же возможности, что и русское «расстояние» для дальнейшего обыгрывания префикса dis- в значении разъединить, лишить, свести на нет какое-либо действие, состояние. Приставка позволяет вполне адекватно передать содержание всех цветаевских глаголов с «рас-». Но переводчики стремятся изъять тире, отделяющий префикс от другого слова, очевидно, считая его чисто орнаментальным.

Подтверждением может служить тот факт, что в переведенных текстах появляются тире там, где у Цветаевой их нет. Они стоят в позиции не оправданной законами пунктуации и тоже семантизуются. Что касается решения отказаться от отделения префикса в словах с dis- это было вызвано, вероятно, самым словом «distance», которое нельзя также свободно разбить надвое, как «расстояние», освещая его изначальный смысл. В английском языке есть слово «stance», восходящее к глаголу «stand» – стоять. Но словарь трактует его как позицию в спортивной игре или образ мысли, взгляд, отношения. Таким образом, расчленение слова исказило бы основную идею оригинала, согласно которому «разное стояние» героев никоим образом не влияет на их духовное единство (родства образа мысли, точек зрения, отношение к миру): «Не рассорило – рассорило». В то же время такие глаголы, как «dispersed», «disconnected», «dissected», «disconcerted» будто сами просятся быть разделенными, следуя замыслу Цветаевой.

Однако, чуть следуя строю цветаевского стиха, все переводчики подхватывают прием нанизывания слов с однородными приставками. Правда, не все они оказываются глаголами, а много глаголов вместо активной

14 апреля 2016 года, город Луганск

формы приобретают пассивную. К тому же глаголы на «рас-», превращающие расстояние у Цветаевой в какой-то деятельный персонаж стихотворения за счет олицетворений, в английском тексте заменяют стерты метафоры: «divide» (разделяют), «lie between us» (лежат между нами), что неизбежно нивелирует напряженность образной системы оригинала.

С 16 слов с «рас- / раз-» оригинала 13 являются глаголами. В переводе этих слов на dis- выявлено: у Кляйна всего 11, причем глаголов среди них только 9, у С. Антольського – 14, из них глаголов – 13, у Д. Смирнова – 2, из них глаголов 1, у А. Кнеллера – 16, из них глаголов – 11. Отсюда видно, что образность английского стиха более статична. Приведенная статистика свидетельствует о том, что слова с приставкой, обозначающей разделение, как бы искусно они не были подобраны, в переведенных текстах скорее служат орнаментом, чем является структурным остовом стиха.

Однако в английской поэзии более ценным считается искусство не ярко рифмовать строфы, а оформлять их причудливой звуковой вязью, которая часто проявляется только зримо.

Таким образом, можно сделать вывод, что данное стихотворение в целом доносит до английского читателя основную идею и эмоциональный импульс оригинала. Переводчики мастерски используют функциональную замену элементов стиха, которые не могут быть восприняты английскими читателями, средствами, принятыми в национальной поэтической традиции.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Курс практической стилистики английского языка / О. С. Ахманова, Г. Ф. Идзелис. – М.: Просвещение, 1978. – 251 с. **2. Мальцева О. В.**

Разноуровневый повтор в англоязычном рекламном тексте:
автореф. канд. филол. наук / О. В. Мальцева. – СПб, 1991. – 18 с.

Санченко Е. Н. Повтор в англоязычном художественном тексте: переводческий аспект

В статье представлен анализ проблем сохранения стилистического средства лингвистического повтора при переводе. Явление повтора рассматривается автором как языковое средство, которое используется субъектом речевой деятельности с целью достижения определенной цели. Сделан вывод о том, что англоязычный перевод передает основную идею и эмоциональный импульс оригинала.

Ключевые слова: повтор, художественный текст, переводческий аспект, стихотворение.

Sanchenko E. N. Repetition in English literary text: translation aspect

The article presents analysis of problems of preservation of stylistic means of linguistic repetition at translation. The phenomenon of repetition is considered by the author as a linguistic tool, used by the subject of speech activity with the purpose of achieving a certain goal. It was concluded that the English translation conveys the main idea and emotional impulse of the original.

Key words: repetition, literary text, translation aspect, poem.

Скляр Н.В.

РОЛЬ БИНАРНЫХ ПОНЯТИЙ В СЮЖЕТНОЙ ЛИНИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ АВТОБИОГРАФИИ

Литературоведческие исследования продолжают проявлять большой интерес к автобиографическому произведению. В работах М. Джолли, Л. Мишина, Д. Затонского, А. Галича исследуется история возникновения и развития, особенности построения, композиции автобиографии.

Не утихает интерес и к немецкоязычному автобиографическому произведению, ведь немецкоязычная автобиографика вместе со всем литературным процессом находится в постоянной эволюции, возникают новые формы произведения, разнообразные способы создания композиции.

Целью сегодняшнего выступления является рассмотрение роли противопоставленных концептов и контрастных понятий в общей поэтике автобиографии на примере немецкоязычных автобиографических произведений "Вчерашний мир" С. Цвейга, "Луковица памяти" Г. Грасса, "Я не" И. Феста, "Моя жизнь" М. Райх-Раницкий.

Прежде чем рассматривать полярно направлены концепты как одну из самых употребляемых единиц поэтики немецкоязычной автобиографии, влияющие на развертывание сюжетной линии многих автобиографий, коротко обратимся к вопросу, что представляет собой концепт с литературоведческой точки зрения.

Если, вслед за С. Воркачовим считать, что концепт - это "единица коллективного знания / сознания (такая, что отправляет к высшим духовным ценностям), имеет

языковое выражение и обозначена этнокультурной спецификой” [1, с. 34], то получается, что концепт - общеизвестная категория, которая содержит информацию об определенной ценности или особое событие в жизни социума или народа. Концепт - это, прежде всего, умственный образ, общее мнение [2, с. 373]. При этом ключевой особенностью системы концептов каждого языка является их конкуренция или сравнения: "Эксплицитно или имплицитно концепт – всегда объект сопоставимого анализа, предполагает сравнение" [1, с. 35].

Среди прочего, эта конкуренция порождает такое стилистическое явление, как антитеза, где часто противопоставляются концепты в рамках так называемой диалектической антитезы, основанной на взаимосвязи полярных признаков положенных в основу стилистической фигуры [1, с. 373]. Иначе говоря, каждый концепт может иметь диалектическое строение, своеобразные полюса "верха" и "низа", позитива и негатива, которые взаимодействуют между собой в рамках единой лингвокультуры.

В этом смысле интересным примером и явлением для анализа становится часто употребляемое в немецкоязычной автобиографии сопоставления понятий "война" и "мир". После Второй мировой войны без введения их в контекст произведения не обходится почти ни один автор немецкоязычной автобиографии.

Противопоставление становится возможным на основе воспроизведения негативно и позитивно маркированных оттенков этой оппозиции. Ярко это подтверждает пример из автобиографии австрийского писателя С. Цвейга "Вчерашний мир". В произведении он рассказывает, как мечтал о единстве мира, единстве Европы. Эта надежда привела его к отрицанию мировой войны.

На каждой странице автобиографии подчеркнуто, что главная потеря Европы - это потеря мира, развязывание войны: "... они ударили в барабан ненависти и били по нему изо всех сил (разжигали войну), пока у каждого нормальной человека не лопались в ушах перепонки, не замирало сердце ... "[4, с. 95]. В то же время здесь же видим описание мирного времени: "Надежность, покой, согласие - вот, что давал нам мир" [4, с. 96]. Перед нами - два противопоставленных "полюса".

Часто в тексте имеется контрастная диалектическая антитеза: "Против своей воли я стал свидетелем ужасного поражения ума и дикого триумфа жестокости; никогда - я отмечаю это не с гордостью, а со стыдом - ни одно поколение не имело такого морального упадка с такой духовной высоты, как наше" [4, с. 209]. Анализируя этот пример, мы заметили в нем феномен, в котором представлены предельно расходящиеся по их знакам понятия - поражение и триумф, гордость и стыд, моральный упадок и духовная высота, отсталость и прогресс, которые, собственно, и порождают упомянутое противопоставление концептов и понятий.

В произведении С. Цвейга усилением противопоставления войны и мира становится также бинарное видение образов Вчера - Сегодня, которые для поколения писателя не просто стали обозначением временных отрезков прошлого и настоящего, а получили этнокультурное значение, выражая прошлую и настоящую жизнь. Поэтому, по нашему мнению, их можно назвать концептами.

"Столь мое Сегодня отличается от любого из моих Вчера, мои взлеты от моих падений, что иногда мне кажется, будто я прожил не одно, а несколько жизней, не похожих друг на друга. Поэтому каждый раз, когда я опрометчиво говорю: "Моя жизнь", я невольно спрашиваю себя: "Какая жизнь? Та, что была до Первой мировой

войны, или та, что была до Второй, или настоящая?" [4, с. 2]. Чтобы подчеркнуть трагизм войны и счастье мира, автор использует приемы контрастного противопоставления позитива и негатива.

Противопоставление происходит на всех уровнях изображения прошлой и настоящей жизни: "Мой отец никогда бы не принял молодого человека в свое дело, и тому, кто, на свою беду, выглядел слишком молодо, всюду приходилось преодолевать недоверие. Это – вещь, которая невозможна сегодня: на любом поприще молодость была недостатком, а старость - достоинством. <...> Газеты рекламировали средства для ускоренного роста бороды; двадцатичетырехлетние врачи, только сдав экзамены, отращивали бороды и носили золотые очки, даже если в этом не было необходимости ..." [4, с. 44].

А вот описание настоящего времени: "Целое поколение решило выглядеть моложе <...> Молодость, свежесть, никакой манерности - таким был девиз" [4, с. 221].

Противопоставление влияет не только на сюжетный уровень текста, но и на внутреннее строение автобиографии. На основе контраста могут быть построены образы городов, стран, континентов, например, образы Вены, Европы и так далее. Особенно интересен образ Парижа; его можно отнести к тем, которые построены благодаря использованию контраста, но основа для его построения является тройной.

Во-первых, в изображении довоенного Парижа постоянно встречаются антитезы на языковом уровне: "Париж не понимал, где верх, а где низ, противоречия мирно уживались в нем; роскошные улицы переходили в дебри, где жили весело и беззаботно" [4, с. 147]. Контрастность языка, созданная путем введения антонимической пары понятий почти в каждую синтагму, усиливает впечатление от образа описываемого города.

Во-вторых, автор выстраивает образ Парижа в сравнении с другими европейскими столицами. Именно антитезой представлены образы Парижа и Берлина: "Ах, нужно было знать Берлин, чтобы по-настоящему любить Париж; нужно познакомиться с добровольным немецким лакейством, с немецкими непреодолимыми социальными барьерами и болезненным стеновым тщеславием <...> А в Париже еще жили заповеди революции, пролетарий считал себя таким же свободным и полноправным гражданином, как и его работодатель ..." [4, с. 144]. Реципиент инстинктивно чувствует разницу между двумя городами, между их внутренним микроклиматом.

В-третьих, самым ярким является контраст внутри образа при сравнении образа довоенного Парижа и Парижа во время его осады фашистами. Здесь характеристика двух разных положений города подается как противопоставление двух миров. В построении первого подчеркнута легкость, игра красок, совершенство, братство, любовь к жизни, добродушие, смех, танцы, безмятежность. А его антипод встречается в виде кратких характеристик или замечаний на протяжении всего текста: черные колонны штурмовиков, горечь, недоверие, порабощение, перевернутый вверх мир, флаг со свастикой на Эйфелевой башне. Итак, контраст в основе построения образа делает его ярким и целостным.

Еще одним примером построения образа города с использованием приема противопоставления является описание впечатлений от Москвы во время путешествия в России: "Уже сама Москва двоилась: здесь величественная Красная площадь: стены и башни с куполами – нечто поразительное татарское, восточное, византийское (то есть исконно русское) – а рядом, будто пришли из другого мира, современные, передовые дома, похожие на американские.

Одно не связывалось с другим; в церквях еще можно было увидеть древние иконы и алтари святых, сверкали драгоценными камнями, а через несколько сотен метров от них в стеклянном гробу, только окрашенном (не знаю, может, в нашу честь), тело Ленина в черном костюме" [4, с. 389 - 390]. Для создания образа города использовано описание двойного впечатления от него, прием контрастной характеристики.

Итак, как для языковой, так и для сюжетной структуры "Вчерашнего мира" характерно введение комплекса антонимичных понятий и наблюдений. Контрастно могут быть представлены рассуждения, события, любые образы.

Противопоставление концептов войны и мира довольно часто встречается в немецкой авторбиографии, его иллюстрируют примеры из произведений Х. Чеховского, Г. де Бройн. Также в "Луковица памяти" Г. Грасса основополагающими средствами характеристики ужасов войны и радости мира являются сцены, построенные на основе контраста в тексте как на содержательном уровне, так и благодаря использованию антитезных лексических единиц, например, до войны - искусство, театры, живопись, кино, во время войны везде разруха, траурные фотографии, гитлеровская пропаганда.

Абсурдность войны в жизни людей подчеркивает противопоставление: автор описывает бомбежку разрушенного Берлина, вокруг суета и одновременно здесь выступают циркачи. Кроме внешней антитезы, усматриваем здесь еще и внутренний намек на пир во время чумы.

Специфическое противопоставление на чисто структурном уровне появляется в произведении "Я не" И. Феста. В нем – контраст фактографичности и художественности. Хотя такое противопоставление является вполне естественным для художественно-

14 апреля 2016 года, город Луганск

документальных жанров, в этом тексте полярность ярко выражена и имеет особый характер.

С одной стороны, в автобиографическом тексте есть отчетливое тяготение к документальности: введено описание исторических событий с подробным изображением всех деталей, обзорно передается жизнь общества в конкретной социально-исторической среде. Текст содержит изъятые из архивов копии реальных документов, подтверждающие доказательства того террора, который нацисты устроили его отцу и семье. Во время словесной передачи этих фактов используется публицистический стиль.

Рассматривая другую сторону структуры произведения И. Феста, выделяем его художественность. Для передачи разговоров между членами его семьи автор использует прямую речь. Такой прием невозможен для исторического текста, но вполне допустимый для тех моментов автобиографии, которые маркированы как художественные. Из романной техники в произведении также заимствованы длинные, поэтические описания. Таким образом мы видим контраст в структуре произведения.

Когда в немецкоязычных автобиографиях речь доходит до времен зарождения и существования ГДР, то авторы не обходят тему разделения страны на две части. Для воспроизведения этой перипетии в сюжете используют различные приемы, среди которых не последнюю роль играет прием введения противопоставленных концептов.

Г. де Бройн привлекает оппозиционное сопоставление Запад - Восток. Такая оппозиция продиктована именно историческими условиями общественной жизни того времени, ведь в разделенной стране они были контрастными. "Разница между западом и востоком в те годы стала для меня привычкой, и я уже

воспринимал их противоположности как обычные вещи. В этот день все было иначе. Я попал не только из бедности в благосостояние, я пришел с войны в надежный мир. Хуфайзен, роща акаций и парки, где цвел шиповник, произвели на меня впечатление, как будто я снова вернулся домой из зарубежных путешествий. Но это было лишь одним из снов, в которых ты знаешь, что это лишь сон” [8, с. 48]. Контрастность этих двух концептов подкреплена историческими условиями существования двух частей, которые были когда-то одной страной, а теперь находились в состоянии политической векторности по отношению друг к другу.

Примером, подтверждающим частое обращение немецких автобиографов к контрастному оформлению понятий, идей, концептов, важных моментов собственной судьбы или исторических событий, становится жизнеописание М. Райх-Раницкий. Хотя в этом произведении сохранены сущность и функции приема контрастного представления событий или фактов, здесь оно имеет своеобразную форму.

Сам автор отмечал, что мир, в котором он жил, не устраивал его, и больше всего он хотел бы оказаться в "совсем противоположном мире". Анализ всех противопоставленных понятий и структур позволяет говорить о том, что логика их раскрытия выражена в парадигме миров-антиподов. Эти понятия олицетворяют своеобразный индикатор реальности в диаметральной противоположности к желаемой блаженной окружающей среде. Благодаря введению миров-антиподов реализована автобиографическая неординарность произведения как эпохальной книги со значительной частью истории, по которой к тому же можно изучать историю немецкой литературы. Они органично вплетаются в структуру автобиографии, представленной пятью хронологически последовательными разделами, будто отражают пять

14 апреля 2016 года, город Луганск

жизней Марселя Райх-Раницкого. Каждый из разделов содержит элементы пяти миров-антиподов, хотя в тексте они находят выражение благодаря использованию разнообразных приемов: благодаря использованию антонимичных языковых единиц или проходят как лейтмотивы, как философские понятия, или олицетворяют жизненные нормы важные для автора.

Мы приведем самые яркие примеры из указанного произведения. Интересна бинарная оппозиция миров-антиподов - любовь и страх перед смертью. Во-первых, это противопоставление имеет философский смысл: в тексте есть экзистенциальные размышления над проблемами человеческой жизни и смерти, любви и смерти. Во-вторых, в изображении этих миров-антиподов наблюдаем чередование событий, которые относятся к одному из этих двух миров. На композиционном уровне появляется цепь эпизодов, которые передают автобиографическому реципиенту объединенность и одновременно противопоставление этих двух явлений. Знакомство с любимой женщиной и чувства к ней возникают во время похорон ее отца. В тексте сказано: смерть стала основой для возникновения любви. А потом, наоборот, любовь жены спасла героя от смерти. Далее в цепочной композиции подчеркнута неразрывность чувств любви и страха перед гибелью: "Я почувствовал, что любовь - это благословение и проклятие, милость и рок. Меня, как молния, поразило открытие принадлежности любви и смерти друг другу, понимание того, что мы любим, потому что должны умереть" [9, с. 112]. Происходит переключение внимания на то, что такое восприятие двух чувств создано физическим и моральным террором фашистов. Во время прогулки с Тосей Марсель впервые ее поцеловал и, подняв глаза к небу "увидел в высоте, однако, нет, не то белую тучку, о которой вспоминает Брехт, думая о Марии А. Там я увидел три или четыре самолета" [9, с.

161]. Опять рядом положительно и отрицательно маркированные явления - начало любви и близость смерти, которые и заявлены в автобиографическом тексте как миры-антиподы. Так автор передает чувства во время церемонии своего бракосочетания: "Не помню, поцеловал я Тося в спешке и волнении. Но очень хорошо помню, какое чувство переполняло нас - страх" [9, с. 222].

Следующей парой миров-антиподов является противопоставление культура - варварство. Она является доминантой в сюжете первого раздела, автор пытается понять, как сочетаются эти антонимические явления в одном народе. Во-первых, эта проблема раскрыта, учитывая личный фактор, то есть на примере жизни автора, он рассказывает о сложности и несовместимости его переживаний - страх перед избиением в школе, концентрационным лагерем, газовой камерой и любовь к немецкому языку и литературе: "... к страху перед немецким варварством прибавилось счастья, которым я был обязан немецкой культуре» [9, с. 28]. Итак, миры-антиподы могут содержать еще несколько векторно направленных понятий или концептов. В приведенном примере это страх - счастье.

Также мира-антиподы содержат оппозицию даже на образном уровне. Она представлена образами двух исторических личностей - Адольфа Гитлера и Томаса Манна: "Если мне приходилось с помощью двух имен указывать, что именно я понимаю под "немецким" в нашем веке, я отвечал без колебаний Германия в моих глазах - это Адольф Гитлер и Томас Манн. Как и прежде, оба эти имени символизируют две стороны немецкого национального характера, две возможности его проявления. И если Германия захотела бы забыть или вытеснить из памяти одну из этих возможностей, это имело бы пагубные последствия" [9, с. 96-97]. Сам образ Томаса Манна построен на противопоставлении. Так

14 апреля 2016 года, город Луганск,

описывает свое впечатление И. Феста от обнародованного письма Манна: "Больше не могло быть сомнений в том, что Томас Манн в этом письме впервые со всей ясностью противопоставил себя Третьем рейхе" [9, с. 96] или такая характеристика: "Он стал заметной издалека фигурой, олицетворяющей" другую Германию" [9, с. 96]. Через этот образ автор и Германию разделяет на два контрастных образа.

Итак, в немецкоязычной автобиографии часто используют средства контрастного сопоставления реалий, образов, уровней характеризовать. Для сюжета автобиографии все оппозиционные концепты, контрастные понятия, миры-антиподы имеют важное значение, ведь они передают внутреннее состояние автора в конкретный жизненный период. Часто применяемыми являются антитезы позитива и негатива, трагического и величественного, прошлого и будущего, судьбоносных событий и важных жизненных моментов, а именно война - мир, вчера - сегодня, поражение - триумф, гордость - стыд, нравственный упадок - духовная высота, отсталость - прогресс, жизнь молодежи тогда - развитие молодежи теперь, доброжелательность - агрессия, фронт - тыл, человек - эпоха, друзья - враги, любовь - ненависть, Запад - Восток, варварство - культура.

Список использованных источников

- 1. Воркачев С. Г.** Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев ; М-во образования Рос. Федерации, Кубан. гос. технол. ун-т. – Краснодар : КубГТУ, 2002. – 142 с.
- 2. Лексикон** загального та порівняльного літературознавства / [за ред. А. Волкова, О. Бойченка, І. Зварича та ін.]. – Чернівці : Золоті литаври, 2001. – 636 с.
- 3. Літературознавчий** словник-довідник / [за ред. Р. Т.

Гром’яка]. – К. : Академія, 2006. – 752 с. **4. Zweig St.** Die Welt von Gestern : Erinnerungen eines Europäers / St. Zweig. – Frankfurt am Main : Fischer (Tb.), 1970. – 512 s. **5. Затонский Д. В.** Стефан Цвейг – вчерашний и сегодняшний [Электронный ресурс] / Д. В. Затонский. – Режим доступа: <http://tululu.ru/read77079/>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 23.03.09. **6. Грасс Г.** Луковица памяти : [роман] / Г. Грасс ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Иностранка, 2008. – 592 с. **7. Fest J.** Ich nicht : erinnerungen an eine Kindheit und Jugend / J. Fest. – Reinbek : Rowohlt, 2006. – 368 s. **8. Bruyn G. de.** Zwischenbilanz. Eine Jugend in Berlin / G. de Bruyn. – Frankfurt am Main : Fischer, 2004. – 377 s. **9. Райх-Раницкий М.** Моя жизнь / Марсель Райх-Раницкий ; [пер. с нем. В. Брун-Цехового]. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 521, [1] с.

Скляр Н.В. Контрастные понятия и противопоставленные концепты как элементы сюжетной линии немецкоязычной автобиографии

В представленной статье речь идет об особенностях поэтики немецкоязычной автобиографии. В частности, внимание обращено на специфические компоненты сюжетного построения автобиографического произведения. Среди основных важных элементов выделяются контрастные понятия и противопоставленные концепты. Во-первых, введение контрастных концептов и понятий является феноменом, в котором представлены гранично расходящиеся по своему знаку идеи, явления, исторические события, а, во-вторых, важным элементом, который влияет на сюжетный уровень текста.

Ключевые слова: автобиография, концепт, понятие, поэтика, сюжет.

Sklyar N. V. The contrast notions and opposed concepts as elements of plot line in the German autobiography

In the following article the matter is about peculiarity of German autobiography poetics. In particular the attention is paid to specific components of autobiography plot building. Among the main elements the contrast notions and opposed concepts stand out. At first, the introduction of contrast notions and concepts is a phenomenon, in which the boundary divergent in their mark ideas, occurrences, historical events are presented. At second, it is an important element, which influences upon the plot level of the text.

Key words: autobiography, concept, notion, poetics, plot.

УДК 81'271

Скоков И.В.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНТОЛОГИИ ЭССЕ ДЖ. КЛАРКСОНА ("THE WORLD ACCORDING TO CLARKSON"))

На сегодняшний день изучение окказионализмов, несомненно, привлекает внимание многих зарубежных и отечественных учёных-лингвистов. Исследование словообразовательной структуры окказионализмов приобретает особое значение именно при переводе окказиональных слов на другие языки, так как раскрытие коннотативных значений и сохранение их в тексте перевода способствует воссозданию авторской прагматики, позволяет раскрыть творческий потенциал различных языков и отследить удачные находки переводчиков.

На данном этапе международной коммуникации и появляется проблема: переводчику необходимо передать окказионализм, использованный автором в тексте так, чтобы наиболее полно передать смысл, заложенный автором в окказионализм на язык перевода, донести мысль автора до читателя.

Впервые в отечественной школе термин окказионализм (от лат. *occasio* — «случай») был введён Н.И. Фельдманом в статье «Окказиональные слова и лексикография»: «Под окказиональным словом я разумею слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, а также по окказиональной (речевой) модели и созданное на определенный случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной. Подобно потенциальному слову, окказиональное слово есть факт речи, а не языка. Точно
14 апреля 2016 года, город Луганск,

так же я понимаю и окказиональную форму слова» [1]. В целом, определение "окказионализм" неоднозначно. Так, согласно Розенталю окказионализм это «слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста» [2].

Основными причинами, побуждающими писателей различных жанров к созданию индивидуально-авторских слов, являются следующие:

- 1) необходимость точнее выразить свою мысль (при недостатке узуальных слов);
- 2) желание кратко выразить мысль (окказионализм может заменить собой словосочетание и даже целое предложение);
- 3) потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку;
- 4) необходимость сохранить ритм стиха, рифму;
- 5) стремление обратить внимание на семантику слова за счёт его необычного построения;
- 6) потребность избежать тавтологии [3].

Окказионализмы в определённой степени можно назвать показателем возможностей того ли иного языка. У окказионального слова нет и не может быть какого-либо соответствия в языке перевода. Однако, стоит помнить, что если эквивалентов языке перевода найти невозможно, это еще не означает, что нет возможности перевести данную лексическую единицу. В таких случаях соответствия в языке перевода создаются.

При переводе окказионализмов очень важно помнить, что в большинстве случаев данные слова не имеют эквивалентов в другом языке, поэтому приступая к переводу данных единиц, обязательно нужно обращать внимание на контекст.

Таким образом, одной из основных рекомендаций является следующая: необходимо следить за контекстом и причиной употребления окказионализма. Для этого нужно ознакомиться с тем, что происходит в тексте и/или сюжете. Это тот случай, когда окказиональное слово можно расчленить на составляющие части. Ещё одна рекомендация: необходимо обращаться к фоновым знаниям - знаниям о культурных, исторических аспектах того, о чём пишет автор. Также могут иметь значение факты о биографии автора. По сути, любые знания, которыми обладает переводчик, могут помочь в выполнении перевода.

Нужно помнить, перевод окказионализмов – это такой же творческий процесс, как и их создание. Поэтому при работе с переводом этих слов нужно использовать фантазию. При этом нужно иметь представление о том, что имел в виду автор, когда создавал какой-либо определённый окказионализм.

Не менее важен и подбор подходящего способа перевода окказионализмов, так как от удачно выбранного способа зависит, насколько полно будет передан смысл слова, а так же, насколько удачно будет данное слово вписываться в общий стиль текста.

Существует шесть основных способов перевода окказиональных слов: транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод, создание собственного окказионализма, контекстуальная замена.

При переводе окказионализмов часто возникают сложности в связи с тем, что данные виды слов всегда имеют новые значения, новые формы. Здесь стоит вспомнить об универсальном законе аналогии, с помощью которого мы выражаем что-то новое, неизвестное с помощью уже известного нам. Как было сказано ранее, окказионализмы часто созданы для предания тексту большей эмоциональности, а их значение включает в себя

комбинацию различных ассоциаций. Поэтому их перевод можно называть творческим актом.

Когда новообразованному слову пробуют дать разъяснение, то обычно отталкиваются от того, как был образован оригинальный окказионализм. Его можно разделить на составляющие, построить собственное представление о том, какое значение вкладывал в него автор. Но это касается лишь тех окказионализмов, у которых можно чётко различить структуру.

Также не стоит забывать, что некоторые слова, кажущиеся новыми, могут не являться окказиональными.

Цель данной статьи заключается в определении оптимального способа перевода окказиональных словообразований, и в частности окказионализмов созданных Дж.Кларксоном.

При переводе окказионализмов, встречающейся в современной британской прессе, основными задачами переводчика являются определение функции и места данного слова или словосочетания и перевод этих окказиональных лексических единиц при помощи средств языка перевода, таким способом, чтобы читателю было максимально легко их воспринимать, чтобы их смысл был максимально приближен к тому, который был изначально в них заложен автором.

Окказионализмы, встречающиеся в исследуемом эссе относятся к:

1) животным: *poodlephant* - слонопудель, *meet-free dog* - бесплотная собака, *labracow* - лаброкорова.

2) единицам измерения: *foetus-hood* - зародышество, *thirtysomething* - околотридцати, *.22 joke* - мелкокалиберная шутка.

3) титулам: *Lord Sir Pope Archbishop Earl Duke King Seb Coe* - Лорд Сэр Папа Архиепископ Граф Король Себастьян Коэ.

4) предметам быта: *underwater oven gloves* - *подводные рукавицы для духовки*, *The Cupboard of Shit* - *Шкаф Отстоя*, *being lavatorial* - *туалетничать*.

5) фразеологизмам: *crossing the i's and dotting the t's* - *ставя всё с ног на голову*.

6) оценочным характеристикам: *petrolhead* - *бензиноголовый*.

7) интимному поведению: *super-voyeur slow motion* - *суперизвращенская замедленная съёмка*.

8) стереотипам: *Johnny Russian* - *Русский Ванька*.

Примеры употребления окказионализмов и их перевода мы можем наблюдать в следующих предложениях:

- *I think Lord Sir Pope Archbishop Earl Duke King Seb Coe should be richly rewarded for having secured a British win* [4, p. 5].

- *Думаю, Лорд Сэр Папа Архиепископ Граф Король Себастьян Коэ должен быть щедро вознаграждён за то что обеспечил победу британцам.*

Lord Sir Pope Archbishop Earl Duke King Seb Coe - *Лорд Сэр Папа Архиепископ Граф Король Себастьян Коэ* (способ перевода: дословный перевод).

- *And nor will my wife take blame, because she's been riding since she was an embryo and hunting since foetus-hood* [4, p.26].

- *Моя жена тоже не возьмёт ответственность на себя, потому что она ездила на лошади с тех пор как была эмбрионом и охотилась с зародышества.*

foetus-hood - *зародышество* (способ перевода: создание собственного окказионализма).

- *If the guest fires a .22 joke, into the ether, a chap has to come back with something heavier and better* [4, p. 28].

- *Если гость программы стреляет в вас мелкокалиберной шуткой в прямом эфире, то нужно ответить чем-то покрупнее и поувесистей.*

.22 *joke* - мелкокалиберная шутка (способ перевода: контекстуальная замена).

- *He called me a bigoted petrolhead and said that anyone who shuts me up should be given a knighthood* [4, p. 65].

- Он назвал меня бензиноголовым фанатиком и сказал, что тем кто меня затыкает нужно давать титул рыцаря.

petrolhead - бензиноголовый (способ перевода: создание собственного окказионализма).

- *But there's no way of saying what I'm about to say without being lavatorial* [4, p.84].

- Но нельзя сказать то, что я собираюсь сказать, не туалетничая.

being lavatorial - туалетничать (способ перевода: создание собственного окказионализма).

- *For starters, the original white paper stated the Greater London Authority should have up to 250 staff, at a cost of £20 million. But Uncle Ken has blasted through this and employed 630 people at a cost of £60 million. And With that lot running around, crossing the i's and dotting the t's, what's left for me to do?* [4, p.86].

- Для начала, закон об администрации Большого Лондона предусматривает, что в её состав должны входить 250 человек, затраты при этом составляют 20 миллионов фунтов стерлингов. Но Дядя Кен проигнорировал это положение и нанял 630 работников, увеличив издержки до 60 миллионов фунтов. И что же мне, мэру, остаётся делать, когда вокруг бегают такая толпа лоботрясов, упрямо ставящих всё с ног на голову?

crossing the i's and dotting the t's - упрямо ставящих всё с ног на голову (способ перевода: замена антонимичным фразеологизмом).

- *Of course, it arrived as cute as could be but, alarmingly, within 15 minutes had become the size of a small mule. Now, eight weeks down the line, it has to duck when it comes through*

the door, and it doesn't chew my wellies, as you'd expect from a puppy; it swallows them whole. Some people think we may have accidentally bought a poodlephant [4, p. 114].

- Конечно, домой он попадает, будучи настолько милыми, насколько это вообще возможно, но вот проходит 15 минут и он внезапно вырастает до размеров небольшого мула. Сейчас, по прошествии восьми недель, ему приходится пригибаться, чтобы пройти в дверь, и, вопреки вашим ожиданиям, не грызёт мои резиновые сапоги; он их сразу проглатывает. Некоторые люди думают, что мы случайно купили какого-то слонопуделя.
poodlephant - слонопудель (способ перевода: калькирование).

- *It's terrible. We're now on Kennel Club blacklist, we've had to tune the house to accommodate our labracow, my wellies have been eaten and we're £950 worse off [4, p. 115].*

- Это просто ужасно. Теперь мы внесены в чёрный список Кинологического Сообщества, нам пришлось перестроить дом, чтобы в нём помещалась наша лаброкорова, мои резиновые сапоги съедены и к тому же, мы влетели на 950 фунтов.

labracow - лаброкорова (способ перевода: калькирование).

- *What you were watching was Johnny Russian* spending 15 minutes idly tearing up the laws of physics [4, p. 80].*

- По сути, вы смотрели на то как Русский Ванька* преспокойно попирает законы физики в течение 15 минут.

*- отсылка к известному словосочетанию "Русский Иван", в которое заложены определённые стереотипы о русских, иностранцы могут называть Русским Иваном любого русского, независимо от его реального имени.

Johnny Russian - Русский Ванька (способ перевода: калькирование с переводческим комментарием, контекстуальная замена).

В данной статье, опираясь на примеры из антологии эссе Дж. Кларксона “The World According To Clarkson”, 14 апреля 2016 года, город Луганск,

были отобраны и проанализированы некоторые примеры окказиональных слов и словосочетаний и их комбинации, включающие в себя реалии и фразеологизмы. (Например: *.22 joke, crossing the i's and dotting the t's* и т.д.). Большинство этих окказионализмов являются именами собственными (около 80-85%). Также можно заключить, что для успешного перевода окказиональных словообразований переводчик должен обладать достаточно высоким уровнем эрудиции и большим объёмом фоновых знаний не только о своей стране, но и о стране в которой проживает автор переводимого им текста, её культуре, традициях, особенностях политического устройства, а также принимать во внимание различные социолингвистические факторы, имеющие значительное влияние как на создание, так и на перевод тех или иных словообразований. Наиболее продуктивными способами перевода авторских окказионализмов являются калькирование, контекстуальная замена и создание переводчиком собственного окказионализма.

Список использованных источников

- 1. Фельдман Н. И.** Окказиональные слова и лексикография / Н.И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – №4. – С. 64-73.
- 2. Розенталь Д.Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов : учеб.пособие / Д.Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1975. – 357 с.
- 3. Бабенко Н.Г.** Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учеб. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград: Калинингр. ун-т., 1997. – 84 с.
- 4. J. Clarkson.** For Crying Out Loud! World According To Clarkson. – Volume 3. – London: Penguin Books, 2008. – 288 pp.

**Скоков И.В. Проблема перевода
окказионализмов (на материале антологии эссе
Дж.Кларксона “The World According To Clarkson”)**

В статье рассмотрены проблемы перевода окказионализмов на русский язык. Охарактеризованы и проанализированы основные способы перевода окказиональных словообразований. Проанализированы наиболее часто употребляемые способы перевода окказиональных словообразований на примере эссе J.Clarkson “The World According To Clarkson”.

Ключевые слова: окказионализм, калькирование, описательный перевод, транслитерация.

**Skokov I.V. The problem of translation of the nonce
words (on the material of the anthology of essays by
J.Clarkson "The World According To Clarkson")**

The article deals with problems of translation of the nonce words into the Russian language. The main methods of translation of occasional words are characterized and analyzed. The most frequently used methods of translation of occasional word-formations on the example of an essay J.Clarkson "The World According To Clarkson" are analyzed.

Keywords: occasionalism, nonce words, loan translation, descriptive translation, transliteration.

Старикова М.В., Тертычная Н.Н.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗАХ

В последнее время центральным вопросом в методике обучения иностранным языкам стала проблема формирования социокультурной компетенции. Понятие «социокультурная компетенция» трактуется как «совокупность знаний, умений, способностей и качеств личности, которые обеспечивают общение на иностранном языке в соответствии с нормами языка и речи и традициями культуры носителей языка» [1; 8]. Сущность социокультурной компетенции состоит «в ценностном отношении к общечеловеческой и национальной культуре, стремлении к диалогическому общению с другими народами и культурами» [1; 12].

В современных условиях – это готовность содействовать налаживанию межкультурных связей, представлять страну при межкультурных интеракциях, относиться с уважением к духовным ценностям других культур. Соответственно основная цель обучения иностранному языку может быть достигнута только при развитии социокультурной компетенции учащихся. Таким образом, при формировании коммуникативной компетенции необходимо воспитывать коммуникативно-активную личность, способную обеспечить межкультурное общение, диалог культур. Диалог культур подразумевает знание собственной культуры и культуры страны изучаемого языка. Под культурой понимается все то, что определяет сложившийся веками стиль жизни и характер мышления, национальный менталитет.

Иностранный язык способствует расширению не только филологического, но и общего кругозора учащихся. При его изучении студенты овладевают новыми средствами общения для непосредственного доступа к ценностям мировой культуры, в особенности к культурным ценностям страны изучаемого языка: ее истории, географии, науке, литературе, искусству. Вот почему возможно говорить о процессе приобщения личности к мировой культуре при изучении иностранных языков, т. е. усвоении человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных факторов, норм и ценностей другой национальной культуры. Этот вопрос имеет непосредственное отношение к преподаванию иностранного языка: помимо самой цели преподавания языка (а с ним и ознакомление с культурой) появляется цель формирования личности на рубеже культур. В связи с этим методисты и преподаватели должны ознакомиться с закономерностями и результатами процесса усвоения человеком новой культуры.

Изучение культуры на занятиях иностранного языка очень важно, так как язык не может изучаться изолированно, то есть только как набор лексических единиц и грамматических правил. Язык – это часть культуры, а культура – это часть языка, и его невозможно изучать лишь как средство коммуникации без прочных культурологических знаний. Межкультурная компетенция студентов есть готовность и способность к ведению диалога культур, что предполагает знание собственной культуры и культуры страны изучаемого языка. Это инструмент воспитания международно-ориентированной личности, осознающей взаимозависимость и целостность мира, необходимость межкультурного сотрудничества в решении глобальных проблем человечества.

Межкультурный компонент в процессе преподавания иностранных языков в вузах не сводится

только к изучению слов-реалий, обозначающих какие-то предметы, существующие только в данных странах и не имеющих эквивалентов в других. Изучая язык и культуру страны изучаемого языка, можно говорить о психологических, политических, литературных и даже рекламных реалиях. Особое значение в изучении культуры народа занимает юмор, характеризующий своеобразие мышления народа.

Очень важным при обучении иностранному языку является самостоятельный анализ взаимоотношений языка и общества, общества и культуры. Не следует ограничиваться рассмотрением исключительно языковых единиц, необходимо систематически обращаться к так называемым экстралингвистическим фактам, т.е. к тем явлениям действительности, которые отражаются в языке, испытывают его воздействие или влияют на его изменение. У студентов важно развивать способность использовать и преобразовывать языковые формы в соответствии с ситуацией. Им необходимо знать семантические особенности слов, идиоматические выражения, их семантику в зависимости от стиля и характера общения, тот эффект, который они могут оказывать на собеседника. Основная функция языка – быть средством общения между людьми. Однако столь же существенно назначение языка в познании мира. Иными словами, язык участвует не только в передаче мысли о чем-то уже познанном (другому человеку), но и в формировании самой этой мысли (для самого себя). Межкультурная коммуникация – это адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [2; 26]. Дело в том, что, даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур. Именно поэтому цель преподавания иностранных языков – это, в первую очередь, обеспечение

288 *14 апреля 2016 года, город Луганск*

межкультурного общения и взаимопонимания между партнерами.

Конечно, лучший способ познакомиться со страной изучаемого языка – это посетить ее, познакомиться с носителями языка, самому на своем опыте ощутить все реалии. Но иногда такое знакомство может сопровождаться так называемым “культурным шоком”. Человек, оказавшись в незнакомой стране, чувствует беспокойство, страх, дискомфорт, боится своей неосведомленности. Вот почему важно постараться предотвратить это, уделяя особое значение в процессе обучения иностранным языкам формированию у студентов межкультурного компонента.

Существует мнение, что основным средством обучения иностранному языку является языковая среда, а весь остальной арсенал орудий обучения – от аудиторных занятий в университете до компьютера – является вспомогательным, призванным создать иллюзию приобщения учащихся к естественной языковой среде. Вот почему искусственная адаптация к чужой культуре может быть достаточно трудна. Но такое знакомство с культурой страны изучаемого языка обязательно принесет положительные результаты. Преимуществами такого знакомства могут стать следующие моменты:

1. Возможность свободного общения с носителями изучаемого языка.
2. Чувство спокойствия и раскованности при посещении страны изучаемого языка.
3. Более глубокое понимание своей собственной культуры.
4. Более глубокое понимание самого себя.

Приобщение студентов к культуре страны изучаемого языка включает не только знакомство с историей, традициями, выдающимися людьми страны изучаемого языка, но, в первую очередь, должно давать

знания, которые пригодятся им непосредственно в ситуациях общения. Поэтому в процессе формирования межкультурного компонента важно ознакомить студентов с ментальностью народа страны изучаемого языка, а также с языком повседневного общения. Чтобы понять чужую культуру, нужно, прежде всего, изучить свою собственную.

Прогрессирующее развитие международных контактов и связей в политике, экономике, науке и культуре обуславливает все большую ориентацию современной методики обучения иностранным языкам на реальные условия коммуникации. Владение основами иноязычного общения предполагает достижение студентами коммуникативной компетенции, что позволит им практически использовать иностранный язык в общении, например, читать аутентичные тексты или уметь объясняться с носителями языка. Стремление к коммуникативной компетенции предполагает не только языковую компетенцию учащихся, но и усвоение большой внеязыковой информации, необходимой для адекватного общения и взаимопонимания.

В процессе обучения иностранным языкам студенты должны также овладевать языком специальности, профессиональной речью, соответствующим современному состоянию науки и техники, и навыками и умениями в сфере межкультурной коммуникации. Обучение эффективному использованию определенного набора знаний по иностранному языку, в первую очередь, в ситуациях бытового общения и в профессиональной сфере, грамотному выражению мысли, соблюдению принятых норм вежливости позволит студентам использовать возможности зарубежной стажировки или практики с максимальной пользой. Период адаптации пройдет с меньшими проблемами и недоразумениями.

Скорость и степень приспособления зависят от самого человека, от его подготовленности к межкультурным встречам. Жестокая конкуренция на международном и внутреннем рынке труда открывает перспективы желаемого трудоустройства, в первую очередь, для специалистов с хорошей профессиональной подготовкой, владеющих такими компетенциями, как специальная, информационная, методическая, социальная, коммуникативная, межкультурная, медийная. Перед вузами стоит задача развития у студентов способности к межкультурной коммуникации. Успешная межкультурная коммуникация предполагает как владение иностранным языком, так и умение интерпретировать поведение представителей иной культуры, готовность к восприятию другой формы коммуникативного поведения. Культурная чуткость учит тому, что человек становится менее категоричным и более терпимым в человеческих взаимоотношениях.

В связи с Болонским процессом требуется новая концепция подготовки и переподготовки преподавателей иностранных языков для так называемых неспециальных факультетов. Изучая иностранный язык, мы знакомимся с чужой картиной мира, чужой культурой. В связи с этим в современных условиях предъявляются новые требования к преподаванию иностранных языков на неспециальных факультетах.

В целях обеспечения качества подготовки в этой области целесообразен комплексный подход к решению вопросов обучения студентов нормам межкультурного общения, а именно: – Повышение квалификации и переподготовка преподавателей иностранного языка с обязательным включением зарубежных стажировок. Только специалист, имеющий опыт проживания в чужой стране, сенсibilизированный к восприятию межкультурных различий, обладающий достаточными

14 апреля 2016 года, город Луганск,

знаниями о стране, о ее обычаях и нравах, может квалифицированно подготовить других к восприятию картины мира. Переподготовка преподавателей должна включать также обучение в соответствующей области знаний, т.к. знания иностранного языка не предполагает, что данный специалист может быть грамотным посредником в двуязычной научной коммуникации и может квалифицированно обучать профессиональной речи. Современный преподаватель иностранного языка должен быть и билингвом, и специалистом в соответствующей области знаний.

– Разработка новых учебно-методических пособий с учетом требований «Европейского языкового портфолио».

– Внедрение коммуникативных методов обучения иностранному языку.

– Разработка концепции организации самостоятельной работы студентов в области иностранных языков и межкультурной коммуникации.

– Развитие медийной и методической компетентности студентов.

– Повышение мотивации студентов через проведение межкультурных встреч с носителями другого языка и другой культуры. Межкультурная подготовка студентов может и должна быть организована и вне обучения иностранному языку в рамках преподавания других предметов и во внеаудиторной работе, например, при планировании зарубежных поездок.

Стремление к конкурентоспособности на международном рынке труда заставляет все большее количество студентов вузов участвовать в академической мобильности: проходить стажировки и практики за рубежом, продолжать обучение в зарубежных вузах. Выезжая на стажировку, практику за рубеж, студент и выпускник попадает в ситуацию взаимодействия с представителями других культур, зачастую отличающихся

друг от друга, что обусловлено различием в языках, традициях, системе ценностей и представлений, образе мышления и поведения.

К. Уорд выделяет два вида адаптации к новой культуре – психологическую и социально-культурную. «В основе психологической адаптации главным образом лежат аффективные реакции, связанные с ощущениями благополучия или удовлетворения в процессе кросс-культурного перемещения. Социально-культурная адаптация относится к области поведения и определяет способность «соответствовать» или эффективно взаимодействовать с новым культурным окружением» [3; 661]. Психологическая адаптация происходит в условиях стресса и борьбы с ним. Сильное влияние на ее ход оказывают такие факторы, как перемены жизни, особенности личности и социальная поддержка. Уровень психологической адаптации подвержен колебаниям. Проблемы, связанные с ней, максимально обостряются в самом начале кросс-культурного перемещения. Социально-культурную адаптацию определяют как качество и количество связей с местным населением, культурную дистанцию и продолжительность проживания в новой стране [3; 662].

Социальная компетенция – это «дополнительные, лингвистические знания, регулирующие нормативно правильное речевое и неречевое поведение человека как члена общества» [1; 9]. В рамках социокультурного подхода возникает необходимость отбора социокультурных знаний, умений и навыков в соответствии с тем или иным уровнем обучения иностранному языку. Таким образом, содержание обучения при социокультурном подходе должно учитывать постоянные процессы изменения, происходящие в родной культуре и в культуре страны изучаемого языка; индивидуальный процесс познания

14 апреля 2016 года, город Луганск

другой культуры и изменения отношения к ней и к культуре родной страны; индивидуальный процесс развития личности, происходящий за счет познания и осознания особенностей другой культуры, лучшего понимания родной культуры. Необходимо изучить подсознательное и осознанное восприятие и запоминание невербальных элементов родной и чужой культуры, возможности его переосмысления в процессе обучения (например, восприятие зрительных образов – архитектуры, одежды людей, природы и др., восприятие шумов, запахов, вкусовых ощущений и т.д.). Восприятие и запоминание данных элементов имеет большое значение, т.к. в создании модели мира участвуют как вербальный, так и невербальный тип мышления, которые реализуются в поведении человека, в том числе и в речевом. Больше внимания стоит уделить также эмоциональному компоненту и его изменению при восприятии культуры другой страны.

Вот почему обучение иностранному языку именно в университете, когда учащиеся владеют достаточными навыками чтения, письма, аудирования и говорения, должно строиться как изучение феномена культуры народа, который говорит на этом языке.

Список использованных источников

- 1. Риске И.Э.** Формирование социокультурной компетенции у учащихся старшей ступени обучения на материале англоязычной поэзии. Автореф. канд. Диссерт / И.Э. Риске. – С-Пб, 2000. – 259 с.
- 2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.** Язык и Культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров.– М.: “Русский Язык”, 1990. – 246 с.
- 3. Уорд К.** Азбука аккультурации// Психология и культура / К. Уорд. – СПб.: Питер, 2003. – 1096 с.

Старикова М.В., Тертычная Н.Н.
Межкультурный компонент в процессе преподавания иностранных языков в вузах

В статье рассматривается проблема формирования социокультурной компетенции в рамках преподавания иностранных языков в вузах. Это предполагает не только обучение студентов непосредственно иностранному языку, но и культуре страны изучаемого языка. Также включает обучение формированию коммуникативно-активной личности на рубеже двух культур.

Ключевые слова: диалог, национальная культура, коммуникативная компетенция, социокультурный компонент.

Starikova M.V., Tertychnaya N.N. Cross-cultural component in the process of teaching foreign languages in higher educational establishments

The article deals with the problem of formation of social cultural competention in teaching foreign languages in higher educational establishments. This includes not only teaching the foreign language but the culture of this country as well. Also this includes formation of active person in communication at the turning of two cultures.

Key words: dialogue, national culture, communicative competention, social cultural component.

Стасевич Ю.Ю.

**МЕТАФОРЫ ВОСПОМИНАНИЙ И ПАМЯТИ В
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ ГЮНТЕРА
ГРАССА «ЛУКОВИЦА ПАМЯТИ»**

Проблематика памяти рассматривалась на протяжении всей истории существования философской мысли. Появление в XIX веке социологии сформировало новый дискурс темы памяти, придав ей статус социального явления, которое рассматривается с точки зрения существования коллективных представлений. Так в 1925 году М.Хальбвакс вводит термин «коллективная память», в результате чего начинается анализ связи памяти и повседневности. А поскольку проявления феноменов памяти самым тесным образом связаны с развитием культуры, позже формируется и представление о культурной памяти, которую следует понимать, как непрерывный процесс, в котором любая культура, любое сообщество или группа формирует и стабилизирует идентичность благодаря реконструкции собственного прошлого [3, с. 351-352]. Основными свойствами культурной памяти, как формы коллективных воспоминаний Ассманн считает: реконструктивный характер и оформленность, принадлежность к определенной группе, связность, рефлексия и наличие определенной организованности в процессе ее формирования [2, с. 152]. Стоит также отметить, что культурная память – не только объект исследования, но и форма рефлексии о самой науке, об условиях возможности научного и исторического познания и о том, какие события и процессы современности влияют на него [2, с. 152]. Исследования коллективной памяти в культурологическом аспекте проводили А.Моль, Я.Ассманн, П.Хаттон. Память,

296 *14 апреля 2016 года, город Луганск*

как исключительно общественное явление, активно исследовалась в 70-90-х годах XX века. Наиболее полно в литературе были представлены следующие направления: социальная память как преемственность в культуре (Е.А.Баллер, В.М.Межуев, М.К.Мамардашвили); ее информационный аспект (В.В. Зибен, Н.П.Дубинин); аспект социальной последовательности и воспроизведения (В.Ж.Келле, В.Н.Копанев, В.И.Молчанов, К.Мангейм); гносеологический аспект социальной памяти (В.А.Колеватов).

В последнее же время вокруг термина памяти сформировалась новая парадигма культуроведения, которая позволяет рассматривать разные культурные явления и плоскости – искусство и литературу, политику и общество, религию и право – в тесной связи друг с другом, что позволяет говорить о значительном количестве еще неисследованных аспектов, как например, взаимосвязь памяти и литературы, что исследуется в данной статье и позволяет нам говорить о ее актуальности.

Целью работы является исследование автобиографического романа Гюнтера Грасса «Луковица памяти» на наличие в нем метафор памяти. Результаты исследования важны для определения роли литературоведения при дальнейших исследованиях памяти.

«Луковица памяти» – роман-становление. Сначала мы видим не очень талантливого мальчика, который верит в пропаганду нацистов и не задает никаких вопросов. В конце книги этот мальчик уже практически становится тем Гюнтером Грассом, которого знает общественность – зрелым прозаиком и деятельным социал-демократическим идеологом. Последовательным антифашистом. Процесс становление и описан в книге. Автор один за другим снимает «культурные слои» своей памяти – этот процесс напоминает ему очистку лука, данная метафора и

14 апреля 2016 года, город Луганск,

рассматривается нами в этой статье. Итак, он словно читает замысловатый рисунок на слоях-страницах, стремясь добраться к самой сердцевине, чтобы понять самого себя и эпоху.

Так, в автобиографическом романе «Луковица памяти» именно луковица символизирует воспоминания человека, а ее шелуха, соответственно – носители информации. С помощью этой шелухи вспоминающий человек и рассказывает о предметах прошлого, навсегда оставшихся в памяти, считывает необходимую ему информацию: *Когда вам надоедают с вопросами, память становится больше похожа на луковицу, которая стремится быть очищенной. В результате чего буква за буквой читаешь то, что написано на ее кожуре. Однозначной эта надпись бывает крайне редко, чаще всего она сделана в форме какого-то ребуса и ли загадки, написанной зеркальным шрифтом* [4, с.9].

Также как на картинке в самом начале автобиографического романа, где изображена луковица, которая становится все меньше и меньше в результате очистки, изображен и сам процесс воспоминания и рассказа, который осуществляет автобиографическое «Я». Этот процесс идентичен процессу очистки лука, процессу «чтения» луковицы. При этом, приведенный выше отрывок наглядно демонстрирует, что при использовании этого вспомогательного для генерации воспоминаний средства могут возникать определенные трудности. Целью же этой генерации является дальнейшая расшифровка и разъяснение того, о чем удалось вспомнить.

Некоторые места в тексте, например, *Об этом луковица ничего не знает. Только пробелы в изуродованном тексте. Разве только я объясню то, что кажется нечитаемым, и соберу что-нибудь в одно целое* [4, 277] показывают всю проблематичность процесса воспоминания, инициатором которого стать сложно, а

также непонятность событий прошлого, которые удается реконструировать только в самом конце.

Непрерывный процесс очистки изображает активный, сознательный процесс воспоминания и рассказа о том, что удалось восстановить в памяти. Картина, изображенной в автобиографическом романе луковицы, показывает те трудности, которые приходится преодолевать в процессе воспоминания автобиографическому «Я», «выяснение отношений» с собственными молодыми годами, и только возможное приближение к собственному прошлому.

Особенно в первой главе «Луковицы памяти», в которой луковица, как метафора воспоминания, описана особенно подробно и настолько часто возникает в процессе размышления вспоминающего автобиографического «Я», что ее невозможно не заметить. Так, проявляются чувства вины и стыда, о которых ранее умалчивалось, но которые не дают покоя, даже уже в довольно зрелом возрасте, и являются постоянной причиной душевной боли: *Становится стыдно, когда на шестой или седьмой кожуре самой обычной луковицы. Которая всегда готова помочь воспоминаниям найти свое проявление, находишь его. Так, я говорю о стыде* [4, с.18].

В этом контексте луковице найдено применение в беспощадной конфронтации автобиографичного «Я» с собственным, но более молодым, «Я» из прошлого. Попытка прочесть на луковой шелухе ответы на собственные вопросы о вине, которая не дает покоя, занимает центральную позицию.

Первая глава книги памяти отличается тем, что «смелый юноша» не решался задавать вопросы, избегал слова «почему». Молчал, когда оборвался контакт с семьей убитого кузена, когда один из одноклассников сообщал о тяжелых потерях, и позже, после того, как его отца отправили в концентрационный лагерь; и совсем исчез из

14 апреля 2016 года, город Луганск

школы, слепо не замечая той несправедливости, которая происходила каждый день, и не обращая внимания на увеличение концлагеря Штуттхоф, который находился поблизости и на дедовщину, которая существовала в течение всей службы, и на исчезновение молодого человека, который отказался брать в руки оружие и которого за это называли «нам этого нельзя». Все это создает основу воспоминаний, таких болезненных воспоминаний, в постоянной конфронтации с которыми находится автобиографическое «Я».

В тексте неоднократно повторяется, что разрезанная луковица вызывает слезы. Таким образом, мы видим, что луковица является не только метафорой воспоминаний, но и конфронтации с прошлым, воспоминания о котором, причиняют невыносимую боль.

Картина, которую видишь сквозь слезы, вызывает ту неопределенность, о которой так часто упоминает автобиографическое «Я», говоря о своих нечетких воспоминаниях. Так, например, оно описывает, как картина, которую пытаешься воспроизвести, картина, на которой изображен шестнадцатилетний парень при выполнении его «трудовой повинности», начинает исчезать. Вызывающая слезы луковица метафорично изображает акт воспоминания, при котором предмет можно увидеть очень четко, но это явление очень быстротечно.

Картина очистки луковицы показывает стремление к новой, еще скрытой шелухе, то есть активный процесс воспоминания, а картина отдельной сияющей кожицы, которая затмевает взгляд человека, который ее рассматривает показывает насколько живым является этот процесс. Что же касается другой важной метафоры воспоминаний, а именно, мотива янтаря, то он предстает перед читателями сначала неподвижным и неживым.

Представляя собой не только окаменение чего-либо, что изначально пребывало в движении, и, кроме того, еще сохранило в себе застывших в смоле насекомых, янтарь вызывает картину смертельного окаменения. В связи с этим Хуберт Шпигель утверждает, что янтарь – так называемый *Vanitas-Motiv*, который обещает бессмертие, но ценой жизни. Янтарь «консервирует» момент смерти [5, с.287]. Но в автобиографическом романе «Луковица памяти» янтарь выступает в качестве носителя воспоминаний, потому что эту картину «консервирования» с легкостью можно перенести в контекст памяти. Таким образом, автор показывает, что при помощи камня он получает возможность вспомнить о своей юности, несмотря на долгий временной промежуток, который отделяет его настоящего от того юноши.

Итак, мы видим насколько значительной является разница между двумя метафорами. Именно о ней и говорит автобиографическое «Я» в начале книги, утверждая, что между словами «воспоминания» и «память» существует разница.

Необходимо обратить внимание на то, что вспоминающее «Я», описывает янтарь, как что-то такое, что «никогда и ничего не забывает» [4, с. 346] и приходит на помощь тогда, когда луковица мешает смотреть. Здесь становится понятно, что янтарь в автобиографическом романе Грасса является скорее метафорой памяти, в то время, как луковица неоднократно сравнивается с феноменом воспоминаний.

Так, проанализировав основные метафоры автобиографического романа Гюнтера Грасса «Луковица памяти», мы убедились насколько разнообразными могут быть способы формирования и анализа культурной памяти при помощи художественных средств. Таким образом, литература приобретает огромное значение в культурах вспоминающих людей, поскольку ее действительно можно

считать одним из самых важных носителей культурной памяти. Кроме того, мы считаем, что можно с уверенностью сказать, что данный текст важен, так как благодаря ему предоставляется возможным изображение работы памяти, процессы возникновения воспоминаний, используя литературные средства, отсюда, используя язык, понятный для любого читателя.

В ближайшей перспективе планируется провести дальнейшие литературоведческие исследования произведений Гюнтера Грасса на наличие в них данной тематики.

Список использованных источников

1. Малахов В. Неудобства с идентичностью / Малахов В. – М. : Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. – 276 с. **2. Assmann Jan.** Kultur und Gedächtnis / Assmann Jan, Hölscher Tonio. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1988. – 426 s.; **3. Assmann Jan.** Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen / Assmann Jan. – München : Beck, 1992. – 547 s.; **4. Günter Grass.** Beim Häuten der Zwiebel / Günter Grass. – Göttingen. : Steidl, 2006. – 499 s.; **5. Kölbel Martin.** Ein Buch ein Bekenntnis. Die Debatte um Günter Grass’ „Beim Häuten der Zwiebel“ / Kölbel Martin. – Göttingen. : Steidl, 2007. – 506 s.

Стасевич Ю.Ю. Метафоры воспоминаний и памяти в автобиографическом романе Гюнтера Грасса «Луковица памяти»

В данной статье проанализирован автобиографический роман Гюнтера Грасса «Луковица памяти» с целью определения в нем тематики культурной памяти. Автор дает определение понятию «культурная память», кроме того, исследуются две основные метафоры

данного произведения: луковица и янтарь. Луковица рассматривается как метафора процесса воспоминания, янтарь – сама память.

Ключевые слова: культурная память, метафора, автобиография, роман.

Stasevych J.J. The metaphors of recollections and memory in the autobiographic novel “*Peeling the Onion*” by Günter Grass

At the given article the autobiographic novel “*Peeling the Onion*” by Günter Grass was analyzed with the purpose to define the subject matter of the cultural memory. The author gives the definition of the concept of cultural memory. In addition, two main metaphors of the novel “onion” and “amber” are analyzed in the article. “Onion” is considered as the metaphor of the process of recollections and “amber” is considered as the memory itself.

Key words: cultural memory, metaphor, autobiography, novel.

УДК [811.112:811.161.1]’373.4

Тамбовцева Д.А.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Во все времена язык считался самой главной и броской чертой в жизни общества. Он связан с выражением как личных качеств и эмоций человека, так и этноса в целом. Язык как зеркало души любой культуры, раскрывается не столько как настоящий мир, находящийся вокруг человека, сколько как общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, традиции, системы ценностей и видение мира. Будучи достоянием общества, язык присваивается каждому представителю общества, дает возможность формировать себя и высказывать свое мнение об окружающем мире.

В статье рассмотрены особенности лингвокультурологического концепта «любовь» в немецком и русском языках.

Концепт относится к числу базовых понятий лингвокультурологии, который реализуется в словесном знаке и в языке в целом. Одной из наиболее актуальных исследовательских задач в лингвокультурологии является продолжение исследований, для более точной дефиниции концепта, что в настоящее время, создается и постоянно пополняется солидной научно-практической базой. Отдельные вопросы, посвященные рассмотрению тех или иных лингвокультурных концептов поднимались в работах В.Н. Телии, Н.Д.Арутюновой, А. Вежбицкой, Н.А. Красавского, Г.Г. Слышкина, В.И.Карасика, С.Г.В Оркачева и других лингвистов.

В сопоставительном аспекте исследованию германской и русскоязычной лингвокультуры с помощью различных концептов приурочены работы Н.А.Красавского и Е.В. Бабаевой. Н.А. Красавский находит существенные различия в употреблении эмоциональных концептов в разных лингвокультурах. В немецкой и русской лингвокультурах отрицательные чувства переживаются совершенно по-разному. Если в немецкой культуре главный интерес уделяется методам освобождения от ненужных и тягостных чувств, то в русской культуре акцент сделан на их протекание. В трудах Красавского была впервые представлена попытка разноаспектного сравнительного синхронно-диахронического анализа базисных эмоций в немецком и русском языках, в которых рассматриваются положение эмоциональных концептов в коммуникативной структуре, как способы языковой концептуализации эмоций. Диахронический анализ, предполагает рассмотрение эволюции объекта во времени и представлен в книге этимологическим разбором каждого из четырех базовых эмоциональных концептов.

Исследования Бабаевой показали что, лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира, представлены в сознании носителей русских и немецких культур как ценностно-нормативная сторона картины мира. Предметом изучения выступают ее лингвокультурологические

характеристики, закрепленные в семантике языковых единиц и выражаемые в коммуникации. В основу исследования положена следующая гипотеза: общие и специфические характеристики аксиологических картин мира находят выражение в языке и могут быть установлены при сочетании дискурсивного и концептологического подходов к анализу культурных ценностей и социальных норм [1].

Концепт — это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека, закрепленное в общественном опыте народа, имеющее в его жизни исторические корни, социального и субъективного осмысления [2]. Так, можно сделать вывод, что лингвокультурные концепты являются основными представлениями картины мира как человека, так и целого народа, в которых фиксируются ценности и особенности, как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного общества в целом. Концепты классифицируются по различным типам. Однако интересным является рассмотрение из всех типов концептов, именно эмоционального. Так как эмоциональный концепт, считается главным компонентом эмоциональной картины мира, которую предопределяет мировидение, спроецированное чувственной сферой сознания человека. Таким образом, важной целью, языковедения считается понимание языковых и речевых прецедентов посредством рассмотрения их через призму лингвокультурологических методов анализа, которые через мировоззренческое исследование ключевых определений, образуют языковую картину общества в целом.

Особую актуальность в области описания концептов приобретает в настоящее время переоценка многих ценностей. И нам представляется, что в мире, где материальное часто выступает решающим фактором, а судьба отдельных лингвокультурных концептов, характеризующих специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни, противопоставленных природе, вызывает серьезные опасения, отсюда пристального внимания заслуживает концепт «любовь». Если объединить все данные толковых словарей русского языка, известных русских филологов, таких как В.И Даль, Д.Н Ушакова, С.

И Ожегов, то может быть сформулировано наивно-языковое толкование любви как чувство горячей сердечной склонности, привязанности, влечение к лицу другого пола, отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. Рассматривая данное определение можно отметить, что оно с одной стороны содержит позитивно-оценочную характеристику исследуемого феномена, в нем акцентируется произвольное чувственное начало любви, но с другой стороны за пределами дефиниции словарей остается диалектическая сложность любви, ее многоплановость, аксиологическая неоднозначность.

Любовь как универсальный концепт, отражает общую для всех этносов эмоциональную тему и окраску. Однако это не означает, что этот концепт будет совпадать по форме, объёму и качеству эмотивных смыслов.

Подтверждением многоплановости и диалектического разнообразия концепта «любовь» в русской культуре, стал материал словаря Черкасова Г.А. «Русский сопоставительный ассоциативный словарь». Цель, которого была, с помощью опрашивания, позволить узнать социальную память и сознание носителей языка и получить ответ на вопрос: «Какие же ассоциации возникает у представителя русской культуры с тем или иным словом?» Узнать картину ассоциаций в живой речи носителей русского языка, и их элементы наивной языковой картины мира и черты их национального характера. Сопоставительный ассоциативный словарь содержит русские слова, которые повторялись в трех или двух массовых ассоциативных опросах, по материалам которых опубликованы следующие словари: Словарь ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева — САНРЯ, Русский ассоциативный словарь — РАС и Славянский ассоциативный словарь — САС. В результате опроса, в котором приняли участие около 200 человек, мы можем проследить, что у носителей русской

14 апреля 2016 года, город Луганск

культуры по-разному воспринимается любовь, как в положительном, так и отрицательном смысле.

Положительная реакция выражалась в следующих словах: счастье, чувство, жизнь, вечная, нежность, верность, сердце, страсть большая, девушка, моя, радость, сильная, до гроба, морковь, прекрасна женщина, мечта, вечность, весна, крепка, сила взаимная, земная, прекрасная, семья, чистая, голуби, с первого взгляда, страстная, хорошо, цветы, чувства взаимность, добро, доверие, долгая, дружба, к людям, к родным, красивая, любимый, счастье, чувство, любить, любовь матери, на всю жизнь, огонь, парень, понимание, привязанность, романтика, счастья, безумная, блаженство, близкая, близкий, богатство, большое чувство, вера, надежда, взаимопонимание. Отрицательные реакции: зло, ненависть, смерть, измена, глупость, не бывает, несчастная, обман, безответная, безумная, ее нет, зла полюбишь и козла, злая это штука, и смерть едины, не бывает вечной, не знаю, не мое, не вечно, нелюбовь, не надолго, неразделенная, несбывшаяся, ее нет, паранойя, переживания, предательство, измена, приходит и уходит, неприязнь, разочарование, страдания, уже было, уходит, это плохо, это яд, жестокость, страдание, грусть, слезы, болезнь, одиночество, ярость, разочарование, ложная [6].

В немецкой культуре концепт «любовь» так же рассматривается как многогранное понятие, сопровождающиеся различными чувствами и эмоциями. В словаре немецкого языка Я. Гримм указывает нам на то, что слово «Liebe» является исконно немецким словом, а также что оно образовано от прилагательного «lieb» с добавлением флексии «-е». Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что внутренняя форма концепта «Liebe», содержит компонент «lieb», обозначающий кого-то милого, любимого, дорогого, приятного,

очаровательного, прелестного или что-то милое, любимое или дорогое.

Чтобы убедиться в многообразии концепта «любовь», мы использовали толковый словарь немецкого языка, где четко прослеживаются особенности восприятия этого концепта в немецкой культуре.

Положительное значение (Positive Bedeutung): Große Liebe - большая любовь, Liebe auf den ersten Blick- с первого взгляда, Sturm der Liebe - ураган любви, bei aller Liebe - у всей любви, Alte Liebe -старая любовь, liebe Frau- любимая женщина, leidenschaftliche Liebe- страстная любовь, junge Liebe- юная любовь , Gebot der Liebe- заповедь любви, die Liebe Gottes - любовь Бога, Liebe auf den zweiten Blick - любовь со второго взгляда, Akt der Liebe - акт любви, alte Liebe rostet nicht- старая любовь не ржавеет, romantische Liebe - романтическая любовь, was nützt die Liebe in Gedanken - К чему помыслы о любви? christliche Liebe -духовная любовь, erste Liebe - первая любовь, Liebe gestehen - взаимная любовь, alles aus Liebe - все из-за любви, Farbe der Liebe - цвет любви, liebe deinen Nächsten wie dich selbst - возлюби ближнего своего, как самого себя, Vom Suchen und Finden der Liebe - в поисках любви, Kind der Liebe- дитя любви, glühende Liebe- жгучая любовь. Отрицательное значение (Negative Bedeutung): Kabale und Liebe- коварство и любовь, wo die Liebe hinfällt - где погибла любовь, Liebe ist kälter als der Tod - любовь холоднее смерти, Geld oder Liebe –любовь или деньги, Liebe ist nur ein Wort – любовь это всего лишь слово [7].

В результате исследований особенностей концепта «любовь» в немецкой и русской культурах можно сделать вывод, что в разных культурах по-разному рассматривают и воспринимают данное понятие. В русской культуре концепт «любовь» предопределяет большинство позитивных и отрицательных чувств, в то время как в
14 апреля 2016 года, город Луганск,

немецкой культуре «любовь» более идеализированное понятие и имеет в чаще положительную окраску, нежели отрицательную.

Список использованных источников

- 1.Бабаева Е.В.** Лингвокультурологическое описание картины социальных норм // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». -2002а.-№1.-С. 53-60.
- 2. Демьянков В.З.** Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. М., 2001. № 1. С.35-47.
- 3. Красавский Н.А.** Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с. 1998 – 2016.
- 4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г.** Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр./Под ред. И.А.Стернина.- Воронеж, 2001.- С.75-80.
- 5. Маслова В.А.** Лингвокультурология. - М.: Академия, 2001.- С. 48.
- 6. Черкасова Г.А.** Русский сопоставительный ассоциативный словарь Электронный словарь.- М.: ИЗЯ РАН,2008.//URL: <http://itclaim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>.
- 7. Deutscher Wortschatz.** – Режим доступа: <http://wortschatz.uni-leipzig.de>

Тамбовцева Д. А. Особенности лингвокультурологического концепта «любовь» в немецком и русском языках

В статье раскрывается содержание концепта «любовь» в немецкой и русской культурах. Также, при рассмотрении этого понятия как одного из универсальных концептов в лингвокультурологии, выделяется его многоплановость, и дается более точная дефиниция понятию концепта. На основе работы Н.А.Красавского и

Е.В. Бабаевой производится конкретизация этой проблемы, и предлагаются пути её рассмотрения.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, эмоциональный концепт, языковая картина мира.

Tambovceva D.A Linguoculturological features of the concept «love» in German and Russian languages

The article highlights the concept «love» in German and Russian languages. Having considered one of the universal concept in linguoculturology, the author pay special attention to multidimensionality and gives the exact definition of the term «concept». On the basis on N.A.Krasavsky and E.V Babayeva's works is carried out and the ways of its consideration are suggested.

Keywords: concept, linguoculturology, emotional concept, linguistic world-image.

Timoshenko E. S.

**GESTURES AS A CONSTITUENT PART OF NON-
VERBAL COMMUNICATION IN CHINESE AND
JAPANESE CULTURES**

There are many non-verbal elements of communication in people’s everyday lives that are important, because they convey a considerable amount of information and qualify the spoken message, sometimes even to the extent that what is meant is actually the opposite of what is said. Showing objects, types of behavior, mood, reactions, emotions and pointing towards something in the referential context are some of the functions of non-verbal language, which carries a great amount of semantic content related to people’s attitudes and intentions in interaction processes.

Non-verbal communication has its special channels, through which people can send and receive different messages. By non-verbal communication we understand “the process of communication through sending and receiving wordless messages” [1, p. 8]. Gestures as one of the non-verbal communicative channels are an integral part of the way humans of every culture communicate, and they are in many ways linked to verbal language, the main vehicle of communication.

The problem of gestures was investigated by a great number of Russian and Western scholars: E. Axtell, J. Bavelas, R. Birdwhistell, E. Dobrova, P. Ekman, W. Friesen, A. Hayes, A. Kendon, S. McCafferty, D. McNeill, G. Mead, A. Mehrabian, T. Mironova, I. Shegolev, W. Wundt et al., who possess similar as well as different opinions on the concept, essential features and classification of human gestures.

The goal of the article is to examine gestures as a constituent part of non-verbal communication in Chinese and Japanese cultures.

Before we start regarding the specifics of gestures in Chinese and Japanese cultures, we consider what gestures are and their characteristics.

Gestures are considered to be one of the constituents of kinesics. The term “kinesics” was introduced by R. Birdwhistell, an anthropologist, who published a book “Introduction to Kinesics” in 1952. According to the founder, kinesics is “the study of bodily movements, including gestures, posture and movements of a head, arms, legs or torso” [2, p. 5].

There is a divergence of opinions on the definition of a gesture. We reckon that it would be interesting to examine some definitions of a gesture suggested by different scholars.

A. Kendon defines a gesture as “a visible action used as an utterance or as a part of an utterance” [3, p. 18]. By utterance he means “any combination of actions treated by the participants in a communicative exchange as a contribution to the communication” [3, p. 19]. Speech represents the most prototypical form of utterance. A gesture is a specific form of utterance that involves the use of the body in a visible way (in contrast to the mostly non-visible actions of the vocal articulators involved in the production of speech) and that is regularly perceived as being performed with the goal of communicating something.

A. Hayes argues that “a gesture is any bodily movement excepting that of vocalization made consciously to communicate either with one’s self or with another” [4, p. 38].

According to G. Mead, “a gesture is that phase of the individual act to which adjustment takes place on the part of other individuals in social process of behavior” [5, p. 24]. We can see that the scholar defines gestures in terms of their effect on the receiver.

Having considered several definitions of a gesture, we can come to the conclusion that there is no generally accepted definition of a gesture.

It should be mentioned that gestures are characterized in the literature in different ways:

- they are a silent language;
- they are talk without talk;
- they are a mother utterance of nature;
- they are picturesque;
- they are pantomimic;
- they are affective;
- they are a substitute for a spoken language;
- they are a visual language;
- they consist of visual attitudes of the soul;
- they are an innate language;
- they are an essential adjunct to the human language;
- they are a great human accomplishment [6; 7; 8; 9;

10; 11].

Gestures as a non-verbal communicative phenomenon have their own organization (or structure) based on the hierarchy.

At the top of the hierarchy we have *Gesture-Units*, corresponding to the period of time in which the limbs are moved from the rest position until they return to such position. A *Gesture-Unit* may span various *Gesture-Phrases*, which correspond to what we usually call “*gestures*”. Each *Gesture-Phrase* can be subdivided into phases characterized by specific kinetic features:

- the first phase is a *preparation* phase, in which the hands

are moved from any previous position, either a rest position or an ending position of a previous gesture, to a visually prominent position, such as the area in front of the speaker’s torso;

- the *preparation* phase is followed by one or more *strokes*, the most effortful phase of the gesture and typically the one that expresses the meaning associated with the gesture;
- a *Gesture-Phrase* can be ended with a *retraction phase*, in which the hands are brought back to a rest position [3, p. 123].

Having examined the organization of gestures, we can say that only the stroke phase is required in a *Gesture-Phrase*, because the preparation and retraction phases are sometimes not clearly identifiable, when more gestures are performed in sequence.

Despite differences of opinion as to giving a definition of the term “gesture”, most scholars (E. Dobrova, A. Kendon, D. McNeill, G. Mead, T. Mironova and others) agree upon some points concerning functions of gestures, such as:

- gestures can replace speech during the dialogue or when speech is not used at all;
- gestures can regulate the flow and the rhythm of interaction;
- gestures can convey semantic information to the receiver;
- gestures can help speakers express their mood or emotional states;
- gestures can maintain attention;
- gestures can act as forecasters of forthcoming speech;
- gestures can help speakers access and formulate speech.

China is one of the largest countries in the world, the birth place of ancient culture and civilization. As we know, every culture possesses its own rules of non-verbal communication among the members of its society, and the Chinese are not the exception. In China, such a non-verbal communicative phenomenon as gestures forms a crucial part of

people's everyday lives. Thus, below we examine the most frequently used gestures, which we have subdivided into different categories.

Greeting and parting

- The Chinese do not necessarily bow to one another as a greeting, a parting gesture or an alternative to waving or saying “Hi”. But they sometimes do. Bowing is generally reserved as a sign of respect for elders, especially on special holidays. When Chinese people bow, they make a fist with their right hand and hold it in the palm of the left hand at stomach level and bow slightly or deeply depending on how much respect they want to convey.

- In China, people have not traditionally been “big hand shakers”, but the custom is now widely practiced among men, especially, when they greet Westerners and other foreigners.

- When a Chinese person wants to say goodbye, he/she can wave his/ her hand to others.

Pointing at oneself

The Chinese point to their noses, touching them, to indicate themselves. This gesture is complimented with the word “wo”, which means “I” in China. However, touching other people's noses is deemed to be impolite.

Call for coming (or “Come here”)

- A Chinese person never points or uses his/her finger to beckon someone (this gesture is used for dogs).

- To get someone's attention and ask him/her to “come here”, the Chinese place their palms down and move their fingers towards themselves. This gesture is used towards children, taxi drivers or waiters, but is considered to be very rude, when it is directed at elderly people.

“V” sign

The “V” sign is regularly used by Chinese youngsters, when they take pictures. This sign is carried out together with

middle and index fingers. Sometimes both hands can be used to demonstrate two “V” signs. This just signifies that a person getting his/her image taken is satisfied.

“Thank you”

- The language is changing, but also some gestures are changing in the process. However, some old gestures, as well as some archaic words and expressions, are still used today, such as the gesture equal to the expression “Thank you for serving me!” This gesture appeared during the Qing Dynasty, when Emperor Qianlong visited South China with civil clothes, that was, in secret of the common people. During the visit, the emperor served tea to his officers, but since they were in public they couldn’t use the “koutou” gesture and that is why they invented a more discreet gesture of showing respect and subordination [12, p. 72 – 73]. Here fingers move up and down continuously, thus, metaphorically depicting repeated bowing, not with a head down to the ground, but with fingers to the table.

- In southern China, people say “thank you” by tapping two fingers on the table. Many people in the north, however, are not familiar with this gesture.

Gestures, conveying positive meanings

- Both the thumbs up sign and tugging on the earlobe are signs of excellence.

- In China, unlike the other parts of the world, the usage of two hands when you get and give a thing is very significant. For instance, you come into acquaintance with someone new and he/she provides you with a token or a business card using each of his/her hands. In this case, it is incredibly crucial that you use two hands getting it. This gesture indicates politeness or respect for your new acquaintance.

- If a Chinese person puts his/her right hand on the position of the heart, it means “sincere promise”, but since a promise is a promise only if it is sincere [13, p. 95].

Gestures, denoting negative meanings

- When a Chinese person holds his/her hand near his/her face and slightly wave, it means “no” or it can also be a mild rebuke.

- Pointing with a single finger is an accusatory gesture and considered to be rude.

- To show displeasure with someone or something, the Chinese scratch their cheeks with their index fingers.

- Shaking your fist at someone indicates anger.

- Some Chinese people point with their middle fingers without realizing that this gesture has a vulgar meaning in the West. Conversely, a thumb placed between middle and index fingers (the “nose stealing” gesture) is an obscene gesture in some parts of China.

Indicating numbers

The Chinese use only one hand for indicating numbers. While the five fingers on one hand can easily express the numbers one through five, six through ten have special signs.

- Six is represented with a hand with just the pinky and the thumb outstretched.

- Seven is shown by putting middle and index fingers together with the thumb, leaving ring and little fingers at a closed position.

- Eight is represented with the index finger and the thumb outstretched like a shape of “L”.

- Nine is rendered with the index finger curved downwards to look like a hook.

- Ten is represented with a closed fist, sometimes with the thumb crossing with the index finger. Ten is also often shown with both index fingers crossing in the shape of a plus sign.

Having analyzed the specifics of gestures in Chinese culture, we can start examining the specifics of gestures in Japanese culture.

Japanese society is highly homogeneous. They speak and read the same language and always live in the environment made up of a group membership. Therefore, gestures have developed in this culture as a significant component of communication between individuals. Below we regard the most frequently used gestures in Japan.

Greeting and parting

In Japan, people greet each other by bowing. The Japanese bow to one another as a greeting, a parting gesture, and an alternative to waving or saying “Hello”. The Japanese often bow every time they meet someone, even if they have already seen that person several times that day.

Indicating yourself

The Japanese point to their noses indicating themselves. However, for young people, pointing to their noses has become an outdated gesture, and, influenced by movies, they have started pointing to their chests.

Call for coming (or “Come here”)

In Japan, “come here” gesture is performed with one hand, palm towards the person with whom you want to communicate, and quick repeated bending and straightening of the four primary fingers.

“V” sign

The “V” sign is carried out with both index and middle fingers. Japanese high school students see it as a sign of happiness or good luck.

“Thank you”

A Japanese person says “thank you” by moving his/her hand upright to a point in front of his/her face with his/her thumb placed towards his/her face. In Japan, there is a custom to pour drinks for guests. When the host sees his/her guest’s glass is nearly empty, he/she comes over to refill it. Then, the

guest makes this gesture to show appreciation instead of saying “thank you”.

Gestures, conveying positive meanings

- In Japan, people nod, when they say “yes”.
- Move both hands up and down while saying “maaah maaah” with palms facing the ground. This gesture means that one wants a person to calm down, cool his/her temper.

- When a Japanese person flexes his/her arm and places his/her hand on biceps, it means “I can do it” or “challenge accepted”.

- If everything is OK, the Japanese shape their arms above their heads as a big “O”.

- To show an agreement with someone or something, a Japanese person hits the palm of one hand with a closed fist.

Gestures, bearing negative meanings

- The Japanese shake their heads sideways when saying “no”.

- In Japan, pointing with the index finger is considered to be rude.

- Pointing both index fingers above your head like horns indicates anger.

- Crossing arms as “X” in front of you means “no good”.

- Shaking one or both hands with the palm facing the other person expresses a lack of self-confidence and can mean “Oh, not me” or “I don’t deserve such a compliment”.

- Turning a closed fist twice while pointing the index finger at your temple indicates someone’s stupidity.

Counting

- When the Japanese count on their fingers, they use only one hand. Counting from one through five starts with the thumb, then proceeds to the pinky. Each finger is folded down as it is counted. Six through ten are counted on the same hand

in the reverse order, opening the fingers as they are counted. This is the most common method used in Japan regardless of age or sex.

- When indicating numbers to people, a Japanese person raises his/her palm, facing the other person, and raises the appropriate fingers starting with the forefinger. The thumb is used last, and the second hand will be added for numbers over five.

Having examined the specifics of Chinese and Japanese gestures, we can conclude that gestures are a culture-specific non-verbal communicative channel. Each culture has its own variety of gestures, and the Chinese as well as the Japanese are not the exception. Gestures as one of the non-verbal communicative channels in China and Japan can be used in different spheres of human activity for various purposes. A number of similarities and differences of gestures can be observed in Chinese and Japanese cultures. As for similarities, the Chinese and the Japanese greet people by bowing; indicate themselves by pointing to their noses; count by using only one hand despite the fact that the process of counting is different. But, they say goodbye, beckon people, say “thank you”, express happiness and anger, show displeasure with someone or something, etc. by making different gestures. Furthermore, there are polite gestures and impolite ones in both China and Japan.

References

1. **Mehrabian A.** Nonverbal Communication / Albert Mehrabian. – NY: Transaction Publishers, 2007. – 226 p.
2. **Birdwhistell R. L.** Kinesics and context / Ray L. Birdwhistell. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. – 338 p.
3. **Kendon A.** Gesture: Visible Action as Utterance / Adam Kendon. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 410 p.
4. **McCafferty S. G.** Gesture: second language

acquisition and classroom research / S. G. McCafferty, G. Stam. – NY: Taylor & Francis group, 2008. – 327 p. **5. Wundt W.** The language of gestures / W. Wundt, A. L. Blumenthal. – The Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 1987. – 149 p. **6. Доброва Е. В.** Язык жестов / Елена Владимировна Доброва. – М.: АСТ, 2010. – 158 с. **7. Миронова Т. В.** Язык жестов. Как добиться успеха в жизни / Татьяна Владимировна Миронова. – М.: Центрполиграф, 2006. – 224 с. **8. Baldwin E.** Introducing Cultural Studies / Elaine Baldwin. – Beijing: Peking University Press, 2005. – 311 p. **9. Ekman P.** The repertoire of nonverbal behavior / P. Ekman, W. Friesen. – NY: Foreign Language Teaching and Research Press, 1989. – 167 p. **10. Knapp M. L.** Nonverbal Communication in Human Interaction / M. L. Knapp, J. A. Hall. – Canada: Cengage Learning, 2009. – 496 p. **11. McNeill D.** Language and Gesture / David McNeill. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 420 p. **12. Samovar I.** Communication between Cultures / I. Samovar, R. Porter. – Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1995. – 258 p. **13. Lisheng X.** Introducing Intercultural Communication / Xu Lisheng. – Hangzhou: Zhejiang University Press, 2004. – 277 p.

Тимошенко Е. С. Жесты как составляющая невербальной коммуникации в китайской и японской культурах

В данной статье рассматриваются особенности невербальной коммуникации, а именно особенности жестов, в китайской и японской культурах. Автор анализирует различные точки зрения относительно понятия жестов и их характерных черт. Кроме того, особое внимание сосредотачивается на наиболее часто используемых жестах в китайской и японской культурах.

Ключевые слова: жесты, кинесика, китайская культура, невербальная коммуникация, японская культура.

Timoshenko E. S. Gestures as a constituent part of non-verbal communication in Chinese and Japanese cultures

This article highlights the specifics of gestures as one of the components of non-verbal communication in Chinese and Japanese cultures.

The author analyzes different opinions on the definition of gestures and their characteristic features. Besides, the special attention is paid to the most frequently used gestures in Chinese and Japanese cultures.

Key words: Chinese culture, gestures, Japanese culture, kinesics, non-verbal communication.

УДК 81'255.4(075.8)

Ткачева Ю. Г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Язык во все времена являлся наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса, еще Пифагор «для познания морали какого-либо народа» советовал, прежде всего, изучить его язык. Настолько же неопровержимой является связь языка и культуры, орудием и ипостасью которой он является. Проблема «язык vs общество / культура / личность», интерес к которой достиг своего апогея в работах В. фон Гумбольдта, Г. Штейнтала, К. Фосслера и А. Потевни, после отодвигания на задний план достижениями структурализма в первой половине XX века, и до конца столетия приобрела чрезвычайную актуальность. «На место господствующей сциентизмской, системно-структурной и статичной парадигмы приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, которая вернула человеку статус «меры всех вещей» и вернула ее в центр мироздания» [1, с. 64]. В лингвистике конца XX – начала XXI веков, как одновременно и в других науках, фокус исследовательского внимания смещается с уже изученного центра на проблемную периферию и закрепляется на стыке областей научного знания: возникают такие дисциплины, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, этнолингвистика и др.

Лингвокультурология – одно из наиболее молодых ответвлений этнолингвистики, в задачи которого входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета. Это раздел

лингвистики создан, в соответствии с прогнозами Э. Бенвениста, «на основе триады – язык, культура, личность человека», и и представляет лингвокультуру «как линзу, сквозь которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса» [2, с. 44].

Зрелость и право на самостоятельное существование какой-либо научной дисциплины определяются наличием и степенью сформированности ее категориального аппарата – системой базовых терминов. Основу категориального аппарата лингвокультурологии составляют понятия «языковая личность», «концепт» и «языковая картина мира», гносеологическое становление которых, однако еще полностью не завершилось.

Термин «концепт» стали активно использовать в отечественной лингвистике с начала 90-х годов XX века такие отечественные ученые как Д. Лихачев, Ю. Степанов, С. Ляпин, В. Нерознак, Н. Арутюнова, В. Красных, С. Воркачев, Е. Кубрякова. Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, – это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания. «По существу в концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе естественного языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» [1, с. 67].

Цель статьи заключается в необходимости продемонстрировать важность знания языковых единиц обладающих национально-специфическим содержанием для более широкого понимания семантики текста и преодоления конфликта культур.

Следует отметить, что до конца XX века в лингвистике сформировалось устойчивое мнение, что носитель языка – это носитель определенных

концептуальных систем. «Концепты это суть ментальной сущности. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире и вместе с тем отфильтрованы всяческие несущественные представления. Система концептов образует картину мира (мировидение, мировосприятие) в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый концептуальный «рисунок», на основе которого человек представляет себе мир» [3, с. 41].

Понятием «концепт» сегодня широко используется в разных научных сферах. При этом необходимо отметить, что любая попытка понять природу концепта приводит к осознанию факта существования целого ряда смежных понятий и терминов (понятия, значения и прочее). Проблема их дифференциации – одна из наиболее сложно решаемых, и дискуссионных проблем в современном языкознании. Это объясняется тем, что при анализе концепта речь идет о сущностях плана содержания, которые непосредственно не воспринимаются, следовательно, судить об их свойствах и природе можно только на основе непрямых признаков.

В лингвистическом понимании концепта выделяется три основных подхода. Во-первых, в наиболее широком понимании к концептам относят лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют наивную картину мира носителей языка. Совокупность таких концептов образует концептосферу языка (Д. Лихачев), в которой концентрируется культура нации. «Определяющим в таком подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике, основным исследовательским средством – концептуальная модель, при помощи которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и устанавливаются устойчивые связи между ними» [1, с. 70]. К подобным концептам относится любая лексическая

326 *14 апреля 2016 года, город Луганск*

единица, в значении которой просматривается способ (форма) семантического представления. Во-вторых, в более узком понимании к концептам относят семантические образования, которые отмечены лингвокультурной спецификой и определенным образом характеризуют носителей определенной этнокультуры. Совокупность таких концептов не образует концептосферу как некое целостное и структурированное пространство, но занимает в ней определенную часть – концептуальную область. И, наконец, к концептам относят только семантические образования, список которых в достаточной степени ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета, как специфического отношения к миру его носителей. Метафизические концепты (душа, истина, свобода, счастье, любовь и прочие) – «ментальные сущности высокой или пограничной степени абстрактности, они отправляют в мир духовных ценностей, содержание которых может быть подано только посредством символа, знака, который допускает использование своего образного предметного содержания для выявления содержания абстрактного. Вот почему концепты последнего типа относительно легко синонимизируются, образуя концептуализированную область, где устанавливаются семантические ассоциации между метафизическими смыслами и явлениями предметного мира, отраженными в слове, где соединяются духовная и материальная культура» [1, с. 70].

Обобщая точки зрения касательно концепта и его дефиниции в лингвистике, С. Г. Воркачев определяет концепт как «единицу коллективного знания / сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» [1, с. 70].

В лингвокультурологии концепт мыслится как «культурно-ментально-языковое» образование, своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» (Ю. Степанов). Концепт в лингвокультурологических текстах – это, прежде всего, «вербализированный культурный смысл, и он «автоматически» является лингвокультурным концептом – семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет в свою очередь двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого в принципе ничем не ограничена». Определяющим в понимании лингвоконцепта выступает представление о культуре как о «символической Вселенной» (Кассирер), конкретные проявления которой в каком-то «интервале абстракции» (в сопоставлении с инокультурой) обязательно этноспецифичны. Ее самым ведущим отличительным признаком лингвоконцепта является этнокультурная отмеченность. В то же самое время язык в лингвокультурологии – не только и не столько инструмент постижения культуры, он – составная ее часть, «одна из ее ипостасей». Собственно говоря, внимание к языковому, знаковому «телу» концепта и отличает его лингвокультурологическое понимание от всех прочих: через свое «имя», совпадающее, как правило, с доминантой соответствующего синонимического ряда, лингвоконцепт включается в лексическую систему конкретного естественного языка, а его место в последней определяет контуры его «значимостной составляющей» [4, с. 14].

Концепт синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом» редуцированном виде –

своего рода «гипероним» последних. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка.

К отличительным признакам лингвоконцепта относятся также:

– «переживаемость» – концепты не только мыслятся, но и эмоционально переживаются, будучи предметом симпатий и антипатий – и способность интенсифицировать духовную жизнь человека: менять ее ритм при попадании в фокус мысли;

– семиотическая (номинативная) плотность – представленность в плане выражения целым рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов (произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры), что напрямую связано с релевантностью, важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума, аксиологической либо теоретической ценностью явления, отраженного в его содержании;

– ориентированность на план выражения – включенность имени концепта в ассоциативные парадигматические и синтагматические связи, сложившиеся в лексической системе языка, наличие специфической языковой метафорики [6, с. 15-16].

«Окультурация» концепта-понятия как логической категории – превращение его в лингвоконцепт – возможна лишь через оязыковление: придание ему имени и

14 апреля 2016 года, город Луганск

включение последнего в систему лексико-семантических ассоциативных связей определенного этнического языка – вот почему, как уже говорилось, логические операторы становятся лингвоконцептами только получив культурное, «языковое» имя, когда «желание» становятся страстью, «безразличие» – равнодушием и беспристрастностью [6, с. 20].

В семантике концепта как «многомерного идеализированного формообразования» [7, с. 18] выделяются, прежде всего, понятийный, образный и ценностный компоненты [8, с. 39], определяющим из которых, по мнению большинства исследователей, считается первый. Вторым по значению для концептов – духовных ценностей – является образный компонент, опредмечивающий в языковом сознании когнитивные метафоры, посредством которых постигаются абстрактные сущности. Ценностный компонент для метафизических концептов не является специфическим, он присущ любому ментальному образованию, отсылающему к духовной жизни человека, как значение, свойственное феномену культуры, с утратой которого они, сохраняя физическое существование, теряют свой культурный статус.

Концепт в художественном тексте существует одновременно в двух измерениях: во-первых, как элемент картины мира конкретной языковой личности, моделированной в тексте (персонажа, лирического героя), и во-вторых, как базовый концепт текстового пространства (содержание текста), то есть как элемент индивидуальной картины мира нетекстового субъекта – автора, воплощенной в отдельном тексте.

В обоих рассмотренных случаях репрезентантом концепта в тексте является слово, которое может рассматриваться как ключевое слово текста, либо слово-тема, которое обрастает в тексте «ореолом синонимов, метафорических и метонимических обозначений,

контекстуальных антонимов, которые тематически развивают идею «дома» слов» [9, с. 81].

С позиции межкультурной коммуникации концептосферу можно рассматривать в двух направлениях: как взгляд «извне», то есть анализ концептосферы в общем как явления национально-культурной специфики определенного народа, и как взгляд «изнутри», попытку проникнуть во внутренний мир представителей разных социальных групп при помощи концептов как многомерных образований. «Переkreщивание идеосферы, основанное на «разделенном знании» представителей конкретной культуры, а также особенностях национального характера и специфике коллективной языковой личности, которая своеобразно заламывает жизненный опыт, создает то смысловое ядро, которое становится базовым для достижения взаимопонимания в середине этой лингвокультуры» [10, с. 111].

Зависимость концептов от национального, классового, профессионального, семейного и личного опыта человека, который пользуется концептом, приводит к тому, что уровень взаимопонимания будет лучше у людей с аналогичным опытом. Однако аналогичный опыт можно рассматривать двояко. На бытовом и эмоциональном уровнях представители одной культуры с более высокой степенью вероятности поймут друг друга благодаря наличию «разделенного» национально-культурного опыта. С другой стороны, даже в случае принадлежности к разным культурам, люди с одинаковым уровнем образования и подобными интересами могут иметь много общего в выборе ключевых концептов. Кроме того, в разных лингвокультурах, фокусирование и членение концептуального пространства осуществляется по-разному. При совпадении такого членения у представителей разных культур будет больше

предпосылок для адекватной коммуникации, нежели при различии.

Одним из наиболее эффективных путей вычленения национально-специфических концептов из языков можно считать их межъязыковое сопоставление. В. Карасик усматривает возможности представления этнокультурной специфики концептов при помощи так называемого «картирования» соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, влияющих на стереотипы поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражениях, прецедентных текстах», а так же при помощи анализа внутренней формы слов [11, с. 14]. Так, сопоставляя русскую и американскую концептосферы, необходимо учитывать разный исторический опыт, заложенный в их основе (например, анализируя американскую концептосферу, необходимо принимать во внимание широту использования американского варианта английского языка во всем мире и тенденции к глобализации, которые, с одной стороны, способствуют обогащению концептосферы за счет контактов с другими культурами, а с другой – способствуют ее примитивизации из-за стремления к общедоступности).

«Способность концептов разрастаться и обогащаться за счет индивидуального эмоционального и культурного опыта носителей языка обуславливает их эластичность, неустойчивость и подвижность» [10, с.112]. С одной стороны, динамический характер концептов усложняет их соотношение в разных культурах. С другой, тот факт что они «переливаются» друг в друга, создавая единое пространство культуры, создает возможность для творческого полета и поиска «компромисса», в первую очередь для переводчиков художественной литературы, между неизбежными концептами разных лингвокультур.

Как уже отмечалось ранее, любое исследование концептов основывается на сопоставлении. «Эталон сравнения здесь либо присутствует в наличной форме и сближается с понятием, функционирующим в научной парадигме, и тогда сопоставляются единицы научного и обыденного (языкового), научного и религиозного, научного и юридического и других сознаний в языковой реализации. Либо же этот эталон присутствует имплицитно, и тогда сопоставляются языковые варианты соответствующего концепта: лингвоконцепт сопоставляется с лингвоконцептом [6, с. 21].

При сопоставительном анализе американской и русской концептосфер обращает на себя внимание тот факт, что русские концепты, связанные с духовной и эмоциональной сторонами жизни, часто не имеют американских аналогов. Наряду с этим, американские концепты, которые не переводятся на русский язык, в большинстве своем отражают прагматический активистский характер американской культуры.

Хорошо известным является мнение А. Вежбицкой, которая считает такие концепты как «душа», «судьба», «тоска» ключевыми для русской культуры. Хотя подходы исследовательницы нередко критикуются из-за субъективности и недоказанности, сложно не согласиться с ее выбором. Кроме того, настойчивость, с которой русские и зарубежные авторы обращаются к концепту «душа» при анализе русской культуры и языкового сознания, несомненно, заслуживает внимания.

Если бы в противовес трем указанным выше ключевым концептам русской культуры необходимо было бы выделить три американских, то можно было бы, по мнению О. Леонтович, предложить не подлежащие переводу на русский язык концепты «challenge», «privacy», «efficiency».

В данной статье представлены только некоторые из ключевых русских и американских концептов, и этот список, безусловно, имеет продолжение. Но указанные концепты позволяют сформировать систему представлений о существенных различиях между русской и американской концептосферами. В языковом межкультурном общении заметны две принципиально разные ситуации: общение на одном – родном или иностранном – языке и общение через переводчика. Заметно, что субъективное незнание специфики лингвоконцептов инокультуры не ощущается коммуникантами как препятствие для общения, и они не ощущают из-за этого каких-то неудобств, поскольку, как отмечал В. Гумбольдт, «в чужой язык мы в большей или меньшей мере переносим свое собственное мировоззрение и свой собственный языковой взгляд» [12, с. 81]. Овладение лингвоконцептосферой инокультуры представляет собой завершающий, наиболее сложный этап в овладении иностранным языком.

Изучение языковых средств передачи культурных смыслов в инокультуре, наверное, неслучайно, привело к замене термина «перевод», привязанного преимущественно к содержательной формальной (стилистической) адекватности текста-оригинала и текста-перевода, термином «трансляция». В принципе естественный язык позволяет с его помощью передать любое сообщение, проблема только в том, насколько текст «на выходе» формально адекватный текст «на входе» и не превышает, ли объем переводческих комментариев, текст самого перевода.

Если перевод это «своеобразный канал взаимодействия культур и языков», а переводчик – посредник в диалоге культур, то он должен быть как минимум «бикультурен», что позволит ему при трансляции лингвоконцептов сопрягать значение имен-

квазиэквивалентов с их контекстуальным смыслом, причем контекст здесь стремится к бесконечности и в своем пределе может быть равнозначен контексту культуры в целом [6, с. 28].

В ходе проведенного анализа научной литературы мы пришли к выводу, что концепт есть структурная единица языкового сознания, оперативная единица ментального лексикона, несущая универсальное и / или национально-специфическое содержание, актуальное для той или иной лингвокультуры; смысл понимается, во-первых, как речевой смысл, а во-вторых, как структуры сознания, формирующие образ мира той или иной лингвокультуры. При кросскультурной трансформации содержания концептов в первую очередь оказывает влияние степень сходства культурных и языковых кодов контактирующих лингвокультур. Проблема передачи национально-культурной специфики решает транслятор культурных кодов переводчик – посредник в диалоге культур, который должен быть как минимум «бикультурен».

Список использованных источников

- 1. Воркачев С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. - №1. – с. 64 - 72.
 - 2. Бенвенист Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 448 с.
 - 3. Маслова В. А.** Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
 - 4. Воркачев С. Г.** Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
 - 5. Колесов В. В.** Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
 - 6. Воркачев С. Г.** Любовь как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис,
- 14 апреля 2016 года, город Луганск*

2007. – 284 с. **7. Ляпин С. Х.** Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып.1. – С. 11 – 35. **8. Карасик В. И.** Оценочные доминанты в языковой картине мира / В.И. Карасик // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород: Книжный дом, 1999. – С. 39 – 40. **9. Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. - М.: Наука, 1987. – 263 с. **10. Леонтович О. А.** Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с. **11. Карасик В. И.** Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность. Культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 9 -16. **12. Гумбольдт В. Фон.** Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984, - 397 с.

Ткачева Ю. Г. Трансформация концептов текста при переводе

В статье детально рассмотрен концепт как структурная единица языкового сознания представителей определенной лингвокультуры. Трансформация концептов текста в процессе решения переводческой задачи достигается посредством выстраивания когнитивно-дискурсивных стратегий.

Ключевые слова: концепт, трансформация, текст, ментальность, перевод, интерпретация.

Tkacheva Yu. G. Transformation of the text concepts while translating

Concept as a structural unit of the language mentality of a certain linguistic culture representatives is defined in the article. Transformation of the text concepts while solving translator's problem is reached by means of developing cognitive and discursive strategies.

Key words: concept, transformation, text, mentality, translation, interpretation.

УДК 347.78.034

Токмачёва М.А.

СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ «ИДТИ», «ВЕРНУТЬСЯ» С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФРАНЦУЗСКИЙ

Глаголы перемещения (*les verbes de déplacement*) в русском и французском языках отражают одно из наиболее значимых понятий сферы человеческой деятельности. Слова древнегреческого философа Аристотеля «жизнь требует движения», сказанные более чем две тысячи лет назад, не только не потеряли своей актуальности, а, напротив, подтвердили, что понятие движения по праву относится к числу основных категорий в философии и играет первостепенную роль в научной картине мира.

Рассматривая движение с точки зрения лингвистики, необходимо отметить, что глаголы, обозначающие перемещение, образуют как в русском, так и во французском языке значимый пласт лексики и представляют собой основное средство передачи пространственных отношений. Актуальность исследования глаголов перемещения определяется тем, что при общении с носителем языка возникает проблема правильного перевода глагола с русского на французский и наоборот, при этом ошибка при выборе нужного термина может помешать не только распознаванию общего значения высказывания, но и придать ему прямо противоположный смысл. Изучение особенностей перевода терминов перемещения позволит успешнее общаться на французском языке и правильно определять смысл речи собеседника, что необходимо для адекватного взаимопонимания двух или нескольких участников акта коммуникации.

В русском языке образование глаголов движения в основном достигается благодаря использованию разнообразных префиксов («ехать» – «приехать», «уехать», «отъехать», «проехать», «заехать», «въехать», «выехать», «доехать», «переехать», «объехать» и т.д.) [1].

Во французском языке глаголы перемещения в пространстве представляют собой в основном лексическую вариативность: «ехать» – «aller»; «приехать» – «venir»; «уехать» – «partir»; «отъехать» – «se branler»; «проехать» – «passer»; «заехать» – «aller voir»; «въехать» – «entrer»; «выехать» – «laisser»; «доехать» – «atteindre»; «переехать» – «déménager»; «объехать» – «faire le tour».

Поскольку при переводе текстов с русского языка на французский особую сложность представляют такие глаголы передвижения, как «идти» и «вернуться», предметом данного исследования является специфика их перевода, адекватность которого возможна лишь с учётом таких характеристик, как направление движения и местонахождение говорящего лица.

Русский глагол «идти» может переводиться на французский язык как «aller» или «venir» в зависимости от вектора. Так, глагол «aller» в значении «идти» указывает на направление движения (куда?), в то время как «venir» – на источник направления движения (откуда?). При этом одним из необязательных, но довольно частых показателей правильного использования данных глаголов являются предлоги à и de после «aller» и «venir» соответственно.

Je vais à l'université. – Je viens de l'université. (Я иду в университет. – Я иду из университета.)

Nous allons au Luxembourg. – Nous venons du Luxembourg. (Мы едем в Люксембург. – Мы едем из Люксембурга.)

Ce soir je vais au théâtre. – Je viens du théâtre à pied. (Сегодня вечером я иду в театр. – Я иду из театра пешком.)

Рассмотрим употребление глаголов «aller» и «venir» на примере названий публицистических текстов, взятых с интернет-ресурса французского медиа издания TV5 [2]:

Unicef: Boko Haram empêche un million d'enfants d'aller à l'école – Юнисеф: Боко Харам препятствует одному миллиону детей ходить в школу (направление движения (куда?) – в школу).

Des Africains noirs rêvent d'être les premiers à aller dans l'espace – Чёрные африканцы мечтают первыми выйти в космос (направление движения (куда?) – в космос).

Michelle Obama rappe pour encourager les jeunes à aller à l'université – Мишель Обама танцует рэп, чтобы поощрить молодежь идти учиться в вузы (направление движения (куда?) – в вузы).

Vœux présidentiels : d'où vient la morosité française ? – Президентские обещания: откуда во Францию приходит пессимизм? (источник (откуда?)).

Un flash d'ondes radio vient d'une galaxie très lointaine – Из очень отдалённой галактики пришёл радиосигнал (источник (откуда?) – из отдалённой галактики).

Для начинающего переводчика часто возникает проблема в выборе правильного термина при переводе на французский язык структурной единицы «возвратиться». В русском языке слово «возвратиться», имеет значение прийти или приехать обратно (к месту, откуда выехал или вышел) [3]. Большой русско-французский словарь Л.В.Щербы и М.И.Матусевич даёт три варианта перевода данного глагола: «revenir», «rentrer» и «retourner» [4]. Несмотря на то, что все три термина обозначают обратное движение, они не всегда являются синонимами. Поэтому важно выбрать адекватный вариант перевода, принимая во внимание направление движения и местопребывание субъекта.

Revenir, будучи производным от глагола venir, обозначает прийти или приехать снова туда, откуда ушёл или уехал, т.е. в изначальное место своего пребывания (revenir = venir une nouvelle fois). При этом, говорящий субъект находится именно в том месте, куда планируется осуществить возвращение, либо куда оно уже произошло:

Le Suisse m'a tellement plu que j'y suis revenu une deuxième fois. — Швейцария мне так понравилась, что я сюда вернулся второй раз. (говорится от первого лица в Швейцарии).

Je pars à Paris demain, mais je reviens ici vendredi. — Я уезжаю в Париж завтра, но вернусь обратно в пятницу (говорится от первого лица в месте настоящего пребывания).

Le docteur promet de revenir le lendemain. — Врач пообещал вернуться на следующий день (говорится от третьего лица в месте его же пребывания).

Глагол revenir необходимо дифференцировать от глагола retourner, который обозначает идти или ехать туда, где уже был когда-то, т.е. в место, отличающееся от актуального местопребывания говорящего (retourner = aller une nouvelle fois):

La Suisse m'a tellement plu que j'y suis retourné une deuxième fois. — Швейцария мне так понравилась, что я туда вернулся второй раз. (говорится от первого лица не в Швейцарии).

Il vient de Paris mais il va y retourner. — Он приехал из Парижа, но скоро вернется туда (говорится о третьем лице, которое находится не в Париже).

Adèle est arrivée ici hier et elle retourne au Canada la semaine prochaine. — Адель приехала сюда вчера, она возвращается в Канаду на следующей неделе (говорится о третьем лице (Адель), которое находится не в Канаде).

И, наконец, глагол *rentrer* всегда имеет значение возвращения к себе домой, в свой край, город, страну, на свою территорию:

Nous sommes rentrés chez nous. — Мы вернулись домой.

Un animal rentre dans son terrier. — Зверь возвращается на свою территорию.

Итак, алгоритм, помогающий сделать верный выбор нужного слова при переводе на французский язык глагола «возвратиться», состоит из следующих двух этапов:

Табл. 1

Этап			
1. Выяснить, каково место назначения возвращающегося субъекта:	Там, где был раньше, либо на свое изначальное местопребывания	Там, где бывал раньше	Домой, на свою территорию
2. Определить по возможности место пребывания автора сообщения о возвращении	Лицо, говорящее о возвращении, находится в том месте, куда оно (возвращение) предполагается, осуществляется или уже произошло	Лицо, говорящее о возвращении, находится в месте, отличном от места возвращения	Лицо, говорящее о возвращении, может находиться в любом месте
	<i>revenir</i>	<i>retourner</i>	<i>rentrer</i>

Рассмотрим употребление и значение вышеприведенных глаголов на примере названий публицистических статей французских интернет-изданий [3] и проанализируем употребление того или иного глагола:

Quand il est revenu à Yaoundé, c'est un autre Samuel Eto'o que le peuple camerounais a accueilli – Когда он вернулся в Яунде, камерунский народ приветствовал другого Самюэля Это'о (субъект вернулся на своё изначальное местопребывания; автор слов находится в месте, куда осуществилось возвращение субъекта).

Les Elephants ne sont pas tous revenus en même temps dans leur pays, la Côte d'Ivoire – Не все слоны вернулись в свой край, на Берег Слоновой Кости (1. вернулись на своё изначальное местопребывания).

Le pape revient en Amérique du Sud prêcher «la justice sociale» – Папа возвращается в Южную Америку с проповедью «социальной справедливости» (вернулся на своё изначальное местопребывания, поскольку родиной Папы является Южная Америка).

Le piano de Berlioz revient à la maison – Фортепиано Берлиоза возвращается домой (вернулось на своё изначальное местопребывания).

Que la force soit avec vous : la guerre des étoiles revient. – Да пребудет с вами сила: звёздные войны возвращаются (снова возвращаются на экраны, место своего изначального появления).

A New York, le français retourne à l'école. – В Нью-Йорке в школы возвращается французский язык (возвращается туда, где его когда-то уже изучали, т.е. в место, отличающегося от актуального местопребывания).

Népal: les «ice doctors» retournent sur l'Everest, un an après l'avalanche. – Непал: «доктора льдов» возвращаются на Эверест спустя год после лавины (возвращаются туда, где когда-то уже были, т.е. в место, отличающегося от актуального местопребывания; очевидно, что автор сообщения находится не на Эвересте).

Outre-Atlantique, les jeunes femmes retournent à l'école – Соединенные Штаты: молодые преподаватели возвращаются в школы (преподаватели возвращаются туда, где когда-то работали, т.е. в место, отличающееся от актуального местопребывания; автор сообщения определенно находится не с США, на что имеется явное указание: термин Outre-Atlantique является часто употребляемым во Франции синонимом Les Etats Unis, обозначающим «страну за океаном»).
Leonarda refuse l'offre de Hollande de rentrer seule en France – Леонарда ответила отказом на предложение Олланда вернуться одной во Францию (отказалась вернуться к себе домой, во Францию).

Essid a quitté le Forum de Davos pour rentrer à Tunis – Эссид покинул Форум в Давосе, чтобы вернуться в Тунис (речь идёт о возвращении домой, на родину, в Тунис)

Pourquoi Duvalier est-il rentré? - Почему Дювалье вернулся? (вернулся к себе домой).

Таким образом, в ходе данного исследования удалось выявить, что при переводе с русского на французский язык таких глаголов перемещения, как «идти», «ехать», «возвращаться», а также их производных и синонимов, необходимо использовать методы контекстуального анализа, и, как индикатор адекватности выбора нужного термина, вопросительные конструкции, служащие для определения направления движения, а также местоположения как действующего субъекта, так и автора сообщения.

Список используемых источников

- 1. Брагарник-Станкевич О. С.** Перевод глаголов движения с русского языка на английский / О. С. Брагарник-Станкевич. — Минск: Молодой ученый, 2011.
14 апреля 2016 года, город Луганск,

— 360с. 2. <http://information.tv5monde.com/search/site> 3. **Ожёгов С.И.** Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — 24-е изд., испр. — М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. — 1200 с. 4. **Щерба Л.В., Матусевич М.И.** Русско-французский словарь. — М.: Букинист, 1983. — 840с.

Токмачёва М.А. Сложности перевода глаголов перемещения «идти», «вернуться» с русского языка на французский

Исследована проблема перевода с русского на французский язык глаголов, обозначающих перемещение в пространстве, «идти» и «вернуться»; обозначена необходимость детерминировать направление движения и местоположение субъекта; приведены примеры переводов названий публицистических статей с данными глаголами.

Ключевые слова: глаголы, перемещение, движение, идти, вернуться, перевод.

Tokmachova M.A. Translation problems of the displacement verbs «to go», «to return» from Russian into French.

This article explores the problem of translation from Russian into French the verbs denoting displacement "to go" and "to return"; it highlights the need of direction and location determination of the subject and gives some examples of translation of these verbs in journalistic articles' titles.

Keywords: verbs, displacement, movement, to go, to return, translation.

УДК 811. 133. 1'373. 45

Шавва Т.Ю.

МЕСТО ТЕЛЕСКОПИИ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Механизм словообразования дает богатый материал для наблюдений, размышлений и обобщений. Представляя собой систему, лексика постоянно пребывает в движении. При этом одни слова исчезают, другие появляются, у третьих происходит сдвиг в значении, а некоторые изменяют стилистический статус.

Из исторической лексикологии мы знаем, что слова создаются из реально существующего в языке материала и по его наиболее продуктивным моделям.

Проблемами словообразования французского языка занимались такие зарубежные ученые как Ж.Дюбуа, А.Доза, Ш.Балли и русские ученые И.А.Цыбова, О.В.Раевская, М.Ф.Степанов и другие.

Выбор тематики данной статьи обусловлен ее актуальностью, так как в процессе развития лексического состава языка появляются новые и совершенствуются имеющиеся способы словообразования, словообразовательные модели и словообразовательные типы.

Цель статьи - рассмотреть один из таких малоизученных способов словообразования как телескопия и определить его место в словообразовательной системе современного французского языка.

Известно, что лексика представляет собой сложную систему, являющуюся составной частью общей системы языка. Когда речь идет о системном характере лексики, имеется ввиду, что члены лексической системы –

цельнооформленные и отдельнооформленные лексические единицы, взаимосвязаны определенными отношениями [1; 2].

Учение о словообразовании в настоящее время представляет собой самостоятельный раздел языкознания. Ряд лингвистов предлагает различать в науке о языке такие разделы, которые не находят прямого соответствия в уровне членении языка. Подобным важным отделом лингвистики, который изучает особую подсистему языка, бытующую внутри глобальной языковой системы, но не образующую вместе с тем отдельного уровня в ее строении, является словообразование [3; 4].

Для того, чтобы понять, как образуются новые слова во французском языке, необходимо помнить некоторые важнейшие понятия словообразования.

Всякое производное слово в языке мотивировано, то есть может быть объяснено внутри данного языка словом, с которым оно соотносится в словообразовательном отношении.

Французский язык обладает сложной и многообразной системой словообразовательных средств. Новые лексические единицы создаются при помощи средств всех уровней языка – фонетического, морфемного, лексико-семантического и синтаксического. Иногда используется несколько различных способов одновременно.

В зависимости от языкового уровня, к которому относятся словообразовательные средства, различают три основных типа словообразования: фонетическое, морфологическое, семантическое. Морфологическое и семантическое словообразование являются наиболее важными средствами образования новых слов.

При фонетическом словообразовании новые слова создаются путем звукоподражания. Фонетическое словообразование служит также для создания междометий,

то есть слов, выражающих различные эмоциональные состояния.

При семантическом словообразовании форма слова не изменяется, изменяются лишь его значения или функции. Еще один способ словообразования – конверсия. Конверсия обозначает переход слова из одной части в другую. Словообразовательным средством при конверсии служат грамматические категории той части речи, к которой отныне принадлежит производное.

В современном французском языке по существующим моделям образуются новые слова даже от заимствований, что является очень продуктивным способом пополнения его словарного состава.

Так как всякий язык стремится к экономии в выражении и в словообразовании, то естественно использование и такого способа как аббревиация-сокращение слов. Во французском языке это один из активных способов пополнения словаря.

Существуют также способы словосложения и лексикализации. В словосложении участвуют не одна, а две или более основы, которые как бы «складываются». В современном французском языке словосложение является живым, продуктивным способом словообразования. Среди способов словосложения в исследованиях по неологии особое место отводится телескопным словам.

К сожалению, в исследованиях французских лингвистов нет единого мнения в оценке продуктивности словообразования. Некоторые лингвисты делят словообразовательную систему французского языка на «книжную» и «исконную» подсистемы [5; 6; 7; 8; 9].

Однако, можно констатировать тот факт, что такие морфологические способы словообразования, как: суффиксация, префиксация, словосложение и лексикализация, конверсия, заимствование, аббревиация

являются достаточно продуктивными и активными в современном французском языке [10].

Наряду с перечисленными способами словообразования эффективным способом выражения стилистической коннотации в словообразовании современного французского языка является телескопия или контаминация лексических единиц. Наличие большого количества телескопических образований свидетельствует о том, что в настоящее время телескопия является очень эффективным способом пополнения словарного состава французского языка.

То, что суть данного способа и смежных с этим явлением вопросов до конца учеными не раскрыта, свидетельствует тот факт, что существует терминологический разнобой и не только в плане обозначения самого явления телескопии, но также в отношении названия производных образований, возникающих в результате ее действия, а также отсутствие единства взглядов относительно временных границ ее появления и функционирования в том или ином языке.

Во французском языке, как калька с английского используется термин *mots-valises*-слова-чемоданы, *mots emboîtés* – слова-вставки, *mots-centaurs*- слова-кентавры, *amal-game*- амальгама, *mots-gigognes*-слова-матрешки, *mots-sandwiches*-слова-бутерброды. Русские лингвисты такие слова называют в основном телескопными словами по аналогии с французским названием явления – *télescope* [11].

Исследователи в данной области, такие как Ф.Годен и Л. Гэспен связывают появление термина *mots-valises* и самого явления телескопии с английским языком [12]. Объясняется это очевидно тем, что данная словообразовательная модель обязана своим появлением авторскому новообразованию Льюиса Кэрролла в его стихотворении «Бармаглот» из «Алисы в Зазеркалье».

Однако М.-М. Дюбуа отмечает, что подобные слова появлялись во французском языке раньше, еще в Средневековье и не зависели от английского языка [13].

Телескопные слова встречаются у Ф.Рабле, В.Гюго. В.М.Лейчик также приводит примеры подобных слов, которые появились до начала XIX века: *pendeloque* (1640) «подвеска» = *pendeloche* (старофр. От глагола *pendeler* «висеть, болтаться») + *breloque* «брелок», *orpailleur* (1762) «золотоискатель»= от «золото»+ *harpailleur* «старатель» и другие [14; 15].

В лингвистике широко распространено мнение о том, что телескопия возникает как проявление народной этимологии или же аналогии.

Исследования в области контаминированных образований показывают, что телескопия является одним из самых древних способов образования слов и одним из сравнительно менее изученных до настоящего времени во французской лингвистике [10].

Для выявления и определения действительной лингвистической природы телескопии необходим не только комплексный подход, но и сравнение и изучение ее с другими «родственными» языковыми феноменами, с которыми у нее есть как общие черты, так и существенные различия лингвистического характера.

Если ее сравнивать с народной этимологией, то телескопия отличается от нее тем, что является произвольным приемом в создании новых слов и действует в языке по уже установившимся моделям, преследуя определенную цель и представляет собой вполне сознательный процесс. Народная этимология-это ошибка в речи, допускаемая в основном при употреблении заимствованных слов [10; 16].

А.Доза высказал мысль о том, что народная этимология действует слепо в словах сходных по

структуре, как бы велика не была разница их значений [2, с. 186].

Г.Пауль утверждает, что «контаминация-это явление, заключающееся в том, что две синонимические или в чем-либо родственные формы выражения мысли возникает в сознании рядом друг с другом, так что ни одна из них не реализуется в чистом виде, а вместо этого возникает новая форма, в которой элементы одной смешиваются с элементами другой [17, с. 213].

Ряд ученых считает, что телескопия происходит обдуманно, преднамеренно. К.Сунден придерживается мнения о том, что телескопные слова создаются исключительно предумышленно, что их и отличает от слов, возникающих по аналогии [18, с.172].

Е.М.Чаадаевская выдвигает мысль о том, что если и можно назвать эти слова предумышленными, то только в том смысле, что человек, создающий каждое телескопное слово, сознательно использует существующую в языке объективную словообразовательную закономерность [19].

Право телескопии на самостоятельное существование отстаивает В.М.Лейчик, который подчеркивает, что телескопные слова образуются по исконно присущим языку словообразовательным закономерностям, и что в конечном итоге телескопные слова представляют собой вполне самостоятельный словообразовательный тип [14].

Необходимо, однако, отметить, что телескопия служит в основном для обновления и пополнения экспрессивно-стилистической лексики в языке, которая часто используется в целях достижения комического эффекта в разговорной речи: *applaudimètre* – *applaudi[ssements] + mètre*, *gastronomade* – *gastro [nome] + nomade*.

Характеризуя основные свойства телескопии, следует подчеркнуть, что ее суть сводится главным

образом к двум выполняемым ею взаимным функциям: словообразовательной и семантико-стилистической.

Словообразовательная функция-это один из основных движущих факторов телескопии, который и позволяет рассматривать ее в виде отдельного способа в системе словопроизводства.

С.В.Райлян выделяет восемь структурных типов и девять моделей телескопных производных образований. Каждый тип выражает структуру телескопного глагола, в составе которого в качестве его составных компонентов входят слова, относящиеся к разным частям речи, подобно сложным словам. Однако в отличие от них, глаголы, образованные путем контаминации, не являются результатом простого сложения, когда каждый компонент может восприниматься как отдельное самостоятельное слово, а возникает в следствие сложных переплетений структурных и семантических отношений. Одни лишь структурные модели контаминированных слов могут показать, насколько сложен и многообразен словообразовательный механизм телескопии [10].

Важным отличием телескопных слов от других видов словосложения является то, что при их образовании происходит соединение не значимых морфем, а произвольных частей, фрагментов слов. В основном, для образования телескопного слова достаточно любого отрезка основы, который напоминал бы говорящему исходное слово: *самéscore* « видеокамера»

А.П.Соколенко делит телескопные слова по характеру сочетающихся составных частей на полные и частичные или неполные.

К полным телескопным образованиям он относит слова, возникающие по структурным моделям, компоненты которых состоят:

1) из первой половины первого слова и второй половины второго слова, например:

ratiboiser = rati (sser + em)boiser;

2) из начала и конца первого слова и первой половины второго слова:

se contrfouicher = contr(ef)icher + fou(tre);

3) из взаимодействия двух лексических единиц и глагольного суффикса:

Lantiponner = lent + lanterner + onn(er)

К частичным телескопным словам следует отнести лексические единицы, созданные по следующим структурным моделям, которые состоят:

4) из полной основы слова и полной формы второго слова, например:

bavricaner = bav(er) + ricaner

5) из начала первого слова и полной формы второго слова:

tripatouiller = tri (poter) + patouiller

6) из полной формы первого слова и второй половины второго слова:

Sourdonner = sourd + (bour) donner

7) из полной лексической основы первого слова и второй половины второго слова:

débouliner = déboul (er + dég) ouliner

8) из полной формы первого слова и конца второго слова: bégueularder = bégueule + (gueul) ard;

9) из сложного сочетания трех и более слов: embrouillonner = embrouiller + brouillon + bouillonner [20, с.16].

Как видим, составные компоненты полных телескопных слов обязательно выступают в усеченном виде, в то время как в частичных телескопных образованиях один из компонентов сохраняет свою полную форму.

Перечисленные типы и модели придают производным новообразованиям соответствующую семантико-стилистическую значимость, обогащая тем

самым словарный состав языка новой аффектно-экспрессивной лексикой.

Почему определение телескопных образований вызывает затруднение? Это объясняется, с одной стороны, их морфолого-структурными особенностями, выступающими как результат сложного скрещивания морфем усекаемых компонентов контаминированных производных единиц или форм (успела + удалось = успелось). С другой стороны, это скрещивание иногда осложняется проявлением в различной степени «вложения» одной морфемы в другую или их наложения таким образом, что без помощи морфологического анализа порою трудно обойтись.

Семантико-стилистическая функция телескопии занимает не менее важное место в плане коммуникации для носителей данного языка. Можно сказать, что она является ведущей функцией по отношению к словообразовательной, на которую постоянно оказывает свое давление. Если словообразовательная функция заключается в создании новых лексических единиц с целью обновления и обогащения словарного состава языка, то семантико-стилистическая функция телескопии является как бы надстройкой в словообразовательном процессе, цель которой - стимулировать возникновение контаминированных слов и «следить» за их качественным содержанием в двух планах: семантическом и стилистическом. Именно лексико-семантическая новизна и стилистическая значимость этих слов и является действенной силой телескопии.

Таким образом, телескопия является не только интересным способом словообразования, но также эффективным стилистическим приемом, используемым как в разговорной речи носителями языка, так и в художественной литературе писателями при создании всевозможных экспрессивных слов с ярко выраженным

14 апреля 2016 года, город Луганск,

семантико-коннотативным значением. Ж.Лафорг, Э.Йонеско, Л.Ф.Селин использовали его в своих произведениях как поэтическое средство. Ж.Дюбуа считает, что лингвистическая телескопия представляет собой юмористический прием, к которому прибегают носители языка для образования нового «живописного» слова [21]. Это подтверждают авторы словарей телескопных слов А.Финкелькраут, А. Креанж и Ж.-Ж. Тибо [22].

Говоря о лексико-семантической значимости телескопных образований, нужно отметить, что она зависит от исходного значения либо первого, либо второго составного компонента.

Как правило, доминирующее значение одного из компонентов явно усиливается за счет значения остальных компонентов, а также за счет значения, приносимого суффиксом, при его наличии. Часто эти значения наслаиваются друг на друга и трудно определить, какое из них является определяющим.

Сегодня телескопные слова становятся излюбленным средством языковой игры в прессе и рекламных текстах [23]. Появление телескопного слова в тексте создает эффект игры: на месте ожидаемого слова появляется незнакомое (его пароним), которое, несомненно, привлечет внимание. Р.Якобсон называет это «эффектом обманутых надежд» [24].

Действительно, от обычных слов, знакомых носителям языка, их отличает непривычность, экспрессивность и неожиданность появления в тексте:

- «Jex four, c'est jextraordinaire!» (jex-название мощного средства) + (ex) traordinaire - необыкновенный).

В прессе такие слова, естественно, привлекают внимание своей новизной. Созданный образ становится более ярким и запоминающимся. Все чаще встречается слово *célibattante-célibataire* «незамужняя» и *battante*

«борющаяся». Французы представляют это как «незамужняя женщина-борец, которая много работает, не сидит дома, ведет активный образ жизни» [11].

Использование игры слов особенно характерно для художественной речи. Ш.Балли считал, что если ученый или инженер изменяет язык для того, чтобы «обезличить» его и сделать более логичным, рассудочным, то писатель преобразует его, чтобы сделать пригодным для выражения сугубо индивидуальной мысли [25, 26].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что телескопия становится достаточно продуктивной и удобной словообразовательной моделью для создания новых терминов в современном французском языке. Она позволяет на основе понятийного сближения соединить два слова в третье.

Среди ее моделей различаются более и менее продуктивные, однако - это своеобразный способ словообразования.

Телескопные слова – это слова, составленные из сегментов двух исходных слов (при этом деление слов на сегменты не связано с их делением на морфемы) или из двух полных слов с обязательным наложением общего звукового сочетания.

В целом, ценность создания телескопных слов, получивших в настоящее время широкое распространение во французском языке, заключается в том, что это особый паронимический способ словообразования, который одновременно выполняет две функции: словообразовательную и паронимическую. Особая словообразовательная функция телескопии заключается в объединении в новом слове не только двух форм, но и двух исходных смыслов, что особенно важно для образования новых терминов, в которых удваивание смыслов способствует обеспечению семантической наполненности термина. При этом указанная семантическая

14 апреля 2016 года, город Луганск,

наполненность должна быть прозрачной: *vélocation*, т.е. слово своей формой подсказывает присутствие двух других слов, близких по звучанию.

Однако разгадать значение телескопного слова не всегда возможно вне контекста. Оба слова, спрятанные в телескопном, могут вызывать определенные ассоциации, но до конца расшифровать его значение помогает контекст. В связи с этим, авторы, придумывая новые слова, дают им определения. *Муорéра* = *муоре* - близорукий; *орéра*-опера. Автор дает следующее определение: *Spectacle lyrique où venir sans ses jumelles est très mal vu.* – Музыкальный спектакль, куда приходиться без бинокля просто неприлично [22]. Эти закономерности проявляются в форме усечения корневых морфем и отвечают экспрессивно-стилистическим тенденциям, постоянно обновляющим лексические единицы, которые теряют свою выразительность в процессе речи.

Лексика, образованная путем телескопии, носит экспрессивно-оценочный характер. Сегодня, французы используют ее в разговорной, художественной речи и в просторечии.

На основании сделанных выводов, можно составить современный словарь телескопных слов, а изложенный материал использовать на практических занятиях по лексикологии, стилистике и филологическом анализе текста.

Список использованных источников

- 1. Левит З.Н.** Лексикология французского языка: учеб. Пособ /З.Н. Левит.- М.:Высшая школа, 1979.-148 с.
- 2. Dauzat A.** *La langue française d'aujourd'hui* / A Dauzat. – Paris, 1937. – 215 р.
- 3. Волкова З.Н.** Истоки французского литературного языка: учеб.Пособ / З.Н.Волкова.- М.:Высшая школа, 1983.-215 с.
- 4. Davan M.** *Le français vivant* / M. Davan, M.Cohen.- Paris,1972. – 418 р.
- 5. Ульман**

- С. Стилистика и семантика/ Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9- Лингвостилистика. М., 1980. 6. Щелок Е.А.** Пособие по французской лексикологии: учеб.Пособ/ Е.А.Щелок, Д.Комаров.- М.:Высшая школа, 1970.-263 с. **7. Цыбова И.А.** Соотношение суффиксального словообразования на исконной и книжной основе в современном французском языке / И.А.Цыбова.-М.: Международные отношения, 1981. -286 с. **8. Цыбова И.А.** Определите значение слова / И.А.Цыбова.-М.: Международные отношения, 1981. -286 с. **9. Солнцев В.М.** Язык как системно-структурное образование / В.М.Солнцев, .-М.: Международные отношения, 1981. – 250 с. **10. Райлян С.В.** Некоторые проблемы стилистического словообразования/ С.В.Райлян, А.Я.Алексеев.-Кишинев.- 1980.-200 с. **11. Эрстлинг Л.В.** Телескопные слова во французском языке. Вестник ПСТГУ III : Филология 2010.Вып. 4 (22). С.132-142. **12. Gaudin Fr., Guespin L.** Initiation à la lexicologie française : De la néologie aux dictionnaires. Bruxelles, 2000. P. 281-291. **13. Dubois J.** Télescopes linguistiques // Vie et langue. Paris, 1966. N 168. P. 157-160. **14. Лейчик В.М.** Об одном малоизученном способе словообразования. «Телескопные слова» современного французского языка // Филологические науки. М., 1966. №3. С.3-9. **15. Créhange A.** Le pornithorynque est un salopare. Dictionnaire de mots-valises. S. I.: Mille et une nuits, 2006. **16. Вандриес Ж.** Язык. Лингвистическое введение в историю. / Ж. Вандриес.-М.: Высшая школа, 2004.-410 с. **17. Пауль Г.** Принципы истории языка / Г. Пауль.- М.: Иностранная литература, 1960.-495 с. **18. Sunden K.** Contribution to the Study of Elliptical Words in Modern English / K.Sunden.- Uppsala, 1904.- 233 p. **19. Чаадаевская Е.И.** О вставочном словообразовании / Е.И.Чаадаевская // Вопросы языкознания.-1961.-№4. – С.140-144. **20. Соколенко А.П.** Сокращения в научно-технической

литературе: Автореф. Дис.канд. филол.наук / А.П.Соколенко. Киев, 1965.- 28 с. **21. Dubois J.** Etude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain / J. Dubois.- Paris, 1962.- 307 p. **22. Thibaud J.-J.** Nouveaucabulaire/ J.-J. Thibaud.- Paris, 2005.- -612 p. **23. Guiraud P. Les jeux de mots** / P.Guiraud. – Vendôme, 1976. P. 39-66. **24. Якобсон Р.О.** Избранные работы/ Р.О.Якобсон. М., 1985. С.5-29. **25. Bally Ch.** Linguistique générale et linguistique française / Ch.Bally.- Berne, 1944. - 318 p. **26. Балли Шарль** Французская стилистика: учеб. Пособ./ Шарль Балли.- М.: Высшая школа, 1961.- С.280.

Шавва Т. Ю. Место телескопии в словообразовательной системе современного французского языка

В данной статье речь идет об одном из способов французского словообразования. Автор рассматривает различные точки зрения для определения места данного способа, который называется телескопия, во всей системе современного французского словообразования.

Ключевые слова: словообразование, неологизм, телескопное слово, игра слов, традиционное видение

Shavva T.Yu. Portmanteau in word formation model of the modern French language

This article is dedicated to an interesting word formation model of the modern French language, viz. to a portmanteau word (télescopage, in French terms). The author of the article examines portmanteau mechanism from the different points of view.

Keywords: word formation, neologism, portmanteau word, wordplay, the traditional view

УДК: 811.112.2'373.45:070

Шамхалян А.А.

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ

Актуальность. В условиях превращения массовой газетно-журнальной среды обитания в элемент общественной связи, значительно возрастает актуальность изучения языка публицистики и вместе с тем, изменений в лексике и словарном запасе, в частности заимствований. Поскольку их становится все больше, они вытесняют исконно немецкую лексику. Проблема заимствованных слов сегодня не является новой, ею занимаются многие исследователи. Сам процесс заимствования новых слов идет так быстро, что ни одно исследование, сколько бы их ни проводилось, не окажется в этой ситуации лишним.

Анализ последних исследований и публикаций. Интеллигенция, лингвистические круги и общественность Германии в последние годы активно обсуждает ситуацию, сложившуюся в немецком языке в связи с избытком английских заимствований в сфере прессы. Явление, берущее свое начало в 40-х годах XX века, к началу следующего века принимает, как утверждает языковая статистика, катастрофический оборот. Специалист по статистике языка Ульрих Аммон приводит данные, в соответствии с которыми количество публикаций на английском языке по естественным наукам в 1996 году составляет 90,7%, в то время как немецких – 1,2%. Герхард Штикель приводит данные социологических опросов студентов разных специальностей. По его данным, 40,9% студентов считают, что английский язык почти или полностью укоренился в обучении экономическим наукам в Германии, 78,5% - в экологических науках, 86,2% - в

14 апреля 2016 года, город Луганск,

биологических науках, 86,5% - в естественных, математических и инженерных науках. Большие успехи в изучении данного феномена были достигнуты уже к началу XX века. Среди отечественных исследователей, особенно значительными в этой области были работы: Я.К. Грота, А.И. Соболевского, М.Р. Фасмера, Н.А. Смирнова, И.И. Огиенко, А.В. Палкова, М.С. Омельченко. Несмотря на то, что количество лингвистических работ, посвященных проблемам заимствования, достаточно велико, не существует единого мнения по поводу понимания самого процесса заимствования. Мало того, с ростом числа исследований как отечественных, так и зарубежных лингвистов, всё больше проявляются противоречия между традиционными взглядами на проблемы, связанные с заимствованием, и новыми представлениями о данном языковом явлении.

Целью данной работы является изучение особенностей англо-американских заимствований в немецкой прессе и функционирование заимствований в немецкой публицистике.

Итак, заимствования - это переход элементов одного языка в другой как результат взаимодействия языков. Это слово означает также сами элементы, перенесенные из одного языка в другой.

Как известно, процесс обновлений в лексике посредством заимствований происходит постоянно, но есть периоды в развитии языка, когда он особенно интенсивен. Таким периодом в истории лексики немецкого языка стала вторая половина XX века, начиная с мая 1945 года.

За прошедшие более чем полвека в немецком обществе произошли радикальные перемены: изменились политические условия жизни носителей языка, наблюдаются значительные успехи экономики и совершенствование социальной системы. Всё это в

сочетании с общими для европейской культуры техническими и материальными новшествами не могло не сказаться на количественном росте современного словаря, на формировании отдельных его участков.

Кроме того, жизнь общества - это постоянное движение. Это большие, малые и совсем неприметные изменения и события, появление значительных или малозначительных или даже, казалось бы, совсем неважных, но ранее совсем не существовавших или незаметных фактов любого рода - начиная от новых предметов потребления и заканчивая новыми культурно-историческими и социально-политическими идеями. Все эти перемены, создаваемые обществом, требуют и получают соответствующее словарное оформление в виде названий. Таков основной мотив заимствования новой лексики - от отдельных слов до развернутых названий, словосочетаний.

Английский язык обогатил немецкий язык многочисленными синонимами и новыми понятиями. Употребление некоторых целесообразно, а некоторых - нет. В Германии с недавних пор стало модой употреблять английские слова вместо немецких. Но их употребляют не все немцы, а только те, кто владеет английским языком. Например, в больших немецких городах или крупных вокзалах на каждом шагу можно встретить английские выражения: *Mc Clean, Moonlight, Check in, Image - Center, City - Shopping*.

Наиболее важными и характерными чертами любого языка и его словарного состава являются подвижность, изменчивость, стремление к совершенствованию за счет различных средств и ресурсов. Одним из путей обогащения словарного запаса является заимствование слов иноязычного происхождения [1, с.74].

В результате взаимодействия различных народов в культурной, экономической, научно-технической сфере, в
14 апреля 2016 года, город Луганск

прессе, в спортивном направлении, приводит к пополнению лексики того или иного языка заимствованиями. Заимствованными могут быть, как правило, слова и значения из других языков, реже – фразеологические обороты и синтаксические конструкции, очень редко – словообразовательные морфемы.

Вариантов определения термина «заимствования» существует множество. Приведем некоторые из них.

Е. В. Розен определял, что «заимствованиями называются слова, иноязычного происхождения, независимо от времени заимствования и степени их ассимиляции» [5, с.14].

Вслед за Е. В. Розен мы рассматриваем заимствования в немецком языке «как процесс, при котором лексика из одних языков попадает в немецкий язык, либо как совокупность заимствованных слов в существующем лексическом фонде немецкого языка. В первом случае важно то, когда и каким образом иностранная лексика проникала в язык, во втором — какова её структура» [5].

А. В. Палкова считает, что под заимствованием понимается «процесс заимствования, т.е. переход иноязычного слова в данный язык и результат этого процесса в целом» [2, с.123].

Заимствование является неотъемлемой составляющей процесса функционирования и исторического изменения языка. Это один из основных источников пополнения словарного запаса. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами. Заимствование увеличивает лексическое богатство, служит источником новых корней, словообразовательных элементов и точных терминов и представляет собой следствие условий социальной жизни человечества. Процесс заимствования

лежит уже в самой основе языковой деятельности. Однообразие звуковое и формальное, замечаемое в пределах одного известного языка или говора, объясняется только процессом постоянного взаимного заимствования одними индивидуумами у других.

Существует ряд причин проникновения английских слов и выражений в немецкий язык и их благополучной адаптации:

1. Все страны мира находятся в тесной связи друг с другом. События (войны, революции, новые политические режимы), которые переживают одни страны, влияют на политическую жизнь в других странах и приносят с собой новую лексику, понятия и выражения в другие языки. Немецкий язык обогатил свой словарный запас греческими и латинскими словами в эпоху Гуманизма в XV-XVI веках. Благодаря этому возникло много интернационализмов. В XVII-XVIII. веках большое влияние на немецкий язык оказал французский язык. В период Второй мировой войны в немецкую речь пришло много новых слов из англо-американского языкового пространства.

2. Англицизмы распространены во многих сферах жизни в Германии. Почему же?

Реклама использует охотно английские и американские понятия, чтобы пропагандировать чужой образ жизни и представить своим клиентам дух другого далёкого мира. Поэтому люди и *покупают Lotion, Snacks, Shorts, Conditioner*. Всем известна рекламная лексика – *Slogans, Marketing, Corporate Identity, Promotion, Image, Message*.

Техника, особенно мир компьютеров и интернет, накладывает на язык свой особый отпечаток: *Mouse, E-Mail, Online, Provider*. Но и до этого в немецком языке уже существовали технические понятия из других областей техники: *Airbag, Display, Playstation, Gameboy, Joystick* и т.д.

В спорте становится всё больше типично американских видов спорта с соответствующими им понятиями, которые облегчают спортсменам и болельщикам их общение и понимание: *Fan, Match, Cross, Freestyle, Penalty, Badminton, Sprint, Finish, Team, Handicap*. В музыке используется большое количество англицизмов: *Charts, Singer-Songwriter, Boom, Album, Single, Wave, Popmusik*,

Также есть и другие источники англицизмов: в СМИ – *Feature, Pay-TV, Motion, Primetime, Print, Slow, Entertainer*, в косметической индустрии – *Make-up, Foundation, Fluid, Eyeliner, Strip, Cover*, в мире моды – *Fashion, Dress, Look, Top, Boots*.

Эти сферы испытывают огромное терминологическое влияние, здесь возникают новые термины на основе новых технологий, в основном из США. Профессионализмы представляют собой богатый материал для развития языковой системы. Многие термины сегодня приходят и в повседневную речь: *Probleme managen, Vorbestellungen canceln, Preise scannen*. А вот ещё один прекрасный образец внедрения англицизмов в разговорную речь: «*Langst kaufen Mum und Dad mit ihren coolen Kids lieber im Shopping-Center auf der grünen Wiese als im biederen Discounter in der City und noch auf der langweiligen Geburtstagparty singen die Gäste Happy Birthday.*»

3. Языкознание обосновывает внедрение иностранных слов в немецкий язык тем, что для некоторых поступающих из-за границы предметов, вещей, понятий в немецком языке нет специальных названий, их можно обозначить только с помощью описания, используя при этом словосочетания или даже целые предложения. Например, *Public Relations* обозначает по-немецки *Öffentlichkeitsarbeit, öffentliche Beziehungen, Kontaktpflege und Meinungspflege*. Или понятие *Manager* можно

объяснить по-немецки только следующим образом: *mit weitgehender Verfügungsgewalt und Entscheidungsbefugnis ausgestattete leitende Personlichkeit eines Grossunternehmens*. Здесь, конечно, лучше употребить англо-американские термины, так как немецкие эквиваленты описывают эти понятия слишком сложно и многословно. Теодор Адорно писал: «Лучше использовать иностранные слова там, где по каким-либо причинам невозможен дословный перевод» [14]. Таким образом, из-за причины отсутствия в родном языке эквивалентного слова для нового предмета или понятия, существует потребность в специализации предметов и понятий в языках профессионального общения (*Computer, Scanner, Chips, Jeans, Software, Browser, Provider, Compact Disk/CD, Netbook, Mailbox*).

4. Известно также, что англо-американский словарный запас больше и имеет около 700 000 лексических единиц. Немецкая лексика охватывает только около 400 000 слов. Поэтому имеется много таких понятий, для которых в немецком языке нет эквивалентов. Возможно, дело заключается в том, что английский уже давно стал языком мирового общения благодаря его интернациональному значению и его распространению в экономике, науке, технике, культуре, моде и спорте.

5. Таким образом, получается, что 100 миллионам людей, для которых немецкий язык является и родным, и государственным, противостоят около 1,4 миллиардов, которым английский приходится родным языком, или они превосходно владеют им как иностранным языком. Почти каждый подросток на Западе проходит через изучение английского как первого иностранного языка, и для молодёжной культуры значительное место на музыкальной сцене занимают англоязычные исполнители.

6. Каждый язык стремится к краткости. Телеграммный стиль используется не только в E-mail сообщениях, но и в обыденной речи. Многие английские

слова короче и удобнее в произношении, чем немецкие. Тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота, т.е. тенденция к экономии языковых средств при этом от более короткого заимствования проще образуются производные единицы по типичным для немецкого языка словообразовательным моделям. Например, сравним такие слова как *Trucker* (2 слога и 7 букв) и *Lastwagenfahrer* (5 слогов и 15 букв). Ещё примеры: *Jointventure* – *Gemeinschaftsunternehmen*; *Management* – *Unternehmensleitungen*; *Mailen* вместо *einen Brief per Internet schreiben und dann senden*; *E-Mail* вместо *elektronischer Brief*. Итак, видно, что англицизмы имеют более краткую форму в сравнении с аналогичными по значению немецкими словами.

7. Употребление англицизмов играет большую роль, чтобы собеседники могли лучше понимать друг друга, без трудностей и однозначно. Англицизм должен употребляться в случае затруднения понимания.

8. Спорным является употребление англицизмов и англо-американизмов, если они не имеют особой содержательной, стилистической или синтаксической функции. В таких случаях англицизмы используются часто для хвастовства или создания имиджа, когда собеседники хотят подчеркнуть свой социальный или интеллектуальный уровень. Или же им хочется показать свою принадлежность к молодёжи и современность. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что к многочисленным англицизмам имеются точные и выразительные немецкие соответствия: *Lover* не намного лучше *Liebhaber*, вместо *Loser* не хуже *Verlierer*. *Feeling* – это *Gefühl*, *Airport* остаётся *Flughafen*, *Deal* – это *Handel*. Заимствования постепенно вытесняют из сферы употребления немецкие соответствия. Например, *Hobby* вместо *Lieblingsbeschäftigung*, *Party* вместо *Abendveranstaltung*, *Baby* вместо *Kleinkind*, *cool* вместо *sehr*

366 14 апреля 2016 года, город Луганск

gut, Joint-Venture вместо *Gemeinschaftsunternehmen*,
Weekend вместо *Wochenende*, *Shop* вместо *Laden*, *Highlight*
вместо *Höhepunkt*). [4, с.111]

«Явление «англо-американизации» немецкого языка можно рассматривать как результат борьбы двух тенденций, а именно – развития языка и его стабильности. Немецкий язык старается компенсировать потерю мирового значения через приспособление к другим языкам мира и, прежде всего, к языку глобализации, и не только из модного подражания, но также из-за внутренней языковой необходимости облегчить международную коммуникацию». [2, с.150]

На разных этапах своей истории немецкий язык заимствовал слова из других языков. Интенсивность заимствований вообще и заимствований из определенного языка изменялось в немецком языке от периода к периоду. Некоторые языки постоянно поставляют – по крайней мере, до сих пор поставляли немецкому языку новые слова в весьма значительном количестве латинский, французский, английский, другие языки используются немецким тоже постоянно, но менее интенсивно. Есть языки, заимствования из которых носят случайный эпизодический характер, они представлены одним-двумя словами, не считая так называемых «экзотических» слов, число которых в значительной степени зависит от чувства авторов, описывающих жизнь и быт какой-то обычно весьма отдаленной страны [3, с.90].

Не удивительно, что немецкий язык принимает заимствования из английского языка более открыто, так как он близок к немецкому. Проведенный анализ немецкой прессы показывает, что 75% всей употребляемой лексики составляют англицизмы [4, с.109].

Хотелось бы отметить, что газетно-публицистический стиль выполняет функции воздействия и сообщения (информирования). Журналист сообщает о
14 апреля 2016 года, город Луганск

фактах и дает им оценку. Взаимодействие этих двух функций и определяет употребление слова в публицистике. По сравнению с другими функциональными стилями (кроме художественного и разговорно-бытового) доля средств и способов достижения экспрессивности оказывается в публицистической речи в целом весьма высокой. Не случайно характеристику публицистического стиля обычно ограничивают описанием специфически экспрессивных средств. Одно из таких средств - использование заимствованных слов.

Современные средства массовой информации отражают основные социально-экономические процессы в обществе и процессы преобразований в языке. Любое явление или событие в том или ином виде находит отражение на страницах газет и журналов, на экранах телевизоров, в новостных лентах Интернет-порталов. Те или иные словообразования, привнесённые в язык средствами массовой информации, прочно входят в нашу речь, укореняются в ней. Важным обстоятельством является то, что СМИ с полным правом считается одним из основных источников распространения языка, через них движется огромный поток заимствований.

Употребление заимствованной лексики помогает наполнять текст СМИ определенной долей экспрессивности и отойти от официальности, наладив, таким образом, контакт с читательской аудиторией. Значимую роль имеет фактор глобализации (от лат. *globus* - шар, фр. *global* - всеобщий) - феномен, который сегодня наблюдается во всех областях жизни человека. По отношению к языку на современном этапе развития мирового сообщества чаще всего говорят о глобализации английского языка, так называемой «американизации».

Подводя итог из вышеизложенного, мы можем утверждать, что заимствования являются неотъемлемой частью любого активно развивающегося языка. На

современном этапе развития немецкого языка заимствования из английского стали трендом в лексике. Англо-американизмы вошли в систему немецкого языка быстрым потоком, целым рядом видоизменений и одновременно со своими особенностями. Что касается ассимиляции англо-американизмов в немецкий язык, то этот процесс имеет свои особенности и общие сложности. Особенности ассимиляции проявились в разных аспектах языка: в лексике, в морфологии, в словообразовании. Заимствованная лексическая единица присвоила функции и свойства принимающего языка, тем самым интегрировав в язык-рецептор по его правилам. Полная ассимиляция дала возможность англо-американизмам не только быть активно использованным в коммуникации, но и участвовать в новообразованиях принимающего языка и создавать лексические гнезда, что мы и наблюдали на наших примерах, тем самым расширяя лексикон и создавая новые лексические средства для общения.

Таким образом, ассимиляция англо-американизмов расширяет и актуализирует немецкий язык. С помощью различных средств принимающего языка в виде суффиксов, окончаний, артиклей, англо-американизмы соответствуют правилам немецкого языка, что показывает в большей мере доминирование немецкого и безопасность англицизации немецкой речи.

Список использованных источников

1. **Омельченко М.С.** Особенности функционирования заимствованной лексики в текстах СМИ: на материале немецкоязычной прессы. / М.С. Омельченко. – Москва, 2010. – 31 с.
2. **Палкова А.В.**- Англо-американские заимствования в языке пользователей Интернета // Terra linguae: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Д. Травкина./А.В. Палкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – Стр. 148-168.

3.Розен Е. В. Новое в лексике немецкого языка - 2-изд./Е.В. Розен. – М.: Просвещение, 1976- 174 с.

4.Россихина Г. Н. новый англо-немецкий язык: угроза или реальность/Н. Россихина// Филологические науки. – 2001.- №2.- с. 109-116. 5. Заимствования в немецком языке – URL: <https://ru.wikipedia.org/> Ноу-хау- URL: <https://ru.wikipedia.org/>

Шамхалян А. А. Английские заимствования в современной немецкой прессе

В данной статье рассмотрено вопрос о заимствований англицизмов в современной немецкой прессе. В наше время проблема заимствования так же актуальна, как и проблема сохранения лексического фонда языка. Проанализированы проблемы проникновения англо-американизмов в немецкий язык, классификация заимствований. Особое внимание обращается на язык прессы и заимствования, наиболее часто употребляемые в языке СМИ.

Ключевые слова: заимствование, англо-американизмы, пресса, СМИ, немецкий язык.

Schamkhalian A.A. English borrowing in modern German press.

A problem which is considered in this article is the problem of Anglicisms borrowings in the example of modern German language press. Nowadays the problem of borrowing is as relevant as the problem of preserving language lexical fund. The author analyses the problem of pervasion of Anglo-Americanisms in the German language, classification of borrowings. Special attention is drawn to the language of the press and borrowings, which are used in the mass media language most frequently.

Key words: borrowing, Anglo-Americanisms, press, mass media, German language.

Шинкаренко Я.В.

**ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ
БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ
К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ В
ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Процесс реформирования системы образования требует подготовки высококвалифицированных специалистов, которые обладают высоким уровнем знаний английского языка. Ведь конкурентоспособность современных специалистов зависит не только от их профессиональных навыков, но и от творческого мышления, воспитания и знания английского языка. Одной из характерных черт процесса глобализации является открытие международных фирм, для работы в которых специалисты должны владеть иностранным языком для реализации таких аспектов профессиональной деятельности, как ознакомление с новыми технологиями, открытиями и тенденциями в развитии науки и техники, налаживания контактов с зарубежными партнерами. Именно поэтому все больше внимания уделяется изучению профессиональной лексики на практических занятиях по английскому языку. Новые требования предъявляются к методике преподавания английского языка профессиональной направленности в аграрных вузах.

В последнее время все больше внимания уделяется вопросам преподавания английского языка профессиональной направленности. Такие ученые, как Е. Мирошниченко, И. Онисина, Л. Котлярова, Г. Савченко, А. Тарнопольский, Л. Ананьева, Л. Логутина создали собственные методики преподавания. Среди зарубежных ученых, которые уделяют внимание обучению

14 апреля 2016 года, город Луганск

английскому языку по профессиональной направленности, можно выделить таких, как S. Burger, M. Wesche, M. Migneron [5], N. Cloud, F. Genesee та E. Hamayan [6], J. Crandall [7] и др. Несмотря на то, что проблема профессионально-ориентированного обучения английскому языку исследовалась многими авторами, но она остается актуальной и в наше время.

В современном мире развитие межкультурной коммуникации, международных деловых контактов, создание многочисленных международных предприятий, расширение международного сотрудничества ставят заданием овладение английским языком как способом межкультурного общения специалистов. Задача вузов – обеспечить высококачественную подготовку будущих экономистов, которые отлично знают специфику своей работы и готовы к общению по профессиональной экономической направленности не только на родном, но и на английском языке. Вопрос о необходимости знания английского языка не вызывает возражений, так как без владения английским языком профессиональной направленности невозможен обмен информацией между партнерами. Конкурентоспособные квалифицированные специалисты должны уметь читать и переводить литературу по специальности, уметь вести дискуссии на профессиональные темы, находить нужную информацию в интернете или любых англоязычных источниках. Таким образом, обучение английскому языку в аграрных вузах предусматривает овладение студентами навыками англоязычной коммуникации в профессиональных целях. Главной целью профессионального обучения является формирование личности специалиста, который будет хорошим, конкурентоспособным специалистом. Другими словами, оно должно обеспечить не только овладение совокупностью знаний и умений, включая коммуникативную компетенцию в английском языке, но и

372 *14 апреля 2016 года, город Луганск*

формированию профессиональных качеств будущих экономистов. Важную роль в этом процессе играет мотивация изучения английского языка, которая выражается в необходимости организовать профессиональную коммуникацию, в том числе и на английском языке.

Очень часто молодые специалисты, даже владея достаточным уровнем профессионального лексического запаса, испытывают проблемы, общаясь с партнерами на английском языке по профессионально-ориентированной тематике. Поэтому будущим экономистам еще в период обучения в вузе нужно овладеть такими коммуникативными умениями, как умение выделять тему общения, демонстрировать свои знания в определенной отрасли, используя профессиональную лексику на английском языке, уметь правильно строить предложения, выражать собственную точку зрения. Это обеспечит готовность будущего специалиста к ведению профессиональной коммуникации как важному элементу выполнения профессионального задания. Таким образом, подготовка специалиста-экономиста с надлежащим уровнем коммуникативной готовности должна стать важной составляющей процесса профессиональной подготовки студентов в современных аграрных вузах.

К сожалению, на сегодняшний день во многих неязыковых вузах в учебном процессе идет ориентация содержания профессионального образования только на профильные дисциплины, недооценивается роль английского языка как способа формирования иноязычной речевой компетенции студента. Но на самом деле существует объективная потребность в изучении английского языка, которая связана с ориентацией на партнерство с зарубежными странами. Повышается роль английского языка не только как средства профессионального общения, но и как средства

14 апреля 2016 года, город Луганск

достижения социальных ролей.

При преподавании английского языка профессиональной направленности преподаватель должен заинтересовать студентов, а для этого нужно использовать материалы по выбранной ими специальности, в нашем случае – экономической. Это будет стимулировать к изучению английского языка, повышать и расширять их профессиональные знания. Тексты по специальности являются источником словарного запаса студентов, примером употребления терминологической лексики в контексте, что помогает конкретизировать значения слов, объяснить и уточнить случаи их употребления относительно языковых норм и стандартов [1; с. 67]. Будущий экономист должен понимать смысл текстов по специальности, учить специальную лексику к этим текстам, а затем вводить ее в разговорную речь. Задаaniem преподавателей английского языка является моделирование в процессе практического занятия таких коммуникативных ситуаций, участие в которых заинтересует будущих экономистов и стимулирует желание усовершенствовать уровень их разговорной английской речи и коммуникативное мастерство. То есть, обучение в вузе не сводится к простому зазубриванию текстов, которое не имеет практической ценности для будущей жизнедеятельности студентов. Студент оказывается в центре обучения и обучается коммуникации в процессе самой коммуникации. Таким образом, студенты совершенствуют навыки устной речи, и у них исчезает страх перед ошибками. Они строят диалоги, при этом поддерживают общение со скоростью и спонтанностью, которые являются достаточными, чтобы не причинить неудобство собеседнику. Как, например, дискуссия-диалог о построении собственного бизнеса, где студенты расспрашивают о бизнес плане, инвесторах и т.д. При этом студенты могут пользоваться фразами-подсказками. На

первых этапах у студентов возникают трудности в связной речи и создании ситуации, максимально приближенной к дискуссии, в которой обоим собеседникам было бы интересно общаться. Такой речевой барьер является причиной недостаточной практики или недостатка словарного запаса профессиональной лексики.

На занятиях используются ролевые игры, которые являются активным методом обучения, способом развития коммуникативных способностей студентов. Ролевые игры связаны с интересами студентов, их специальностью. Это способ эмоциональной заинтересованности, мотивации учебной деятельности. Ролевая игра помогает преодолеть речевые барьеры студентов, повышает объем их профессионального лексического запаса. Это обучение в действии. Так, например, для экономических специальностей можно провести ролевую игру «В банке», где студенты делятся на кассира, менеджера по работе с клиентами, клиентов. Данная игра активизирует речевую деятельность, так как студенты оказываются в ситуации, когда им нужно что-то сказать, спросить. Каждый участник игры организует свое поведение в зависимости от поведения партнеров и своей коммуникативной цели. Итогом игры является решение проблемы.

Данные методы позволяют создать максимально приближенную к реальной профессиональной ситуации обстановку, благодаря чему студенты учатся решать проблемы, конфликтные ситуации, используя профессиональные знания, на английском языке, что в будущем позволит им не растеряться, если окажутся в подобной обстановке. Приближенность к реальным ситуациям, без сомнения, повышает мотивацию студентов, позволяя преодолеть психологические барьеры, которые могут возникнуть при отработывании речевых навыков в традиционной учебной среде в аудитории.

На сегодняшний день происходят реформы в учебном процессе в вузах: информатизация образовательного пространства, налаживание сотрудничества национальных высших учебных заведений с иностранными в сфере учебной и научной деятельности. Студенты получили возможность ездить на обучение по обмену, получить высшее образование по магистерским программам за границей. Все европейские страны являются участниками международного обмена студентов. В США для учебы по обмену можно стать участником программы Global UGRAD. Кроме того, те, кто мечтает побывать в Америке, может принять участие в Work and Travel USA – программе, по которой студенты едут в летний период работать в США. Из пяти месяцев четыре отводятся для работы, а один – для путешествий.

Студенты ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет», например, проходят практику в США, Англии, Германии, Дании, Ирландии, Швеции и др. странах. И что важно, практика проходит на высоком уровне, и студенты имеют возможность перенять передовой опыт в сельскохозяйственной отрасли не только в Европе, но и по всему миру. Поэтому главной целью изучения иностранного языка в аграрных вузах является овладение студентами коммуникативными компетенциями, которые позволят реализовать их знания, умения и навыки для решения коммуникативных заданий в реальных жизненных ситуациях.

Без знания английского языка будет просто невозможно осуществление практики за границей, ведь необходимо построить диалог с представителями других наций. Таким образом, коммуникативный метод является одним из основных методов, используемых на практических занятиях при изучении дисциплины «Английский язык профессиональной направленности». Достоинством этого метода является то, что студенты-

аграрии учатся устной речи, используя сельскохозяйственную лексику в диалогах. В дальнейшем будущий специалист может использовать полученные знания на практике в иностранных государствах и уже самостоятельно развивать свой лексический запас и получать опыт в аграрной отрасли. По окончании вуза студенты, прошедшие практику за границей, являются более конкурентоспособными. Это уже специалисты, знающие английский язык, умеющие употреблять его в разговорной речи на профессиональные тематики.

На современном этапе развития общества, которое все быстрее и быстрее интегрируется в международное пространство, изучение иностранных языков, а особенно английского, становится очень важным. Особенно это касается будущих экономистов, финансистов, которые должны проявлять высокий профессионализм не только в своей узкой специальности, но и сотрудничать с иностранными партнерами, инвесторами. Поэтому высшие учебные заведения должны уделять особое внимание преподаванию иностранного языка профессиональной направленности, которое имеет свою специфику и особенности. Использование инновационных технологий, удачно подобранный материал, который включал бы все необходимые аспекты, правильно обозначенный метод преподавания материала, а главное умение донести его слушателю – залог успешно проведенного занятия по английскому языку.

Список использованных источников

- 1. Барабанова Г.В.** Методика навчання професійно-орієнтованого читання в немовному ВНЗ / Г.В. Барабанова. – К. : ІНКОС, 2005. – 101 с. **2. Крат О.І.** Компоненти системи навчання іноземної мови професійного спрямування через зміст професійної діяльності / О. І. Крат
14 апреля 2016 года, город Луганск,

// Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. – Серія «Педагогіка і психологія». – 2011. – № 2(2). – С. 69–74. **3. Поляков О.Г.** Профильно-ориентированное обучение английскому языку / О.Г. Поляков // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 3. – С. 6–11. 4. Рекомендації з мовної освіти : вивчення, викладання, оцінювання / [наук. ред. українського видання С. Ю. Ніколаєва]. – К. : Ленвіт, 2003. – 273 с. **5. Тарнопольський О.Б.** Методика навчання студентів вищих навчальних закладів письма англійською мовою : [посібник для студентів вищих навчальних закладів] / О.Б. Тарнопольський, С.П. Кожушко. – Вінниця : Нова книга, 2008. – 288 с. **6. Burger S.** “Late, late immersion” Discipline-based second language teaching at the University of Ottawa / Burger S., Wesche M., Migneron M. // Johnson & Swain (eds.). 1997. – P. 65 –84. **7. Cloud N.** Literacy Instruction for English Language Learners / Cloud Nancy, Genesee Fred, Hamayan Else. – Portsmouth : Heinemann, 2009. – 32 p. **8. Crandall J.** Content-centered instruction in the United States. Annual Review of Applied Linguistics. – 1992. – № 13. – P. 111–126.

Шинкаренко Я.В. Формирование готовности будущих экономистов к профессиональному общению в процессе изучения английского языка профессиональной направленности

В статье определены цели и методы обучения общению на профессиональные темы студентов экономических специальностей в процессе обучения английскому языку профессиональной направленности. Выделены особенности формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущих экономистов. Также был сделан вывод о том, что высшим учебным заведениям нужно уделять особое внимание преподаванию английского языка профессионального направления.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция, профессиональная коммуникация, ролевая игра.

Shinkarenko Y.V. The formation of readiness of the future economists to professional dialogue in the process of study English language for special proposes.

There are purposes and methods of teaching to communicate on professional topics of students of economic specialties in the process of study English for special proposes are defined in the article. The features of formation of foreign language communicative competence of future economists are highlighted. Also, it was concluded that the higher education institutions need to pay special attention to the teaching of the English language for special proposes.

Key words: Cross-cultural communication, communicative competence, professional communication, role playing.

УДК 811.131.1'25:392.91

Юрина Н.А.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕДАЧИ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Проблема передачи имён собственных существует при переводе с различных иностранных языков. Тем более, что эта задача связана с реалиями конкретного иностранного языка. Под реалиями в лингвистической литературе понимаем, вслед за С.Г. Терминасовой, предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты и процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках [8, с. 4].

Изучением передачи имён собственных при переводе занимались В.Г. Гак, Р.С. Гиляревский, Д.И. Ермолович, Б.А. Старостин и другие. Согласно Д.И. Ермоловичу, «имя собственное – объект межъязыкового и культурного заимствования. Применительно к переводу с одного языка на другой говорят о передаче имени собственного» [4, с.14].

Имена собственные предназначены для индивидуального названия предмета, независимо от конкретной ситуации.

К носителям имён собственных Д.И. Ермолович относит людей, животных, учреждения, компании, географические и астрономические объекты, корабли и другие самые разнообразные предметы и причисляет также названия книг, фильмов, других произведений литературы и искусства [4, с. 9-10].

Лексическая категория имён собственных имеет сложные формальные, содержательные и ассоциативные

характеристики. К тому же, имён собственных существует множество; некоторые из них общеизвестны, другие – малоизвестны. По этой причине им мало уделяется внимания в различных словарях и пособиях по переводу. Например, в двуязычном словаре К.А. Ганшиной из имён собственных, в качестве приложения, приведены только географические названия, да и то лишь самые общепотребительные [2, с. 892-899].

Приёмы передачи имён собственных очень мало изучаются не только в средних учебных заведениях, но и в ВУЗах, включая те, которые готовят специалистов по иностранным языкам. Результатом этого являются ошибки, неточности, разночтения при переводе текстов, которые включают в себя иностранные имена и названия. Рекомендации по практической передаче имён собственных и названий публикуются крайне редко. [6, 7]. Строгих правил передачи имён собственных не существует, есть лишь некоторые рекомендательные закономерности, о которых, относительно французского языка, пойдёт речь далее.

В лингвистике учёными предлагается три следующих приёма для передачи имён собственных при переводе. Это перевод, транслитерация, транскрипция. Рассмотрим все три способа и сферы их применения.

К переводу В.Г. Гак относит передачу названий организаций, значимых элементов географических названий (*Bas-Rhin - Нижний Рейн*), а также случаи использования национальных форм личных имён (*Léon - Лев*). Этот способ используется сравнительно редко. [1, с. 424].

Транслитерация это изображение буквами одного языка написания собственного имени в другом языке. При этом произношение не учитывается. Этот способ применялся при переводе с французского языка в XVIII – XIX веках (*Дидерот вместо Дидро - Diderot*).
14 апреля 2016 года, город Луганск

остатки традиционной транслитерации видны в современных написаниях (*Marat - Marat*).

Однако, основным способом передачи имён собственных при переводе в настоящее время является транскрипция – изображение буквами языка-реципиента звучания конкретного слова в языке-доноре. Так как фонетические системы в разных языках, а в данном случае – французском и русском, не совпадают, то транскрипция всегда приближительна.

Знания и умения, необходимые для правильной передачи французских собственных имён:

- правильно прочитать французское слово, так как во французских именах собственных часты исключения из стандартных правил чтения (точное произношение данного имени собственного могут дать только справочники);

- правила соответствия русских букв французским фонемам;

- правила графического оформления французских собственных имён в русской транскрипции (дефис, апостроф, прописные и строчные буквы, слитное и раздельное правописание);

- традиция передачи конкретного имени собственного в русском языке.

Таким образом, трудности при передаче имён собственных при переводе с французского языка связаны с тем, что необходимо одновременно учитывать особенности чтения французских слов (где, повторяем, есть много исключений из правил), особенности русской транскрипции французских звуков, особенности графики и традиционность в некоторых написаниях. Далее рассмотрим вышеназванные особенности.

Чтение.

1. В названиях и именах, образованных из слияния двух слов каждая часть сохраняет своё звучание: *Montmartre* – (*Mont+martre*) – Монмартр.

Если вторая часть слова начинается с гласного, то конечная буква первой части произносится: *Montauban* – (*Mont+auban*) – Монтобан.

2. Конечные согласные (*r, s, st, t, z*) часто читаются вопреки правилам чтения. Всегда читаются окончания *-ès, -ez*: *Jaurès* – Жорес, *Thorez* – Топез. В отношении окончаний *-as, -us, -os, -is, -at, -it, -st, -er* следует обращаться к справочной литературе, так как существуют варианты: *Barras* – Баррас и *Thomas* – Тома.

3. Буква “*s*” часто не читается во французских именах перед согласными *t, l, n, m, d*: *Duchesne* – Дюшен.

4. Буква “*l*” практически никогда не читается между *au, oi* и *t, d*: *Renault* – Рено.

5. В некоторых именах перед “*v*” не произносится “*b*”: *Lefebvre* – Лефевр.

6. Буква “*y*” в сочетаниях *au, eu, ou, iu* в конце слова или перед согласным читается как одно “*i*”. Эти буквосочетания тогда транскрибируют как «*e (э)*», «*ya*», «*юи*»: *Du Bellay* – Дюбелле.

7. Буквосочетания “*ay*” и “*oy*” иногда произносятся раздельно – «*ай*», «*ой*»: *Bayard* – Байар. Такие случаи необходимо проверять по справочникам.

8. Часто в именах собственных буквосочетание “*en*” произносится как носовое «*э (эн)*» вместо носового «*a*»: *Mendès* – Мендес.

9. Особое место занимает чтение французских имён эльзасского, фламандского, провансальского происхождения: в эльзасских и фламандских именах “*ch*” читается как «*к*»: *Bloch* – Блок.

Русская транскрипция.

1. Открытые и закрытые «*e*» (*é, è, ê, ai, ei*) в русской транскрипции не различаются: они могут передаваться как

«е» или «э». Но существует несколько рекомендаций в зависимости от местоположения буквы в слове:

- в начале слова и после гласных пишется «э»: *Emile* - *Эмиль*, *Douaix* – *Дуэ*;

- после согласной под ударением в середине слова может также писаться «э»: *Taine* – *Тэн*;

- после согласной в конце слова предпочтительнее «е», однако может быть «э»: *Epernay* - *Эперне* или *Эпернэ*;

- после согласной в середине слова в безударном положении – всегда «е»: *Abélard* – *Абеляр*.

Общая рекомендация: не злоупотреблять буквой «э».

2. Открытое и закрытое “*eu (œu)*” передаются также, как “*é (è)*”: *Eure* – *Эр*, *Montesquieu* – *Монтескье*. Иногда только после согласной или «й» можно писать «ё»: *Deux-Sèvres* - *Дё-Севр*, *Vauzeux* – *Байё*.

3. Транскрибируя “*o*”, “*ou*”, “*a*” после «й» (*y, ill*) по-русски пишут вместо «ё» - «о», вместо «ю» - «у», вместо «я» - «а»: *Villon* - *Вийон*.

4. При передаче носовых звуков (*am, im, em, om*) по-русски «м» пишется только тогда, когда носовой стоит перед произносимым “*p*”, “*b*”; в остальных случаях пишется «н»: *Comte* - *Комт*, но: *Champagne* - *Шампань*, хотя бывают и исключения: *Chamfort* – *Шамфор*.

5. Буквосочетание “*oin*” передаётся в настоящее время через «уэн»: *Tourcoing* – *Туркуэн*, но, традиционно, как «уан», в *Poincaré* – *Пуанкаре*.

6. Буквосочетания “*il, ill*” в собственных именах, переведённых на русский язык в старину, передаются традиционно как «ль (иль)»: *Marseille* - *Марсель*, а в именах, переводимых настоящее время, как «й»: *Vaillant-Couturier* - *Вайян-Кутюрье*.

7. Буква “*h*” в старых заимствованиях передаётся, как правило, через «г»: *Hugo* - *Гюго*, *le Havre* - *Гавр*, а в настоящее время - любое “*h*” (немое или придыхательное)

в русской транскрипции не передаётся: *Hauteville* - *Отвиль*.

8. Буква “*u*” передаётся буквой «ю», хотя это не всегда соответствует французскому произношению: *Méhul* – *Меюль*.

9. Буква “*l*” в конце слова и перед согласной передаётся всегда через «ль», однако раньше перед гласными её передавали со смягчением: *Zola* - *Золя*, а теперь буквосочетания “*la*”, “*lo*”, “*lou*” передают «ла», «ло», «лу»: *Lafargue* – *Лафарг*.

10. При транскрибировании удвоенных согласных есть только общая тенденция: в положении между гласными передавать их на русский двумя согласными: *Laffite* - *Лаффит*, а на конце слова или перед согласной писать одну букву: *La Mettrie* – *Ламетри*.

Графика (употребление дефиса, апострофа, прописных букв).

1. В фамилиях с артиклем (предлогом), который пишется по-французски с прописной буквы, по-русски пишут его одним словом с фамилией: *La Fontaine* - *Лафонтен*, *Du Guesclin* - *Дюгеклен*. Если предлог пишется со строчной буквы, по-русски его пишут обычно отдельно или через апостроф: *Arsène d’Arsonval* - *Арсен д’Арсонваль*, *Honoré de Balzac* - *Оноре де Бальзак*.

2. В географических названиях артикли пишутся с прописной буквы и через дефис; основное слово также пишется с прописной буквы: *La Manche* - *Ла-Мани*.

3. Артикли, предлоги и союзы, входящие в состав географического названия, по-русски пишутся через дефис: *Bar-le Duc* – *Бар-ле-Дюк*, *Clichy-sous-Bois* – *Клиши-су-Буа*.

4. Апостроф при транскрибировании сохраняется: *L’Isle-Adam* – *Л’Иль-Адан*.

5. Буква, передающая звук, который появляется при связывании (*liaison*) пишется вместе со словом, в состав

которого она входит во французском языке: *Forges-les-Eaux* - *Форж-лез-О*.

Традиционные написания.

1. Географические названия:

- части географических названий, имеющих собственное значение, (*Mont, Port, Fort, Mer, Saint, etc.*) обычно не переводятся: *Mont-Blanc* – *Монблан*;

- предлоги и союзы, входящие в географические названия, транскрибируются: *Dives-sur-Mer* – *Див-сюр-Мер*. Исключения: предлог “*sur*” перед названием реки, если она в русской транскрипции – женского рода и оканчивается на «а»: *Chatillon-sur-Seine* - *Шатийон на Сене*; союз “*et*” в названия департаментов: *Lot-et-Garonne* - *Ло и Гаронна*;

- названия рек не принимают окончания женского рода «а»: *la Sèvre* – *Севр*. Исключения: *Вьенна, Гаронна, Жиронда, Йонна, Луара, Марна, Рона, Сена, Сомма, Сона, Уаза, Шаранта, Эна*;

- в названиях департаментов на русский язык переводится только та часть названия, которая обозначает части течения реки или горного хребта, где находится данный департамент: *Haute-Marne* - *Верхняя Марна, Pyrénées-Orientales* - *Восточные Пиренеи*;

- несколько географических названий Франции сохранили правописание, не соответствующее их французскому звучанию: города *Париж, Реймс, Мец, Гавр, Версаль, Марсель; Тулуза и Байонна* приобрели окончания «а»; *Рейн, Эльзас, Лотарингия, Вогёзы* транскрибируются на немецкий манер, а *Савойя, Ницца, Корсика, Аяччо* – на итальянский манер.

2. Названия улиц, площадей, городских достопримечательностей:

- широко известные названия такого рода обычно переводятся: *les Champs-Élysées* - *Елисейские поля*;

- менее известные – не переводятся: *Rue du Bas* - улица Бак.

3. Названия газет, учреждений, общественных организаций:

- наименования периодических изданий обычно транскрибируются, артикль перед первым словом опускается: “*L’Humanité*” - «Юманите».

- названия учреждений чаще всего переводятся: “*La Banque de Paris et des Pays-Bas*” – «Парижско-Нидерландский Банк»;

- наименования политических партий и массовых организаций переводятся: *La Confédération Générale du Travail* - *Всеобщая Конфедерация труда*.

4. Личные имена (prénoms):

- передаются путём транскрибирования: *Robert* - *Робер*. Ни в коем случае не ориентироваться на звучание похожих английских или немецких имён!

- женские имена принимают окончание «a»: *Isabelle* - *Изабелла*. Исключение: имена типа *Марион*, *Сесиль*, *Ирен*, *Мари*, *Констанс*, *Эстер*.

- переводятся имена французских королей и их прозвища: *Clovis* - *Хлодвиг*, *Charlemagne* - *Карл Великий*;

- французский вариант «Луи», а не «Людовик» пишется лишь в именах французских правителей Луи-Филиппа и Луи-Наполеона.

Рассмотренные приёмы передачи имён собственных помогут переводчикам достичь адекватного перевода.

Список использованных источников

1. Гак В. Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода – французский язык. – М.: «Интердиалект +», 2000. – 456 с.

2. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. 51 000 слов. Изд. 7-е, стереотипное. М., «Русский язык», 1977. – 912 с.

3. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные

имена и названия в русском тексте: Справочник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: «Высшая школа», 1985. – 303 с. **4. Ермолович Д.И.** Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с. **5. Ермолович Д.И.** Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р. Валент, 2005. – 416 с. **6. Инструкция** по русской передаче географических названий Франции. / Сост. К.Т. Бойко; Ред. Г.Г. Арутюнова. – М.: Наука, 1982. – 78 с. **7. Рекомендации** по русской передаче названий внутригородских объектов Франции. / Сост. К.Т. Бойко; Ред. Л.П. Сандалова. – М.: ЦННИГАиК, 1989. **8. Терминасова С.Г.** Язык и межкультурные коммуникации. – М., 2000, - 215 с.

Юрина Н.А. О некоторых особенностях передачи имён собственных при переводе с французского языка

Исследованы проблемы передачи имён собственных при переводе с французского языка; проанализированы особенности передачи различных видов имён собственных; охарактеризованы основные трудности передачи имён собственных при переводе с французского языка.

Ключевые слова: имя собственное, практическая транскрипция, транскрибировать, транслитерация.

Yurina N.A. About some peculiarities of rendering personal names while translating from the French language

The problems of rendering personal names while translating from the French language are investigated. The author analyses the peculiarities of rendering different kinds of personal names. The main difficulties of rendering personal names while translating from the French language are characterized.

Keywords: personal name, practical transcription, transcribe, transliteration.

Сведения об авторах

Ахмадуллин Дамир Ринатович, студент 3 курса филологического факультета специальности 6.020303 Филология (французский и английский язык и литература) ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Апухтина Елизавета Викторовна, студентка 3 курса филологического факультета специальности 6.020303 Филология (немецкий и английский язык и литература) ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Барыбина Марина Евгеньевна, преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Безверхая Инна Викторовна, преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Бондаренко Виктория Романовна, учитель иностранного языка ГУ «Луганская школа I-III ступеней № 25 имени М. С. Лиховида»

Борzych Елена Александровна, преподаватель кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВПО ЛНР «Донбасский государственный технический университет»

Васильева Ольга Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВПО ЛНР
14 апреля 2016 года, город Луганск

«Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Гайдаш Глафира Владиславовна, учитель французского языка ГУ «УВК школа-гимназия № 30», г.Луганск

Грицкова Наталия Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Дворцевая Анна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

Донцова Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВПО ЛНР «Донбасский государственный технический университет»

Иващенко Елена Витальевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВПО ЛНР «Донбасский государственный технический университет»

Калиновская Елена Андреевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВПО ЛНР «Донбасский государственный технический университет»

Калюжная Виктория Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Кисель Виктория Сергеевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Колесник Татьяна Ивановна, преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Коршко Татьяна Алексеевна, студентка 4 курса филологического факультета специальности 6.020303 Филология (немецкий и английский язык и литература) ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Криничная Татьяна Владимировна, ассистент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Кубракова Марина Виталиевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Ляшенко Наталья Александровна, преподаватель иностранных языков ОП «Стахановский педагогический колледж Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко»

Медяник Елена Александровна, студентка 3 курса филологического факультета специальности 6.020303 Филология (французский и английский язык и литература) ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Мирошниченко Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

Нежебовская Яна Евгеньевна, преподаватель иностранных языков, специалист второй категории ОП КТД ЛГУ имени Тараса Шевченко

Некрутенко Елена Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Остапенко Юлия Олеговна, студентка 2 курса филологического факультета специальности 6.020303 Филология (немецкий и английский язык и литература) ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Пантыкина Наталья Игоревна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Рубашка Алина Александровна, студентка 1 курса магистратуры специальности «Перевод» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Санченко Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Скляр Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Скоков Илья Владимирович, преподаватель ЛГАКИ им.М. Матусовского

Старикова Марина Васильевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков с латинским языком и медицинской терминологией ГУ «Луганский государственный медицинский университет»

Стасевич Юлия Юрьевна, преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Тамбовцева Дарина Александровна, студентка 2 курса филологического факультета специальности 6.020303 Филология (немецкий и английский язык и литература) ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Тертычная Наталья Николаевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков с латинским языком и медицинской терминологией ГУ «Луганский государственный медицинский университет»

Тимошенко Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Ткачева Юлия Геннадиевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР
14 апреля 2016 года, город Луганск

«Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Токмачёва Марина Алексеевна, преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Шавва Татьяна Юрьевна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Шамхалиян Анаит Арменовна, студентка 3 курса филологического факультета специальности 6.020303 Филология (немецкий и английский язык и литература) ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

Шинкаренко Яна Владимировна, преподаватель кафедры иностранных языков ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

Юрина Наталья Александровна, преподаватель кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВПО ЛНР «Донбасский государственный технический университет»

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНСКОЙ И
РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

**Сборник материалов Республиканской
научно-практической конференции**

14 апреля 2016 г.

(на языке оригинала)

Рабочие языки конференции:
русский, украинский, английский, французский, немецкий

Ответственность за содержание материалов несут авторы

Оригинальный макет и компьютерный набор – Грицкова Н. В.

Подписано к печати 26.05.2016 г.

Тираж 50

Формат 60x84 1/16 Бумага офс. Печать RISO.

Усл. печат. л. 5,6 Уч.-изд. л. 4,9

Издатель и изготовитель:

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, ЛНР

Издательство "ЛГУ им. Т.Шевченко"